Нас, литераторов, сегодня много, глубоко переживающих разрушение нашего Отечества. И вот Лидия Сычева говорит об этом так глубоко, так страдающе и укоризненно, как может говорить только женщина, слыша святой голос истины.

Валентин Сорокин, поэт

Публицистика Лидии Сычевой – обжигающая, волевая, честная. Она смотрит на русский мир и его самые трудные проблемы, желая понять, а не оскорбить; находя всегда кого любить; видя несчастный наш народ все же народом, не потерявшим совести. Она, действительно, свободный писатель, поскольку всегда позволяет себе роскошь говорить правду и писать духовную биографию времени.

Капитолина Кокшенева, критик

Патриотическая публицистика окрепла, когда в нее включились такие авторы, как Лидия Сычёва – человек с ясным умом, несгибаемым благородным характером и редкой по нынешним временам высокой культурой русского языка.

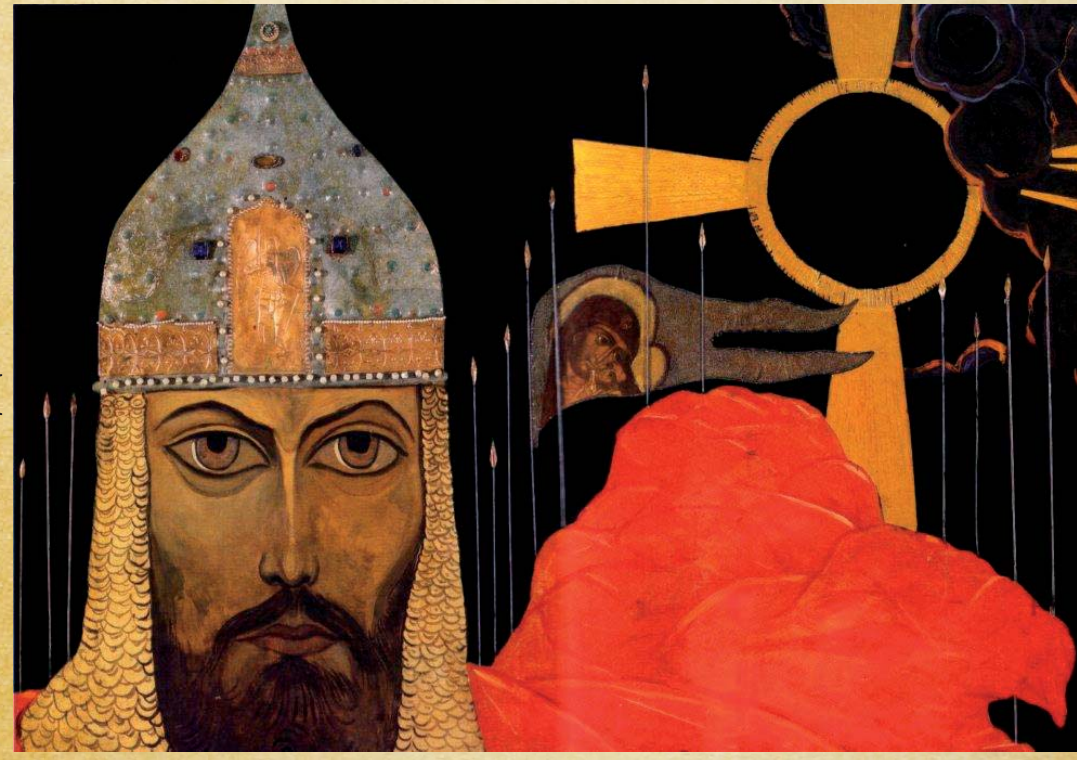
Сергей Кара-Мурза, философ и публицист

Лидия Сычева, автор книг прозы – «Предчувствие», «Вдвоём», «Уже и больные замуж повыходили», публицистики – «Последний блокпост», «Эх, славяне!..», литературной критики – «Тайна поэта», «Время Бояна». Лауреат литературных премий журнала «Москва», им. Петра Проскурина, им. Андрея Платонова, им. Дмитрия Кедрина, им. Александра Невского и др.

Алетейя

Лидия Сычева
РУСЬ В ОЖИДАНИИ ВАРЯГОВ

Лидия Сычева



РУСЬ В ОЖИДАНИИ ВАРЯГОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Лидия Сычева

РУСЬ В ОЖИДАНИИ ВАРЯГОВ

Статьи о культуре

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2012

УДК 82-4
ББК 76.02
С 958

Сычева Л. А.

С958 Русь в ожидании варягов. Статьи о культуре. – СПб.: Алетейя, 2012. – 248 с.

ISBN 978-5-91419-735-0

Писатель и публицист Лидия Сычева известна как автор «Литературной газеты», «Московского комсомольца», газеты «Завтра», сайтов «Русская народная линия», АПН и многих других СМИ. Эссе, очерки и статьи, вошедшие в сборник, отражают круг интересов автора – международная жизнь, политика и культура, искусство и литература, медиа-среда, образование. Книга будет интересна всем, кто внимательно вглядывается в современность, думает о будущем и верит в Россию.

УДК 82-4
ББК 76.02

© Л. А. Сычева, 2012
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2012

Сычева Лидия Андреевна
Русь в ожидании варягов.
Статьи о культуре

Главный редактор издательства *И.А. Савкин*
Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Оригинал-макет *Е.Г. Орловский*
Корректор *Д.А. Потапова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
Редакция издательства «Алетейя»:
СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304, тел. (812) 577-48-72
E-mail: office@aletheia.spb.ru *(отдел продаж)*,
aletheia92@mail.ru *(редакция)*
www.aletheia.spb.ru
Заказ книг: fempro@yandex.ru, тел. (812) 951-98-99

Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:
«Историческая книга», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
Магазин «Гилея», Тверской б-р., д. 9. Тел. (495) 925-81-66
Магазин «Циолковский», Новая площадь, 3/4, подъезд 7д.
Тел. (495) 628-64-42
«Галерея книги „Нина“», ул. Бахрушина, д. 28. Тел. (495) 959-20-94

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 1/16. Усл. печ. л. 15,15. Печать офсетная.
Заказ №

Русь в ожидании варягов

Одна власть полицию отменяет, вводит милицию. Другая власть отменяет милицию, вводит полицию.

Одна власть отменяет названия дней недели, другая власть отменяет часовые пояса.

Одна власть отменяет Бога, Рождественские ёлки, разрушает храмы. Другая власть «возвращает» Бога, ёлки, но закрывает школы, клубы («оптимизация»), выбрасывает на улицу учителей.

Одна власть переименовывает улицы, города, называет их собственными именами. Другая власть отменяет эти переименования, возвращает старые названия, но при этом многие города, посёлки и деревни вообще исчезают с карты страны как депрессивные и неперспективные.

...Всякая власть у нас в стране страдает близорукостью и неадекватностью. Ей (власти) всё кажется, что раз у неё в руках власть, значит — она лучшая и единственно верная.

Это заблуждение. Часто власть — гримаса истории, ухмылка судьбы, стечение обстоятельств и несчастливая для окружающих «карма». Но что интересно, всякая власть хочет править в полной бесконтрольности, самой себе назначать зарплату «от пуза», уходить с работы, когда вздумается (лучше руководить до самой смерти, конечно) и не заморачиваться на темы демократической терпимости.

Русский народ, в смысле власти, патологически ленив — он будет голодать, вымирать, стонать под игом репрессий, но на власть никогда не покусится — в сущности, она ему не нужна. Норманы хотят править? Пожалуйста. Татары? Пусть. Поляки? Совсем уж было в Кремле их усадили, но потом чего-то одумались, прогнали. Поехали просить на царство Михаила Романова. Юноша, узнав о том, что его ждёт царский венец, упал на землю и безутешно плакал о своей судьбе, как о погибшей. Бояре уговаривали кандидата на престол аж шесть часов! (Трудно, конечно, представить, чтобы нынешние наши — любитель твиттера и подводный археолог — вот так отпихивались от царства; мол, не хотим мы никаких вторых и третьих сроков, а желаем в Ипатьевском монастыре (Костромская епархия) дни свои в благочестивых молитвах проводить.)

Потом зашел черед немцев, полунемцев, четвертьнемцев и пр. При Екатерине Великой престол был крепок, но чем более наши монархи ру-

сифицировались, тем равнодушней они были к власти. Николай II государство выронил. О власти тотчас горячо заспорили евреи — Троцкий, Зиновьев, Каменев и ещё целый кагал революционеров, но победил грузин. Вскоре претендентом на русское царство вызвался немец Адольф; он пошел войной на Россию, в результате была перебита тьма народа с обеих сторон.

Современный этап: Сурков — получечен, национальности представителей правящего тандема из деликатности обсуждать не будем. Но менталитет их, судя по тому, как они цепляются за власть, нерусский. Русский человек, сильно пьющий Ельцин, сначала парламент расстрелял, а потом от власти отказался. Почти Николай II! (Как сказал поэт: «Он ревновал царя к Ипатьевскому дому, И дом подверг ордынскому разгрому».) Или Горбачёв — тот и державу развалил самолично, а после пиццей пошёл торговать вместе с внучкой, как юродивый. Вот это по-русски, по-нашенски, с размахом! А Зюганов? Очевидно, что русский, на выборах в 1996 году победил, посмотрел на всё это, махнул рукой — зачем мне власть?! И без неё хорошо жить можно.

Лукашенко — не русский, белорус, за власть держится. Янукович? Украинец, не русский; из политпокойников воскрес, подучил мову, и — во власть! Конституцию поменял, Юлю — в тюрьму, Киев, мать городов русских, весь жовто-блакитными флагами завесил... Власть, своя рука владыка!

Глядя на нерусскую власть, народ иногда поднимает антиправительственные бунты. Допустим, князю Пожарскому и гражданину Минину не понравились заносчивые поляки. Поляков подвинули. Емельян Пугачёв вознамерился немку Екатерину снять, а самому сесть. Не вышло. Бунты — показатель того, что власть совсем уж забылась, на каком свете она находится и в какой стране правит.

Обладает ли русский народ имперским мышлением? Это вопрос. Очевидно, что русские уживчивы и миролюбивы, умеют работать, если захотят, в том числе и умственно; но по своему мировоззрению русские глубокие буддисты. Они говорят, глядя на окружающее безобразие: «А, пусть». Или: «Авось». Или: «Вот приедет барин, барин нас рассудит».

Русский человек сторонится соборности и коллективизма, это ему чуждо, несмотря на советские прививки энтузиазма. Русский предпочитает надеяться на самого себя, на урожай с огорода, в экстремальных случаях — на Господа Бога. Выборы — эффективная коллективная технология, но русские в неё не верят изначально. Для нас это слишком примитивно — власть через выборы. Бирюльки детские! Да и вообще, с властью русские никогда не соединяются сердечно. Мол, мы тут жили и

жили спокойно, своими делами занятые, а вы тут со своими инициативами — то революция, то коллективизация, то модернизация, то индустриализация, то информатизация... Все эти «инновации», заметим, нужны власти, чтобы усидеть у власти. А русскому человеку ничего этого не надо. Он по натуре своей созерцатель. Солнышко светит — хорошо. Дождь пошёл — тоже неплохо.

Русский занят глобальными проблемами («есть ли жизнь на Марсе», например), но никак не поправками в действующее законодательство — «парламентаризм» для простого смертного звучит почти как ругательство. Это чужой, пришлой власти нужны законы, чтобы легитимировать своё присутствие; русскому законы не нужны, он живёт по наитию, а с законами, как и с властью, мирится, относя их на счёт «божьего наказания» за грехи своего собственного несовершенства. Русскому власть не нужна, он и без неё знает как жить и что делать.

Потому бесполезно взывать к политическим инстинктам народа: у наиболее мудрой части населения они отсутствуют напрочь. Мудрая часть стремится к несуетливому достатку, к благополучию семьи и детей, к тому, чтобы дом был полная чаша, а дочь вышла замуж по любви и за хорошего человека... В сущности, до того, кто правит Россией, малочестолюбивым людям нет никакого дела. Потому даже безумные олигархи народу нашему понятней, чем властолюбцы. Богачи как дети: для себя стараются, воплощают подростковые грёзы — кораблики покупают, машинки, домики. Зато не лезут руководить другими, выдавая это за нравственный подвиг: мол, мы для народа жизнь положили, денно и нощно трудимся в поте лица своего аки святые...

Русский народ — воистину народ-богоносец, в душе он признаёт над собой лишь единственную власть — власть на небе, ей и подчиняется, а к власти земной относится с недоверием, и предпочитает эту ношу перепоручать инородным «активистам».

Посему ошибочны заявления тех, кто говорит: вол, мол, русский народ плох, он не годится для модернизации. Это неправда — русский народ с его традиционным дистанцированием от власти годится для чего угодно — хоть в космос его, хоть в ГУЛАГ — пластичность удивительная, власть может лепить из этой глины всё, что ей вздумается. Это вам не кавказские этносы, там эти штучки не проходят. Там подавай папаху, черкеску с газырями, кинжал за пояс, мерседес бронированный, почитание, и чтобы работать поменьше — вот это и есть власть!

А вот телереклама наших властей, похоже, делается для них самих, чтобы они не забыли, что как бы правят Россией. Народу, в сущности, всё равно. Путин? Хорошо. Медведев? Хорошо. Ходорковский?

(Ну, если бы, допустим, и он.) Тоже можно, симпатичный брюнет, почти Нельсон Манделла.

Это одна из наших тайн — глубокое равнодушие к власти земной, жизнь в ином, непостижимом для власть предержащих изменении. Русские слишком живут чувствами, и слишком мало логикой, рацио. Народ, в котором северная созерцательность победила южный скифский темперамент.

Мэры, депутаты, высшие чиновники — процент уголовных преследований среди них выше, чем среди обычных (невластных) людей. Казалось бы, должно быть наоборот — социальные лифты (в теории) поднимают наверх лучших, а не худших. Но это положение дел никого не удивляет: на обыденном уровне существует чёткое понимание — во власть идут никчёмные, ущербные, больные люди, не осознающие истинного смысла бытия.

Но, может быть, это система так построена, что она отбирает худших? Возможно. Но полное равнодушие народа к тому, как устроена эта система и кто будет им править, есть либо признак неизлечимой болезни, либо, напротив, богатырского душевного здоровья. Мол, никакой СПИД, иммунодефицит власти нас не возьмёт.

Теперь посмотрим на проблему в мировом масштабе. Все эти «замахи» (октябрь 1917-го, троцкистские лозунги, сталинская послевоенная переделка мира и т.п.), честно говоря, заканчивались для нас плохо. Русские никогда не стремились к мировому владычеству (они и в своей-то стране к власти не стремятся, а в планетарном масштабе и подавно), и вот этот сознательный отказ быть первыми (хотя народ вроде бы на это и способен) тоже есть одна из загадок русской цивилизации. Участь первопроходцев, как известно, печальна. Где Великий Рим? Где Византия? Где третий рейх? А где будет США?!

Миролюбие русских теперь соседствует с прагматизмом китайцев. Пока наши власти имитируют бурную деятельность, народ безмолвствует. Он просто не понимает, как можно заниматься такими глупостями, как власть, когда смысл жизни совсем в другом. В чём? Народ этого не знает, но в том, что не во власти, это он знает точно.

Русский народ по своей сути глубоко нереволюционный. «Возжечь» его тяжело — он может ругать власть на кухне, на завалинке, в автомобильной пробке, в блоге, но для того, чтобы этот народ раззадорить, нужно что-то экстраординарное. Или совсем безумное. Мировая война, например (1917 год). Или мировая глупость (1991). Но от революций русский народ инстинктивно сторонится — ни одна из них не принесла ему счастья.

Русские националисты в чистом виде никогда у русского народа не пользовались большой популярностью именно в силу того, что намекали: задача русских — взять власть в свои руки. Это всегда вызывало внутреннее раздражение: власть у народа ассоциируется с дополнительными обязанностями, а не с внезапно свалившимися возможностями. Потому в России и не приживались (и до сих пор не прижились) партийные системы — эти игрушки русскому народу непонятны. Зачем эти имитации идеологий и убеждений, если, извините, с властью и так всё ясно?!

Власть всё время суёт народу всяческие снадобья в виде реформ, народ же в ответ говорит только одно: «Да отстаньте вы!» «А управлять кем мы будем?!..» Это да, вопрос. Если бы власть дала народу развиваться свободно и самостоятельно, то сразу бы выяснилось — никакой власти не надо вообще. Если человек может управлять собою, он может управлять и государством. И если у нас большинство населения могут сами собой управлять, то зачем им сверху какая-то насильственная «вертикаль»?! Понятно, что ни один здравомыслящий слесарь или дворник (вполне управляющий собой и своим трудом) не мог додуматься до приватизации и залоговых аукционов. Ни одна более-менее квалифицированная кухарка не родила бы мысль о развале СССР (это нужно было только власти и тем, кто к ней рвался). И сейчас: ну зачем нормальному труженику с гор — шариат?! Это придумка властей, точно так же, как и показное православие — Кремлю.

Возникает вопрос: если власть русскому народу органически чужда, то как от неё, власти, избавиться? Куда её деть? В таких условиях нам годится только одна форма правления — монархия. Вечная, несменяемая, и ни на что не влияющая в стране. Тогда всё постепенно устаканится. Выборы будут не нужны — уже экономия денег, времени и людских ресурсов. Партии отпадут за ненадобностью, законодательные органы — тоже, и так напринимали законов на двести лет вперёд. Губернаторов можно оставить назначенных — работать они будут лучше, потому что пересидеть им будет негде: главное, из страны их не выпускать. Хочешь власти? Пожалуйста. Но становишься невыездным, вроде физика-ядерщика. Многие сами от такой власти откажутся.

Теперь обсудим кандидатуры на должность монарха. Многим нравится Никита Михалков — вот, мол, он и Манифест уже написал, и царя в кино играл, и род у него, вроде, дворянский, а отец вообще гимн государственный писал и переписывал. Все эти аргументы говорят «за», но уж больно дорогое у Никиты Сергеевича хобби! Разорит он своими кинопостановками державу. Да и брат у него такой же талантливый.

Ещё две кандидатуры: Нарышкин и Шувалов. Оба — члены правительства, со знатными фамилиями. Отклоняем и их, потому как России-матушке нужна ныне заботливая рука матери-императрицы. Такая женщина есть! Позвать к нам на царство следует Ангелу Меркель. Во-первых, немка, народ в управителях для нас привычный. Во-вторых, толковая весьма — не чета Обаме и Берлускони; евро держит из последних сил, атлант и кариатида в одном лице.

Ну, а если Меркель немцы не отпустят, тогда надо обращаться к норманам. «Откуда есть пошла русская земля...» — туда и вернёмся. А что, вон Норвегия, нефтяное государство вроде нашего, а живут себе припеваючи при короле Харальде V. Так позвать этого викинга к нам! Между прочим, чемпион мира по парусному спорту, что авторитетно для отечественных яхтовых миллиардеров. Мужчина он спокойный, выдержанный, дочь его, принцесса Марта Луиза, психотерапевт — очень даже нужная профессия для управления Россией.

Веры, говорите, протестантской? Обратим в православие, у архимандрита Тихона (Шевкунова) прочувствованная книга, «Несвятые святые», недавно вышла. Издание с миссионерским зарядом. И там тоже намёк дан — мол, созрели мы для монархии.

Ну и отлично! Ждём-с. Давно бы так, а то всё демократия, демократия...

октябрь 2011

Время жить и время побеждать

Долго я пыталась подступиться к статье про «новый реализм» — то командировка мешала, то наезды родни, то мысли посторонние — в голову лезло всё, что угодно: «иметь» или «быть» Эриха Фромма, подлость властей, затеявших реформу бюджетной сферы, а также цветущий куст сирени под окном... Последний мешал особенно, звал на улицу, и сладостно было пренебречь «долгом» ради созерцания вечно юной красоты. Поздняя весна, полное и сочное буйство трав и дерев, радостное кваканье лягушек в пруду, терпкое благоухание шиповника — и острое понимание уходящей жизни: никогда не будет такого дня и такого вечера — с ярким закатным небом, с запахом дождевой свежести и с радостно-горьким предчувствием будущего дня — такого же длинного и неуловимого, неподдающегося никаким запечатлениям «в буквах».

Может быть, в слякотном марте или в зябком ноябре и написалось бы что-нибудь мудрёное про «новый реализм» — есть он или нет, и каково его скромное место в нашем литературном бытии, даже если его и нет. Но в лучшие дни года поворачивать свою душу от торжества природы к унылым и худосочным человечьим плодам и искать в них некое «явленье» — есть в этом занятии что-то глубоко противоестественное! Уж лучше сказать правду: «новый реализм» высосан из пальца людьми, неспособными восхищаться прекрасным. Стихами Александра Блока, например:

Май жестокий с белыми ночами!
Вечный стук в ворота: выходи!
Голубая дымка за плечами,
Неизвестность, гибель впереди!

С 1995 года круг моего ближайшего общения составляют литераторы и журналисты. Не помню случая, чтобы мы обсуждали «новый реализм». Никому такое даже в голову не приходило. Мы собираемся и говорим о главном, делимся впечатлениями о быстротекущей жизни.

Допустим, такими: 9 мая сего года посмотрела я три парада Победы. Российский, «сидячий» и два «стоячих» — украинский и белорусский (последний — через интернет). И задумалась вот над чем: над соответствием народа и его представительства. Я люблю Украину, связана с ней

кровно — там и сейчас живут мои родственники, раньше часто бывала на Луганщине. Хорош или плох новый президент страны, не знаю, но одно можно сказать точно — по своей стати, облику, жестам, реакции, словам — это типичный славянин, житель Восточной Украины. Опять же, в этом смысле нет никаких вопросов к «батьке Луке» — белорус, руководящий белорусами. Он — свой, со своими слабостями и недостатками, понятный и объяснимый.

А что у нас?.. Какого рода-племени наш президент? Русский? Неужто наш народ так переродился и измельчал? Разве это великоросс — по внешности, стилю поведения и характеру мышления?!.. Еврей? Но почему нами должен руководить еврей? Чеченцами управляет чеченец, татарами — татарин, башкирами — башкир и т.д. Мы сами что, уже «не дееспособны»? Нет достойного? Допустим даже, что подходящего русского всё-таки «не нашлось» и представитель другого этноса нужен нам для «межнационального мира» в стране. Но тогда в иноплемённом руководителе должны присутствовать безусловно выдающиеся качества. Вот Сталин нами правил — на вид, конечно, тоже не орёл, но воли и здоровья этому грузину было не занимать — из ссылок всё-время бегал, в суровом Туруханском крае четыре года просидел, а парад Победы и в 65 лет принимал стоя... Или Екатерина Великая — немка, но ума немалого (при дураках государство в территориях не прирастает). Но где выдающиеся качества нынешнего руководителя? В чём они? В том, что он подписал закон, позволяющий приватизировать всю бюджетную сферу? Что госкорпорации переводит в акционерные общества?

Неужели он — это «наше всё»?!..

Так вот, «новый реализм» — явление этого же порядка. Оно имеет такое же отношение к русской литературе, как нынешний руководитель страны — к народному представительству. Читаешь иного «нового реалиста» и думаешь: это написано, чтобы иметь или чтобы быть?!.. Где красота выражения? Где глубина переживания? Где смысл этих писаний? В чём он? Занять не по чину чужое место и тем самым заесть чужие жизни?!

Мы приходим на балетный спектакль, и нам нет дела до «сопутствующих обстоятельств» бытия и существования танцовщицы. Миги красоты — священны, танец — полет вдохновения!.. И, представьте, мы являемся в театр и вместо прекрасно сложенной, прошедшей суровую школу воспитания примы видим на сцене нечто зачаточно-самодеятельное, устроенное по блату, или пропихнутое в солистки с помощью массированного пиара. В балете — немыслимо, опозорят! В спорте — невозможно, засмеют. В политике и в литературе таких случаев сколько угодно. Норма жизни, можно сказать.

«Новый реализм» — это, вообще, русская литература? Если да, то почему она столь сера и убога? Если нет, то чья она тогда? Еврейская на русском языке? Безнациональная на русском? Мы от неё что, становимся богаче или умней, или в душе нашей она пробуждает волю к жизни? Нет? Тогда зачем это читать и обсуждать? О чём тут дискутировать?!

Русский народ, конечно, очень ленив — этого у нас не отнять. «Сезонный» мы народ, впадаем в спячку на целые годы, а то и десятилетия. Потом просыпаемся, и тут обнаруживается, что дома у нас — совсем другие хозяева, и они вроде бы уже и «легитимны», законно избранны всеобщим голосованием или общественным мнением. И тут два пути. Первый — впасть в уныние, спиться и помереть от тоски (один из рецептов бытия от «новых реалистов»), второй — начать действовать, отвоёвывая своё право на жизнь на собственной земле. Везде — в литературе, в экономике, в политике.

Скажете, это непосильная задача? А как же вера в Бога?.. Он ведь нам не говорит: смирись, погрузись в пучину сатанизма. Он нам говорит: убеждённому (т. е. верующему) принадлежит будущее. Действуй! Отдай свою жизнь — единственную, неповторимую — за что-то великое. За свой народ и за свою страну. Потрать свой дар не на дипломатничанье (глядишь, какую-нибудь премию дадут за верную службу лжи), а на поиск и проповедь красоты и истины:

Хорошо в лугу широком кругом
В хороводе пламенном пройти,
Пить вино, смеяться с милым другом
И венки узорные плести...

«Новые реалисты» нам говорят: красота закончилась, мы «отражаем мир», какой он есть. Ну не может такого быть!.. Если есть красота в природе, то неистребима она и в душе человека, а значит, должна прийти и в его социальную жизнь. Можно, конечно, личное мировосприятие, в котором «оптика» в силу врождённой мутации принципиально не способна воспринимать прекрасное, выдавать за «объектив», и даже немалое число людей этим своим грязным оком увлечь. Ну и что?.. Всё равно, настанет время, и народ увидит — «король голый».

Народ увидит, и спасибо нам — национальной интеллигенции — не скажет. А за что? Народ рожает (плохо, конечно, но — как может) сыновей и дочерей, а интеллигенция рождает смыслы, оживляет идеи, выдвигает из своей среды национальных лидеров. Русская интеллигенция, ну-ка ответь: кто у нас будет следующим президентом?!..

Давайте же, наконец, обсудим этот вопрос — действительно важный для страны, для народа и даже для литературы, а не будем дурить людям головы многочисленными публикациями на пустую, собственно, тему — «есть ли у нас новый реализм»?!.. Наш новый реализм — это старые истины. Слабость национальной интеллигенции в информационном обществе есть гибель для страны. Давайте начнём действовать! И не надо внушать людям идеологию пораженничества: «от нас ничего не зависят», «всё посчитают», «мафия бессмертна» и проч. Именно от нас, русских литераторов и журналистов, национальной и народной интеллигенции, сейчас зависит всё. От нашей серьезности, самоотверженности и ответственности. От социальной зрелости, наконец. Разве это не достойная интеллигенция задача: мирным и законным путём взять власть в стране?! Не ради себя, а чтобы изменить жизнь в ней — к лучшему.

Мы же, писатели, считаем себя умными — претендуем на то, чтобы нас читали другие, тратили на нас драгоценное время своей жизни. Ну так давайте и придумаем — как это сделать?! Разве такой «социальный роман» не достоин воплощения? Разве тогда у нас, победителей, не будет больше прав на то, чтобы нас — читали?

Конечно, «служить добру, не жертвуя собой» — не получится. И что?!.. Неужели — лучше прозябать или устраивать бессмысленные «марши несогласных»?! Да, я тоже не согласна, мне нынешний социальный порядок в России не нравится. Но кого мы двигаем в президенты? Представителей «внесистемной оппозиции», которые утешаются продажной любовью «дамы полусвета» в одной и той же постели?!.. Помани их голой коленкой, они и родину продадут (или уже продали). Разве это — лучшие люди России? Разве они — достойней, чем нынешняя власть?

Плюй в Россию, топчи её, а она — сильно изменилась. «Телевизионное облучалово» на молодёжь не действует — она в ящик не смотрит. Власть нам столько врала про демократию и законность, что народ всё более начинается верить в то, что эти западные забавы и на нашей земле возможны. Интеллигенция в России созрела для перемен, для того, чтобы взять власть в свои руки. Потому что мы — честней чиновничества и судей, храбрей армии и милиции, не связаны с опереточными политическими партиями и ворованными у народа капиталами. Что у нас есть? Мы умеем аккумулировать народные настроения и выражать их. В информационном обществе это немало.

Посмотрите, о чем идут литературные дискуссии последних лет: кому какую премию дадут (или дали), ритуальные пляски вокруг «нового реализма» да бесконечное подведение итогов — то «девяностых», то «нулевых». Уж лучше — честнее — писать «о снеге плавном», как говорил Николай Дмитриев, чем участвовать в таком литературном процессе. Лучше — выращивать огурцы, варить борщи и «превратиться в обывателя», чем тратить свою жизнь на «внутрицеховые дискуссии».

Всё лучшее в культуре, литературе, политике было создано лучшими людьми. Это только духовные карлики копаются в «нижнем белье» гениев, пытаясь там обнаружить «сходство» со своими мелкими страстями. Но что бы они ни сочиняли, вот таких бессмертных строк им никогда не родить:

Несказанное, синее, нежное...
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя — поле безбрежное —
Дышит запахом меда и роз.

Я, конечно, завидую Есенину, точно так же, как завидую чистому роднику — сколько не пей из него, кажется, что вода эта закончится только с приходом конца света... Завидую, благоговея — каждый из нас, рождённых в России, мог бы так выразить себя — доверчиво-пронзительно, цельно. Удержаться на этой грани — света и тени, грубого труда и высокого душевного переживания, земли и неба, словно бы «лететь» в своём творчестве — очень трудно. И всё же возможно. А временами это так легко!.. Когда в нашу литературу вернётся «божественный глагол» — всё изменится, жизнь преобразится. Она будет прекрасна!.. Если, конечно, каждый из нас что-то для этого сделает.

май–июнь 2010

Страна запрессованной прессы

Еду на конференцию Союза журналистов, посвященную отношениям СМИ и общества. Привожу материал, где цитирую публичное выступление в Академическом зале Нижегородской ярмарки известного газетчика: «Мы построили уродливо-тоталитарную страну. Слово «Конституция» исчезло из лексикона её гарантов. Бутафория и симулякры госстроительства маячат на каждом углу. Мы живём в эпоху серости, политических сумерек».

Статью снимают из номера как «антироссийскую» и «антигосударственную». За что? За вышеприведённую цитату, за слова главреда «Новых Известий» Валерия Якова «помогать власти мы можем только тогда, когда пишем правду», за упоминание об Алексее Навальном, чей блог уже собрал 50 тыс. читателей — больше, чем тираж журнала, в котором я работаю. За мнение политолога Алексея Кара-Мурзы: «Что такое выборы? Это процедура. Допустим, вы садитесь играть в шахматы. Правила вам хорошо известны, результат — нет. На наших выборах процедуры всё время меняются, а результат известен сразу».

Мне говорят: «Не надо рекламировать либералов! Вы же патриот, человек левых убеждений. Враги России раскачивают лодку. А свободы слова у нас навалом — вон, читайте «Новую газету», слушайте «Эхо Москвы»... Ах, вы хотите истину на рабочем месте вещать?! Тогда вы перепутали адрес».

Так раньше-то (десятый год в журнале работаю!) я была вполне ко двору со своим патриотизмом! Что случилось в государстве нашем и в «Российской Федерации сегодня», в частности?! Может, учитывая условия военного времени — всё-таки народный фронт действует! — у нас уже введена самоцензура?!

Всегда считала, что первейшая задача патриотического журналиста — говорить правду. Даже специфическому читателю — законодателю и чиновнику. И, извините, если либералы пришли точно к тому же выводу, то значит, и они — патриоты.

Больному не обязательно говорить, что у него — рак. Но лечить его нужно. Наша госпресса убаюкивает «Гарантов» — всё хорошо, есть проблемы, но они решаются — мудрое руководство, сильная страна, единство во имя модернизации. А люди давно уже пользуются альтернативными источниками информации. Читают не столько статью, скупо

информирующую об очередном воровстве, взрыве или убийстве, а комментарии к ней в интернете. В электронной России лавина народного гнева растёт, она просто зашкаливает. Ни в одной развитой стране мира (включая США), социальные сети не является таким политизированным, как в России. Объясняется это просто: там, чтобы узнать правду, читают СМИ и смотрят телевизор, у нас — ищут информацию в блогах. (Пример тому и Дмитрий Медведев, откликающийся на сообщения интернет-пользователей).

В среде «охранителей» бытует мнение, что в мировой паутине действует разветвлённая сеть блогеров-наймитов — врагов Отечества. Сидят себе в Майями и клевещут на Россию. Потому что учителю или колхознику с зарплатой в 5 тыс. рублей не до интернета, ему нужно думать, как прокормиться на эти жалкие копейки. Бессловесные труженики телевизором утешатся или храмом православным. Но! Как вы думаете, любят ли они, смирные и покорные, нашу власть?! В лице пьяного депутата, давящего людей на внедрожнике, или в лице вполне трезвого губернатора, назначающего себе зарплату в 100 раз выше прожиточного минимума по стране?!..

Пресса наша, особенно региональная и местная, за последние годы сильно «просела» под административный ресурс. Газетчики стонут от вала принудительного официоза в общественно-политических СМИ. Если во времена СССР журналист «приравнивал перо к штыку» и был подотчётен государству, то теперь он слуга районного / областного / федерального чиновника. «Нам поставили задачу — позитивно показывать горожанам работу мэрии и его подчинённых», — рассказывает один из сотрудников муниципального издания. При этом — газета не частная лавочка градоначальника, она финансируется из бюджета, т. е. налогоплательщиками! Как тут, скажите, не вспомнить слово «Конституция»?!

На российско-американском семинаре «Ценности и внешняя политика» лауреат Пулитцеровской премии Эллен Берри говорила о том, что в США газеты — независимая сила, реальная власть, которая может добиться отставки правительства. Корреспондент московского бюро «Нью-Йорк Таймс» считает, что в России нет свободы слова, здесь правда расценивается как компромат.

Ой ли?! Отвечая Эллен, Виталий Третьяков, ныне главный редактор «Политического класса», был резок: «Ваше мнение оскорбляет меня как человека и гражданина. Наша журналистика — великая».

Кто прав? У нас богатая страна с бедным и даже нищим (по европейским меркам) населением. У нас отважные журналисты (иначе бы их не убивали и не калечили), и убогая «свободная» пресса. Одна из газет

Центрального Черноземья за год опубликовала 400 фотографий губернатора (не по своей воле, естественно). Местные журналисты занялись арифметикой. Выяснили, что за 54 года выхода газеты снимков первых секретарей обкомов КПСС было напечатано в два раза меньше, чем фотографий губернатора за год! Вот вам и «десталинизация»...

В кулуарах конференции Союза журналистов имя Алексея Навального не сходило с уст моих коллег. Его даже новым Козьмой Мининым называли. Нет в России такого медийщика, который бы не знал Навального. А значит, очень скоро это имя будет известно и всем остальным. Шила в мешке не утаишь. Секрет Алексея в том, что его любят. Наймит ли он Америки, чей-то «проект», тайный «оранжист» или масон — его поклонникам уже всё равно. Тот градус ненависти к власти, который сейчас созрел в электронной России, требует противовеса — нужна фигура для надежды, поклонения и любви. Время выбрало Алексея Навального — симпатичного, образованного кибер-блогера с развитым чувством собственного достоинства и ненатужного юмора. Он — состоявшийся, самодостаточный человек (вне зависимости от «наймитства»), и не замечать этого нельзя.

Наша пресса вынуждена любить нынешнюю власть за деньги и иные преференции. Навального она любит бескорыстно, видя в нём образ свободного человека. Пусть даже это и запретная, «преступная», с точки зрения, «охранителей», любовь. В знаменитом блогере как раз и воплощён медийный идеал — говорить правду, не боясь, «как бы чего не вышло». А чего выйдет-то?! Тиражи печатных СМИ в России падают катастрофически — по сравнению с США и Европой. Дело не только в цеховых проблемах — людоедской системе распространения, налоге НДС, ценах на бумагу и проч. Есть и более глубокие причины. Заставляя врать или умалчивать, власть, помимо того, что ставит журналистов в двусмысленную нравственную ситуацию, ещё и девальвирует медиа. «Беззубая», шамкающая беспрестанные «аллилуйя» пресса, непрофессиональна, а значит, не нужна читателю. У музыканта должен быть слух, у художника — чувство колорита, у журналиста — стремление к правдивому изложению событий. Принуждая к постоянной лжи, власть деформирует и уничтожает нашу профессию.

А правда состоит не только в том, кто сколько украл в современной России, и кто это «крышует». Есть ещё мир идей и общественных настроений. Почему же простая мысль о том, что человек — это не только животное, но и нечто другое, так трудно приживается в сознании наших властей?!.. Союз журналистов привёз участников конференции в Городец. Здесь, стоя на ступенях храма, известный миссионер игумен

Августин (Анисимов), наместник Феодоровского монастыря, призывал пишущую братию заниматься не манипуляцией сознанием, а настоящим делом. А именно: возрождать церкви и веру, просвещать народ, строить крепкие семьи и жить на земле. И — обязательно говорить правду!

Когда ж это было такое, чтобы либерал Валерий Яков и консерватор Августин Анисимов звали к одному и тому же?! Идеологические догмы отошли на второй план, потому что отсутствие социальных лифтов и реальной информации о том, что происходит в стране, никого, кроме власти, не устраивает.

Государственная «яхта» раскачивается всё сильнее. Журналисты не властны над морями и стихиями, но они обязаны указать и «рулевым», и «пассажирам» на зреющую бурю. Это наш профессиональный долг. И мы должны его выполнить.

июнь 2011

Спор евреев со славянами в селе Большое Болдино

На международном мультимедийном фестивале «Живое слово» шла дискуссия «Устарела ли классика?» Дело было Большом Болдине, что находится в Нижегородской области. Сей населённый пункт известен каждому добросовестному школьнику — именно в пору «Болдинской осени» 1830 года талант Александра Пушкина достиг расцвета. Здесь завершен «Евгений Онегин», написаны «Повести Белкина» и «Маленькие трагедии», создано множество прекрасных стихотворений, среди которых «Моя родословная»:

Не офицер я, не асессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я просто русский мещанин.

Вот такая скромность гения... Дискуссия проходила почти в телевизионном формате — за столом сидели медийные лица, входившие в жюри фестиваля, задуманного как конкурс профессионального мастерства, и вели между собой «ток-шоу». Все остальные участники составляли массовку, аудиторию, куда транслировались идеи мэтров.

Известно, что нынешние школьники классику знают плохо. Кто-то из медийщиков даже процитировал фразу из школьного сочинения: «Обломов любил чисто по-русски: мало, лениво и неторопливо».

Массовка смеялась, поощряя юмор мифического старшеклассника.

— А вот Дима Быков преподаёт русскую литературу в частной гимназии. Молодец! — вспомнила Ксения Ларина. И рассказала случай из школьной жизни своего сына — увы, там классику преподают по шаблону, чуть ли не по советским канонам, в результате отвращают детей от литературы.

— Лучшие учителя русского языка — евреи, — заметила Нина Зверева, продюсер фестиваля и модератор дискуссии.

— Да, да, — кивая, улыбаясь и посмеиваясь, подтвердили «мэтры».

Тут из массовки прозвучал вопрос: «Слово о полку Игореве...» — это классика или нет?

— Не знаю, — интеллигентно задумался ведущий фестивального

мастер-класса, профессор Валерий Мильдон. — Смотря по каким критериям судить...

Пока учёный рассуждал на тему, что «классика — это созданное воображением», в недрах массовки зрел русский бунт, бессмысленный и беспощадный. К «медийному» столу вышел коренастый мужчина средних лет и попросил слова.

— Здесь было сказано, что евреи знают русский язык лучше нас, русских. Но это же смешно! — мужчина развел руками. — Мы, русские, знаем свой язык лучше, чем кто бы то ни было.

— Это ещё нужно доказать, — тактично заметил Валерий Мильдон.

— Вы кто? — изумились за столом.

Теперь уже удивился оратор:

— Я? Участник фестиваля. Николай Зайцев.

— Нет, кто вы? Кто вы? — продолжали наседать члены жюри, которые, вообще говоря, должны были бы знать собравшихся хотя бы по конкурсным работам — награждение прошло накануне, во второй день фестиваля.

— Писатель. Из Казахстана. (Кстати, лауреат премии Василия Белова «Всё впереди» — Авт.)

— А-а, писатель... — Мэтры сразу потеряли к скандалисту интерес.

— Хороший вставной номер, — иронически прокомментировала Ирина Петровская, когда Зайцев пошёл на своё место в зал.

Ток-шоу в стиле «междусобойчика» завершалась, и давать слово больше никому не собирались. Лишь после окончания разговора, когда народ уже встал со своих мест и двинулся к выходу, я получила микрофон.

— Знают ли евреи лучше нас, русских, наш язык? Лично я в этом не уверена. Но есть одно качество, которое нам не худо было бы у евреев перенять. Евреи — нация, которая относится к себе с глубочайшим самоуважением. И нам, русским людям, у евреев этому самоуважению следует ещё учиться и учиться.

Наступила немая сцена. Я повернулась к дверям.

И тут ко мне подошла Нина Зверева. Завязался странный диалог.

— Я, между прочим, тоже еврейка.

— Ну и что? — удивилась я.

— Зачем вы сюда приехали?

Над этим вопросом я думаю до сих пор: что он в себе подразумевал? Может быть, русским заказно бывать там, где евреи устраивают фестивали?! Пусть даже это и Пушкинские места. Но тогда я ответила то, что первым пришло мне в голову:

— Так вы ж сами меня позвали!

— Да, и еще позову! — пообещала Нина Зверева.

— Ну и отлично! Вот я и высказала своё мнение. В рамках дискуссии. У нас же свобода слова. Или оно не для всех, а только для избранных?!

На этом инцидент был исчерпан. А за моей спиной только что прибежавшая в зал местная чиновница из управления культуры с пафосом декламировала: «Здесь русский дух! Здесь Русью пахнет!»

У меня помутилось сознание: Пушкин... Кот учёный... (Подарили Петровской сувенир такой после дискуссии.) Цыгане... (Вчера отплясывали на банкете.) Евреи-всезнайки... Русский дух... Всё по Бодрийяру — постмодернистское «исчезновение реальности».

...Но на землю, в суровый реализм, спуститься легко. Достаточно чуть свернуть в сторону от фестивального маршрута и подойти к обелиску павшим во время Великой Отечественной войны болдинцам. Подойти поближе и увидеть бесконечные ряды русских фамилий на мраморных плитах: Авдеевы... Ивановы... Кузнецовы... Петровы... Может быть, эти мужчины или их дети и внуки стали бы прекрасными учителями словесности, филологами и писателями, журналистами и телевизионщиками?! Но русский народ — под обелисками. Он, победивший фашизм, проиграл тем, за кого отдал свою жизнь. Дима Быков с большим тщанием учит двадцать детишек в частной гимназии и «преподаёт язык» тысячам читателей почившего ныне журнала «Медведь» — как-то мне попалось его интервью этому изданию, наполненное площадной бранью и скабрёзностями. «И долго буду я любезен тем народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал...» Пушкин, русский мещанин, стыдился «Гаврилиады». А Быков? Он, похоже, гордится, своим словесным распутством.

Мир стремительно меняется, и национальное самосознание для некоторых народов становится слишком большой роскошью в глобализированом обществе. Жаль, что на фестивале о судьбах «живого слова» (и живого человека, как его носителя) серьёзного разговора так и не состоялось. Да и ставилась ли такая задача? Болдинцы развлекали гостей на «Пушкинском бале», облачившись в костюмы XIX века. Настоящее светское общество! Но сельские жители ныне, в сущности, превращены в «новых крепостных». Поговаривают, что совхоз «Пушкинский» продали новому хозяину, а он вправе сократить рабочих, урезать им зарплату, перепрофилировать производство, перепродать собственность... Почему же сельские жители, наши кормильцы, столь бесправны?! Почему здешние богатейшие чернозёмные земли пустеют? Почему вознаграждение за тяжелый крестьянский труд так мизерно? Кто виноват? Власть? Но она всегда занята собственным самообеспечением — в этом её природа.

Народ? Для него главная задача — выживание, простым людям не до абстракций, им бы на кусок хлеба где-то заработать.

Значит, главный спрос — с интеллигенции. Это она должна ответить на вызовы сегодняшнего дня: нужна ли нам, допустим, национальная буржуазия? Национальная промышленность? Национальное государство? Национальная культура? Национальное самосознание? И если да, то что мы должны для этого сделать?

И ещё: если русские, наконец, возьмутся за ум, так ли уж плохо от этого будет евреям? С чего такие опасения?!.. Культурным людям нечего бояться, когда рядом с ними народ умнеет.

сентябрь 2011

Родион Ходорковский и Порфирий Путин, *или* Достоевский forever

Вот уж точно — «что немцу здорово, то русскому смерть». Эта народная мудрость сама собой шла в голову во время просмотра фильма «Ходорковский», который снял документалист из Германии Кирилл Туши. Может, для Берлинского фестиваля эта лента и сенсация, но для московского зрителя в ней нет никаких открытий.

Более того, будь кремлёвцы чуть поумнее, они бы не на добровольно-принудительные митинги сгоняли людей, а показали бы это кино на широком экране. И не раз — как весомый аргумент в пользу раннего Путина. Человеку, живущему сегодня в России, подобную агитку за действующую власть трудно соорудить даже по заказу. Зато у немца это получилось. Невольно.

Разумеется, в глазах автора Ходорковский «белый и пушистый». Ну хоть сейчас сажай его на место Патриарха Московского и всея Руси!.. Говорят, что в каком-то скиту икона Владимира Владимировича Путина замироточила. Интересно, лик Ходорковского уже «заряжает воду» или исцеляет немощных?! Зато вопрос «а кто же людей убил?» (например, мэра Нефтеюганска Петухова) — и в фильме, и за кадром остался без ответа.

После показа выступил бывший начальник службы безопасности «ЮКОСа», генерал-майор ФСБ в отставке Алексей Кондауров. В прошлом депутат Госдумы от КПРФ, он вполне бы мог снискать славу как автор политических фэнтези. Оказывается, Ходорковский давал деньги депутатам, скупал представителей разных фракций. Но он делал это «просто так», от широты души, ничего не требуя взамен и даже не заикаясь о лоббизме!

Хорошо помню «благотворительные акции» Ходорковского в пользу российской интеллигенции. «Просто так» он давал деньги исключительно антисоветски настроенным литераторам преимущественно еврейской национальности. Из песни слов не выкинешь — было такое. Может, конечно, русские у него и не просили — это второй вопрос. Но никто ведь не заставлял Ходорковского издавать журнал «Факел» — это издание для молодежи бесплатно распространялось в школах и вузах. Журнал

на грани фола — с явно выраженной темой «телесного низа». Для быдла. Вот так и «разжигал»...

Впрочем, Ходорковский в этой истории выглядит намного достойней, чем генерал-майор ФСБ, который боролся с диссидентами, потом оказался на службе у олигарха, а после воссоединился с коммунистами... (С ума сойти, какая идейная широта!) В конце концов, Михаил Борисович не давал присяги на верность социалистическому Отечеству. Да и получил он своё сполна — из грязи в князи и обратно. Гораздо более тяжелое впечатление остаётся после фильма от Евгения Сабурова, который в 1991 году недолгое время был министром экономики РФ. Ну, с такими «калифами на час» и с такими «кадрами» неудивительно, что Россия впала в лихие 90-е. «Мы, — говорит он с экрана, — решили (!) создать в России класс крупных собственников, хотя в бизнесе ничего не понимали».

Удивительное дело: на протяжении всей картины ни разу не прозвучало слово «народ». Олигархи, Путин, власть, деньги, нефть, банки, бизнес... А как же народ?!.. Вы его спросили: хочет ли он, чтобы в стране был класс крупных собственников?! Чтобы, как рассказывают теперь в Лондонском суде коллеги Ходорковского, «каждые три дня кого-нибудь убивали» из-за дележа промышленных гигантов?!..

Потому Путин во всей этой истории как-то симпатичней смотрится, чем его жертва. Выдающийся ум Ходорковского работал совершенно не во благо большинства. «Он был в одних и тех же джинсах, президентскими амбициями не страдал», — утверждает Кондауров. Но почему же «святой Михаил» стал самым богатым человеком России?! Деньги-то ему — зачем?!..

Немецкий режиссёр выстраивает такую линию: Ходорковский и его «замечательная команда» вовремя оказались у раздела пирога, смогли «преступить» некоторые моральные принципы, но потом возжелали правового государства и начали борьбу с коррупцией. За что и пострадали... Смешно! Да, они — «преступили». Но были-то рядом с ними и другие, которые не преступили. Они — настоящие герои. Могли бы народ свой обобрать — «богатство в руки падает, не я, так кто-то другой придёт и возьмёт» — но эти-то, ныне безвестные люди, в грех стяжательства не впали!.. И не потому, что «кишка тонка», ум не гибок, воли не хватило. Всё великое — в мире, в государстве, в культуре — как раз и создано самоотречением гениальных натур. Но эта мысль, похоже, чужда обыденному сознанию кинодокументалиста.

Ходорковский — современный Раскольников, вопрос «тварь я дрожащая, или право имею?» был им и его коллегами решён однозначно,

в «положительном ключе». Ну а старухой-процентщицей и беременной Лизаветой можно считать жертв «экономических реформ». Говорил же Чубайс: подумаешь, вымрут 30 миллионов; значит, они не вписались в рыночное общество! Немецкий режиссер не дотянул до таких обобщений, а жаль — драма-то какова!

В общем, после просмотра фильма невольно становишься сторонником Порфирия Петровича Путина. Потому что нынешний режим нам хорошо знаком, чего от него ждать и как на него влиять, в общем-то, ясно, а вот какая «инновация» взбрела бы в умненькую голову МБХ и его сподвижников-фсбэшников — это ещё вопрос!..

На этой прокремлёвской ноте мечталось и поставить точку, но жизнь тотчас подбросила контраргумент. В виде ток-шоу «Пусть говорят» (программа «Опытная женщина» от 24 января с. г.). Поскольку телевизор я не смотрю с 2001 года, то зрелище сие стало настоящим откровением. Свидетельствую: со времён «раннего Путина» по сей день ничего не изменилось! Пожалуй, наше ТВ, если судить по данному «шедевру», стало ещё гаже.

Суть сюжета: 27-летняя жительница Волгоградской области вовлекла в половые сношения 13-летнего племянника. Мать ребёнка обратилась в полицию и потребовала «торжества закона». Но «эксперты» стали муссировать тему — «а если это любовь?» Вся же «соль» передачи состояла в следующем: авторитетным судиёй выступил 15-летний школьник, который заметил, что в данном случае «не видит ничего плохого»!

Основные участники действа, кстати, люди «новой России» (т. е. ельцинско-путинско-медведевской) — и 27-летняя совратительница, и 13-летний подросток, и 15-летний эксперт. Вот такой народ (свалку в студии нельзя назвать даже «зверинцем» — умные собаки обидятся) мы вырастили и выводим в телегерои!.. Спихнуть ответственность на тирана Сталина и застойную советскую власть не получится — в СССР, как известно, «секса не было». Зато теперь, как утверждали в передаче, даже в Госдуме действует педофильское лобби.

Интересно, как сочетаются подобные ток-шоу со статьёй Путина по национальному вопросу?! И что думают о нас, русских людях, чеченцы, татары, мордва, коми и др.? Я уж молчу о евреях. А что думают о нас в Европе, в Азии и даже обезьяны в Африке? И, может быть, Госдеп руководит не Навальным и Оксаной Дмитриевой, а Малаховым и Эрнстом?!..

Путин, усадивший в тюрьму самого богатого человека в России, не смог справится с нашим ТВ?!.. (При том, что союзников у него в это вопросе было — от Зюганова до Миронова, от церкви до синагоги.) Не хотел?.. А может... А может, это тот же самый «Факел», что и у Ходорковского?!.. Но только подкреплённой всей мощью «Газпрома»?

После просмотра фильма о Ходорковском невольно задумаешься: а не стало бы ещё хуже, когда в очередной раз за нашей спиной будут создавать «новый класс крупных собственников». Но после просмотра нашего ТВ хочется от дум перейти к действиям: терпеть такое надругательство над страной ещё шесть или двенадцать лет просто невозможно.

В сущности, Путин и Ходорковский — это две стороны одной медали. Народ для них «материал, твари дрожащие». А они оба — «право имеют», с гипертрофированными претензиями на избранность.

Но ведь это — не так! Народ — высшая ценность, главный «капитал» правителя. Народную любовь не купишь за деньги — это чувство может быть только взаимным. Но ответим на простой вопрос, оставив в стороне нынешний неравнозначный статус Родиона Ходорковского и Порфирия Путина: любят ли эти люди Россию?!.. Пожалуй, они испытывают к ней чувства примерно такие же, как 13-летний мальчик к своей 27-летней тёте... То есть получают физическое удовольствие, не более.

А Кириллу Туши — пожелание из зрительного зала. Ждём-с следующего фильма, про полковника Квачкова. Не сомневаемся, интересней получится...

январь 2011

По заветам постмодернизма

Калининград — необычный город с улицами Вагнера, Шиллера и Канта, с домиками под черепичной крышей в центре, со спешащими по тротуарам моряками — лица их строги и сосредоточены; город с каштановыми аллеями и чудесным парком «Юность», где, как мне пояснил таксист, когда-то и познакомился Владимир Путин со своей будущей супругой Людмилой.

Было волнующее время поздней весны — во дворе небольшой гостиницы на улице Тургенева цвела вишня; напротив, через дорогу, благоухала яблоня, терпко пахла тёмная-фиолетовая, густая сирень. В такие дни жизнь словно поворачивается к тебе своей счастливой стороной, и потому хочется забыть обо всём тревожном и болезненном. Вчера на конференции «Вера, надежда, любовь в российской семье» перед учителями и воспитателями выступала член местной Общественной палаты Людмила Рябиченко. Показывала слайды: реклама курсов английского языка призывает на занятия, обещая скидки «всем парам», в том числе «нетрадиционным», изображения которых размещены тут же. А вот снимки из здешних глянцевых журналов — с фестиваля танца на пилоне (т. е. на стрипнизном шесте). Фото обнажённого девичьего тела, где низ живот прикрыт табличкой — «Очень доступная. 3000 руб.» (реклама фотоэпиляции). Дошкольниц приглашают обучаться «танцам живота»: на снимке девочка застыла в «игривой позе», кажется, что она проходит подготовительные курсы для будущих стриптизёрш. В крупном калининградском магазине состоялась акция «Голый Первомай» — молодёжи предлагалось раздеться до нижнего белья и прийти к открытию торгового центра. Пятьдесят самых расторопных получали право одеться на 2000 рублей бесплатно. Желающие давили друг друга...

Обычная, повседневная жизнь города... Москва — не лучше. Здесь стриптиз поддерживают на правительственном уровне. На сайте Федерации танца на пилоне нам обещают: «Открытый Чемпионат России по Танцу на Пилоне уже выходит на невероятные рейтинги в списке событий на ближайшую осень. При поддержке Правительства Москвы, Спортивного комитета и крупнейших спонсоров со всей России Чемпионат превратился в крупнейший проект с миллионным бюджетом и значительным призовым фондом».

Почему бы и нет?! Сегодня чиновник стоит в храме со свечой, а завтра — ужинает в ночном клубе и смотрит стриптиз, сегодня он «телефонным правом» устраивает своё чадо в престижную гимназию, а завтра — росчерком пера закрывает образовательную сеть в сёлах, сегодня он на «круглом столе» призывает бороться с коррупцией, а завтра — «откатывает» в собственный карман бюджетные деньги. Вот это и есть постмодернизм — абсолютная равновеликость всего и вся. Никакой иерархии, безбрежный «плюрализм», бесконечный тупик.

Всё это в порядке вещей по нынешнему «нравственному закону». Вслед за нормами морали и юридический закон обретает те же контуры. Бога нет — всё разрешено.

Про постмодернизм на конференции калининградцам рассказывал христианский публицист Владимир Семенко. Излагал теорию, поскольку практику все и так ощущают на себе. Каждый день и час. Но идеи, «проговоренные» философами и литераторами, шли в авангарде. Для постмодернистов «нить традиции оборвана, и мы не будем в состоянии восстановить её. Что утрачено, так это непрерывность прошлого. То, с чем мы оставлены, всё то же прошлое, но уже фрагментированное». Так утверждала Ханна Арендт, философ, чьё детство, кстати говоря, прошло в Кенигсберге (с 14 лет она посещала могилу Канта).

Как видим, всё в мире взаимосвязано, несмотря на то, что «нить традиции оборвана»... Простой смертный постмодернист не способен собрать воедино целостность мира, а у Бога всё в ажуре — апокалипсис неизбежен.

Обществу, где рушатся устои, не только Господь Бог обещает недолгую жизнь. «Как бы то ни было, история закончена», — предрекал Александр Кожев, французский интеллектуал русского происхождения. Страна, живущая по заветам постмодернизма, не имеет будущего — из-за демографического упадка. «Когда мы закрываем глаза на растление наших детей, то должны быть готовы к тому, что вместо ценностей семейной жизни наши дети приобретут гедонизм, эгоцентризм, стремление жить только для себя», — пророчит Л. Рябиченко.

* * *

Россия сегодня — территория борьбы традиции и постмодернизма, смысла и симулякра, человека природного и биоробота. Постмодернизм — продукт не только разума, но и, в определённом смысле, физиологии человека. Это философия «расчеловеченного» (расчленённого, лишенного цельности) индивидуума. Плюрализм для такого человека естественен, поскольку обладатели «управляемого интеллекта» легко, под

давлением внешних обстоятельств (указаний начальников, моды, давления СМИ) меняют «убеждения» (привязанности, интересы).

Действительно, для «человека машинного» нет бессмертия, да, собственно говоря, и Бога тоже. Разве есть «жизнь вечная» для пылесоса или холодильника?! Или даже для ноутбука и айфона? Техника всё более «очеловечивается», а человек — машинизируется. Он ищет комфорта, а не высшего смысла. У человека машинного нет чувства исторического времени, нет патриотизма — любви к родине, нет и вообще любви — «по причине умножения беззакония» она охладевает. Но зато есть информированность — обо всём и ни о чём.

Постмодернизм как философия, мировоззрение, концепция и даже образ жизни описан многими. Но никто не указывал на его причины: что именно в человеке должно было измениться, чтобы на место цели пришла игра, чтобы героя заменил мутант, а иерархия сменилась анархией. Постмодернизм — это даже не отрицание Бога, свойственное ярым атеистам, это невозможность веры в него, по объективным, так сказать, причинам. Зомби-интеллект не способен верить, он может только выполнять «программу», заложенный алгоритм, сбоить от интеллектуальных «вирусов», перебирать «варианты». Мысль ещё развивается, но чувство уже не помощник разуму. Великих фигур (в литературе, музыке, искусствах) не появляется не потому, что не рождается великих талантов. Суть ещё и в том, что «обратная связь», т. е. чувственная отдача в читателе и слушателе ослабела, иссякла; живая почва, соединяющая творца со своей паствой, истощилась. В эру постмодернизма возникает гигантская проблема не только с восприятием живого творчества (оно отторгается зомби-интеллектом как недостаточно «комфортное»), но и проблема с творчеством вообще — из-за массового оскудения воображения многие художники просто не способны на создание новых ценностей. Постмодернист идёт по пути коллажирования — более-менее удачного соединения уже готовых образов, приёмов, по пути их искажения, оскопления, выхолащивания, умножения и пр.

Но даже в эру постмодерна ребёнок рождается с уникальным творческим потенциалом. Другое дело, что дети перестают быть ценностью в обществе, лишенном иерархии. В царстве «расчеловеченных людей» вообще нет такого понятия, как «детство». Скорее, «загрузка», закладка «программ». Вот откуда отношение к образованию, как к набору неких учётно-машинных «техник» — таких, как ЕГЭ, и «услуг» — таких, как сервисы со стороны тьюторов, т. е. «кураторов информационного обмена».

В эпоху «мёртвых душ» и бессмертных, напичканных консервантами, неразлагающихся покойников, главный враг постмодернизма — творческий интеллект. Специалист по раннему развитию профессор Галина Козловская отмечает, что за последние десять лет произошёл взрывной рост детского аутизма. Болезнь выбирает одарённых и чутких малышей, преимущественно мальчиков. Как правило, необратимые изменения в организме, перестраивающие мозг и превращающие ребёнка в «овощ», происходят через 2-3 недели после очередной вакцинации.

Тема прививок требует отдельного и тщательного исследования. Мы же скажем о том, что хорошо известно — основы психозомбированного интеллекта закладывает в головы наших детей модель современной школы. «Свободное развитие» — это не механически заученные знания. Это сформировавшаяся в школе самостоятельность мышления — суждения», — совершенно справедливо замечает известный отечественный физиолог Владимир Базарный. Под его руководством был выполнен ряд диссертационных исследований. Установлено, что только за начальный трехлетний период обучения в массовой школе базовые параметры свободного творческого интеллекта детей угасали в 2–4 раза. (!) Соответственно, во столько же раз возрастали характеристики инструктивно-программируемого интеллекта. «Декларируя одно, а делая совершенно противоположное, школа формирует поколения людей, которыми легко манипулировать», — подводит итоги Владимир Базарный.

Владимир Филиппович — выдающийся учёный мирового уровня. Анализируя с точки зрения физиологии ребёнка массовую модель европейской школы, он обнаружил в ней несколько ключевых пороков. Во-первых, здесь смешаны по календарному возрасту мальчики и девочки, что приводит к деформации пола, прежде всего, у мальчиков (младших по физиологическому возрасту). Во-вторых, «безного-безрукая» сидячая школа пагубным образом сказывается на здоровье учеников. В-третьих, познание мира по мертвым буквам и числам формирует соответствующий «цифровой» интеллект — управляемый и лишённый воображения. Географическая карта владений постмодернизма не случайно так точно совпадает со Старым и Новым Светом — именно здесь по данной модели были воспитаны первые поколения людей с управляемым интеллектом. Дальнейшее воспроизводство было «делом техники».

* * *

Корни постмодернизма, безусловно, лежат в эпохе Просвещения, когда была заложена модель современной школы. «Нить традиции» оборвана именно здесь, что же касается мусульманского мира (с четким по-

лоролевым воспитанием), Китая (с избыточным мужским населением), Индии (с учителями-мужчинами и выбором между раздельными и смешанными школами), то в этих регионах и странах всё в порядке и с демографией, и с творческим воображением, и даже с экономикой — темпы её роста не сравнимы с европейскими.

Постмодернизм — концентрированное выражение женственности нынешней европейской цивилизации. Кажется, что мужчины нынешнему мироустройству не нужны — территории освоены, войны отгремели, мир содрогнулся и «лишний» компонент героизма и самоотверженности из населения земного шара был уничтожен. Женская цивилизация — цивилизация комфорта, потребления, богатства, довольства, домовитости, порока и пресыщения. Цивилизация, в которой мужчины — неразумные мальчики, дети, блудные сыны, бестолковые существа.

Для освоения новых, виртуально-информационных территорий, не нужна грубая мужская сила, благородство, отвага в бою и пассионарность; нужна устремлённость в «чёрные дыры» интернета, устойчивость у компьютера, привязанность к айфону. Это новый аскетизм: люди с ноутбуками, погруженные в игровую среду, не требуют для себя дорогих яхт, самолётов, золотых пляжей и счетов в банках. Они просят только времени и покоя. Люди, экономящие ресурсы, молекулы информационной цивилизации.

Россия — страна, где мужчин, как показала последняя перепись населения, на 10,6 млн. меньше, чем женщин. Грустная статистика. Свято место пусто не бывает — на «обезмужиченную землю» устремились соседи — киргизы и таджики, китайцы и вьетнамцы, узбеки и курды, грузины и армяне. Это уже никакой не постмодернизм, а вполне себе очевидная перспектива — передовые отряды мусорщиков, строителей и продавцов переселившись сами, везут за собой сестёр и братьев, жен и детей. Пока постмодернисты утешаются тем, что «мы имеем дело не с миром в целом, и даже не с истинными объективностями» (Жиль Делёз), земля у нас уходит из-под ног. Передовиком, опять же, была Европа, гостеприимно распахнувшая свои двери арабам, туркам, пакистанцам и другому избыточному мужскому населению. Это теперь Ангела Меркель говорит о «полном провале концепции мультикультурализма», и ей вторят Николя Саркози и Дэвид Кэмерон. А давно ли подход был иным: полный постмодернизм в национальной политике, отказ от общей культуры в пользу множества равноправных — «одновременность неодновременного» (Жан Лиотар). Но что-то не сложилась — изящная теория, оторванная от практики, поставила Европу и Россию на грань этнических противостояний. Человек — это, увы, ещё и животное (эту данность не переделать никаким постмодернизмом), а животному, помимо философии, нужен ареал обитания, и его утрата вовсе не является относительной — она вполне конкретна.

* * *

Подведём некоторые итоги. Постмодернизм — не просто этап развития философской мысли. Перед нами интеллектуальный продукт, разительно отличающийся от всего, что было прежде в истории человечества. Главное отличие — в нём нет смыслового центра, сплошной кисель «плюрализма». Это философия изменённого человека — человека «без стержня». Иерархия ценностей у него не сформирована потому, что «новые люди» были воспитаны в искажённой образовательной среде. «Оранжерея», построенная в эпоху Просвещения, во времена массовой бесполой школы дала больные и нежизнеспособные плоды.

Это сугубо европейская философия, «царство смерти, пытающееся осознать себя в формах жизни», как замечает Владимир Семенко. Вымирание Европы и России уже очевидно, белое население стремительно сокращается, замещаясь выходцами из Азии и Ближнего Востока. С другой стороны, нельзя не признать талант европейских постмодернистов — их скрупулёзный анализ дал очень точную картину происходящего, не указав, впрочем, ни причин, ни, тем более, способа изменения ситуации. Но это уже было бы нарушением жанра в эпоху «остановки времени» (Жан Бодрийяр).

Многие критики постмодернизма указывают на то, что это философия «отменяет человека», демонтирует личность — главное завоевание христианства. Мы же заметим другое: в эру постмодернизма уничтожается сам «базис» человека — его животное (в физиологическом смысле этого слова) начало. «Бесполая культура — я утверждаю это ответственно, — есть культура зла. Эта культура ведет к массовому уродству младенцев и бесплодию», — с этим выводом Владимира Базарного невозможно не согласиться.

Факты — упрямая вещь: за последние сорок лет ряд болезней репродуктивных органов у мальчиков в России увеличились почти в 30 раз! И это при том, что нормативы ВОЗ по качеству мужского семени за это же время были уменьшены более, чем в 7 раз. Больной «базис» — человек, утративший (во многом по вине современной системы образования) свою витальность, даёт чахлую «надстройку»: «Зеркало культуры разбито и валяется у ног человечества» (Жан Лиотар). Именно потому, что здоровое животное начало сегодня во многом уничтожено, наблюдается

чудовищный всплеск различных перверсий — от инцеста до педофилии, от выпячивания своей «нетрадиционной ориентации» (пресловутые гей-парады) до присуждения Государственной премии в области современного искусства изображению фаллоса на Литейном мосту в Санкт-Петербурге.

Упиваясь «внутренним тождеством мира и хаоса», постмодернисты не в силах осмыслить простой вещи: это тождество существует только в сознании современного, физиологически изменённого человека, но никак не в действительности, где по-прежнему действуют законы природы, в том числе и демографические. Конечно, есть надежда, что и весь остальной мир на какое-то время двинется по самоубийственному пути европейской цивилизации, тем более, что на этой дороге есть много привлекательных вещей. А именно: комфорт как цель бытия, снисходительность к собственному моральному выбору, отсутствие привязанностей к чему бы ни было (в том числе, и к жизни). Обустраивая постинформационное общество, западная цивилизация достигла огромных успехов на этом пути, и, возможно, что главные достижения, связанные с техническим прогрессом, ещё впереди. Шанс «наклонить» Китай, Индию и мусульманский мир существует, но пока там есть избыточное мужское население, он не очень велик — не помогут ни социальные сети, ни другие формы «электронного воздействия». К тому же природа, не выдерживая выкрутасов постмодернистского «золотого миллиарда» мстит изменением климата, остановкой Гольфстрима, землетрясениями и катаклизмами.

Новая природная и информационная среда потребует новый тип человека — и, кажется, это будет не постмодернист. Возможно, это будет кибер-человек с «цифровым интеллектом». Тогда изящество и плюрализм постмодернизма сменится на определённость и строгость байта — единицы информации, а исторические события будут происходить исключительно в виртуальном пространстве. Но, разумеется, возможны и иные варианты. Просто потому, что, как замечал Лев Гумилёв, природа не прощает «венцу творения» хищнического отношения к себе и радикального изменения ландшафтов — возмездие неизбежно.

* * *

А напоследок вернёмся ещё раз в Калининград. Здесь, конечно, не только фестивали танца на пилоне проходят. Городской Театр эстрады в рамках муниципального задания подготовил концертную программу «Поклонимся великим тем годам». Молодые артисты, среди которых

был и актёр с постмодернистским именем Клим Ворошилов, пели военные песни, читали со сцены письма своих сверстников-героев, погибших в Великую Отечественную. Сценография была насыщена различными эффектами — документальной хроникой, архивными фото и аудио. Добавим к этому динамичный свет, декорации, костюмы, клубы дыма. Весьма современный спектакль, в котором «театр переживания» был вполне сознательно заменён на «театр внешнего действия».

Трудно сказать, было ли это сделано для облегчения актёрской жизни, чтобы молодые люди понапрасну не «жгли» себя на сцене, или такой приём был использован потому, что публика уже глуха к иным способам воздействия... Органы чувств современного человека, видимо, уже так атрофированы, что звук нужен оглушающий, картины — кричащими, свет — прожекторным.

Постмодернизм, ко всему прочему, это ещё и чувственная глухота. Закалённый кибер-супермен будущего выковывается в процессе естественного отбора — в «цивилизованных странах» каждый десятый человек страдает тем или иным психическим расстройством. Но кто ныне более безумен: мир или человек? Ответить трудно. Одно очевидно: чтобы выжить в эру постмодернизма, надо иметь крепкую голову и большую семью. Ценности безусловные. В тяжелую годину их поддержит апологет любой философской доктрины...

июнь 2011

Почему Россия не Европа

1

Мы не европейцы, мы просто русские.

Николай Страхов.

Гданьск — красивейший город Европы. В историческом центре можно полюбоваться на бережно восстановленные из руин — немцы ожесточенно сражались за Данциг во время Второй мировой — старинные здания, вдохновиться величием самого большого в Старом Свете кирпичного Марьяцкого костёла, задуматься о бренности бытия у «поющих» часов ратуши, под циферблатом которых слова — «цени свой день»...

В старом Гданьске, в его милых двориках, уютных, крепко замощенных улочках, нарядных, плотно прилегающих друг другу фасадах домов, сразу же чувствуется дух средневековой Европы — места, где «люди умели жить», где бытовой комфорт ценился не меньше, чем «спасение души». В то время, пока княжества Руси изнемогали под тяжестью монголо-татарского нашествия и Московия ценой невероятного напряжения сил сосредотачивала ресурсы для грядущего освобождения, в Северной и Центральной Европе создавались величайшие памятники культуры, стремительно развивалась гуманитарная и техническая мысль, закладывались основы социального устройства, которые впоследствии стали идеалом демократий для наций и государств изрядно задержавшихся в своём развитии.

С той поры миновало немало времени, а сюжет «Россия и Европа, разное и общее» неизменно вырисовывается, когда эти две стороны оказываются, что называется, «лицом к лицу». Мы, конечно, тоже европейцы, причем общность эта не только географическая, но и расовая, культурная и отчасти религиозная. И всё же мы — другие. Причём отличия эти лежат даже не в сфере интересов — экономических или политических, а скорее, в области ценностей. Попробуем проиллюстрировать данное положение на примере нашего восприятия совсем недавних событий — в этом году Польша празднует 20-летие со времени первых демократических выборов в послевоенный период (в стране объявлен Год демократии), а Европа готовится отметить падение Берлинской стены.

Гданьск в свете этих знаменательных дат — место знаковое. «Беспорядки» в Польше были, как мы помним, катализатором крушения социалистической системы советского образца, Варшавского договора и двухполярного мира. Ну, а Гданьск — родина «Солидарности»; этот город как раз и «раскачал» в начале 80-х ситуацию сначала в стране, а потом и во всей Восточной Европе. Многие современные польские политики тогда обрели свой первый опыт «восстания масс» и активно действуют в высшем руководстве страны. Но гремевший когда-то Лех Валенса теперь не у дел. Он, впрочем, по-прежнему ощущает себя фигурой мирового масштаба (это, конечно, мировоззренческое заблуждение), любит повествовать о своём «звёздном часе» в 1989 году, когда ведомая им «Солидарность» одержала победу на парламентских выборах, исправно хвалит Горбачёва («если бы он спас СССР, нас бы не было») и клеймит польских коммунистов, с которыми он боролся (как будто это были инопланетяне, спустившиеся с небес, а не такие же граждане страны). Много времени Валенса посвящает зарубежным поездкам, а ещё регулярно отбивается от нападок дотошных журналистов, которые обнаружили документы, свидетельствующие о связях «отца польской демократии» со Службой Безопасности страны — в те годы аналогом нашего КГБ.

И всё же гданьская революционность была выведена не только в колбах спецслужб, у неё есть и другие родители. Ещё в 1970 году в городе пролилась кровь: многотысячная толпа, недовольная резким повышением цен, двинулась громить местный парткомитет. Власти ввели войска, было применено оружие, погибло около 30 человек. Теперь близ ворот судоверфи воздвигнут монумент, посвященный борцам за свободу. Польские власти неизменно подчёркивают, что истоки нынешней демократии именно здесь — без событий 1970 года не было бы ни «Солидарности», ни последующих изменений.

Что ж, вот и первые различия между нашими социальными укладами: в современной российской демократии совершенно невозможно уловить какую-либо преемственность с событиями в Новочеркасске в 1962 году, хотя они весьма похожи на волнения в Гданьске в 1970-м и по своим причинам (недовольство повышением цен) и по методам подавления (введение войск). И там, и здесь имели место рабочие выступления без каких бы то ни было политических требований, но в Польше борьба пролетариев за бытовой комфорт получила свой отклик в построении политической системы, а в России такое понимание «свободы», как контроль над ценами на основные продукты питания вовсе не является фундаментальным положением демократии.

Скажем больше: революции 1989–1991 гг. в Восточной Европе и в СССР были совершенно разными по своим причинам, характеру и результатам. Нельзя не заметить очевидного: если для стран Восточной Европы события 20-летней давности стали шагом к восстановлению нарушенного после Второй мировой войны единства, то для нас распад государства обернулся крупнейшей геополитической катастрофой, от которой, по правде говоря, мы не оправились и по сей день. Разделённая Европа была неестественным явлением, и перемены, наступившие в 1989-м году, позволили жителям Старого Света сделать ещё один шаг в направлении западных ценностей и идеалов, таких, как права человека, демократия, «социализм западного образца», правовое государство и плюрализм. Но таким же неестественным явлением стала и разделенная Россия, потерявшая Украину, Белоруссию, Северный Казахстан, и оставившая за пределами РФ многие миллионы этнических русских. Да, крушение «социализма советского образца» в Европе было в те годы невозможно — как ни крути — без развала СССР. Но если события 1989–1991 гг. вернули соцстраны в лоно европейской цивилизации, то нас они ввергли в дичайший олигархический капитализм, не имеющий ничего общего с современным западным укладом.

Европейская общность строится на культурных ценностях, политических институтах и сходном социальном устройстве многих государств. Европа — это особый мир, особая цивилизация. Но Россия — тоже цивилизация, только немного иная. Эта идея, блестяще обоснованная в своё время Николаем Данилевским, постоянно подтверждается жизнью. Вот и теперь: совершенно справедливо клеймя чуждую им коммунистическую идеологию, европейцы при этом напрочь забывают, что в Россию она пришла из Европы, а вернулась в их благополучные пределы именно потому, что здешние «светлые головы» додумались до фашизма и необходимости расширения «жизненного пространства». И, между прочим, обе сногшибательные идеи предполагали конечной целью улучшение благосостояния и бытового комфорта, тех ценностей, к которым со времен средневековья Европа неуклонно стремилась. Да и послевоенный курс на построение потребительского общества является продолжением избранного пути, и плоды этой тупиковой затеи в виде экономического кризиса ныне пожинает весь мир.

Безусловно, Россия — цивилизация во многом «ученическая», и потому с идеей коммунистического равенства она согласилась и преобразовала её под свой «формат» (ясно, что послевоенный социализм в СССР и в Восточной Европе — это два разных уклада), а вот идею фашисткой сегрегации страна отвергла, и понесла неисчислимые жертвы во Второй

мировой войне. Однако же, спустя десятилетия, мы, кажется, опять виноваты. Прежде вина заключалась в нашей силе, в построении двухполярного мира, ныне — в нашей слабости, в неспособности стать на путь «социализма западного образца». (Увы, для это нам нужно было бы родиться и прожить немцами, французами или, на худой конец, поляками, — с их историей, победами и поражениями. «Советский социализм» для нас был единственной возможностью догнать Запад технологически, и потому его крушение стало деянием антинародным и отбросило страну далеко назад. Нынешние робкие попытки внешней реставрации отдельных элементов «советского уклада» есть всего лишь неосознанное возвращение к естественной логике развития страны.)

И всё же Россия, которая однажды похоронила монголо-татарское иго и дважды оказывалась кладбищем для «европейских проектов» по улучшению западного благосостояния — сначала наполеоновского, а потом гитлеровского, и по сей день, даже весьма ослабленная, остаётся особой цивилизацией, которая просто обязана играть свою партию в мировом оркестре, в том числе и в европейском. Другого выбора у нас просто нет: будь мы самыми «белыми и пушистыми» в плане демократии, прав человека, свободы СМИ и прочих безусловно приятных вещей, Запад (как впрочем, и Восток) будут по-прежнему рассматривать нас как источник ресурсов и рынок сбыта лежалых товаров — поскольку никакой другой территорий под боком нет, а уменьшать свои запросы они не собираются. Для Европы всегда был важен комфорт и быт, и потому наше невольное «мессианство» здесь никогда не найдёт понимания.

Впрочем, как бы ни была едина Европа, в каждой «квартире» этого «общего дома» есть свои тревоги и заботы. Немцы сегодня, может быть, с удовольствием бы возвели Берлинскую стену назад — многие граждане бывшей ГДР недовольны, им недостаёт возможностей для развития, а на плечи западных немцев легла основная тяжесть работы по поддержке экономической стабильности не только в стране, но и во всей Европе. Окраины континента требуют «финансового выравнивания», неспокойны «проблемные зоны» в Косово и в Сербии. А тут ещё Америка со своим ПРО... Поляки, кстати, испытали сильнейший шок, когда Барак Обама принял решение не размещать американские ракеты в Восточной Европе. Две недели «отцы нации» безмолвствовали, переваривая эту оплеуху. Из политического нокдауна они стали выходить только сейчас, когда США вновь вернулись к идее ПРО, но уже в более дешёвом варианте. Казалось бы, где Польша и где Америка, и что у них общего?! Однако же заокеанские «дядюшки» милее нашим соседям, чем французы с немца-

ми. Таковы особенности польского менталитета — искать «дружбы» с сильным, а не с ближним.

Итак, окончание «холодной войны» и идеологического противостояния не привело к ожидаемой «дружбе» между Россией и Европой. «Мир, свобода, колбаса» — все эти лозунги перестроечного времени оказались для нас ложью. Мир обернулся войной в Средней Азии и на Северном Кавказе, свобода у нас только для богатых, а в колбасе полностью исчезло мясо. Что же касается геополитики, то Европа тут привычно старается доминировать на континенте, и делает это методично и вдумчиво. Предлоги есть всегда: казалось бы, все давно разобрались, что именно Грузия напала на Южную Осетию, однако же поставки оружия режиму Саакашвили продолжаются, а страны Европы (Чехия, Польша) то и дело принимают антироссийские резолюции.

В канун празднования 20-летия падения Берлинской стены Европа, как всегда, лукавит — деидеологизации международных отношений не случилось. Наши разногласия из плоскости «капитализм — социализм» вернулись в пространство цивилизационных противоречий. Вернее, Россия как раз старается изо всех сил превратиться в «Европу» (это произойдет лишь в том случае, если русские исчезнут с лица земли), но вот Запад никак не хочет смириться с нашим правом на «жизненное пространство»! И, между прочим, напрасно: Россия вместе с Украиной и Белоруссией — это последний «ресурс» белого населения планеты. Конечно, все люди — братья, но если из человеческой палитры исчезнет белый цвет — а это время не за горами — право, «народ будет неполон»...

Горячие головы на Западе (а среди поляков таких много) считают, что вслед за развалом СССР надо «растворить» и Россию. Первый шаг на этом пути — внушение нам вечного комплекса вины за идеологию коммунизма. (Однако же именно «коммунистический» СССР победил нацизм, а вот «демократический» Запад сразу поднял «лапки вверх», та же Польша храбро сражалась с Гитлером аж целых 7 дней!) Европа лихорадочно спешит переписать историю в свою пользу. Стремление это понятно: жизненное пространство надо расширять всегда и везде, не только территориально, но и, что называется, «духовно» — в умах и в сознании граждан. И потому, какие бы «комиссии по правильной истории» мы не создавали, мы должны помнить: история пишется и переписывается каждый день, и все мы, в разной мере, её «Несторы» и субъекты влияния. Только с сильной Россией Европа будет уважительна (вне зависимости от нашей идеологии и социального устройства), и, напротив, наша слабость, экономическая и геополитическая, всегда будет давать

повод для ревизии и критики настоящего и прошлого страны. Ничего не поделаешь — так устроен мир, по крайней мере, в Европе.

Возвращаясь к знаменательной дате в новейшей европейской истории — падению «социализма советского образца», пора честно признаться хотя бы себе — мы чужие на этом «празднике жизни». Нам пора понять, наконец, что России не в чем оправдываться перед Европой. Разве лишь в том, что мы позволяем Западу быть слишком забывчивыми. И это, кстати, как раз и мешает построению нормальных и честных отношений между нами.

2

Причудлива судьба народов и государств — ещё вчера, каких-нибудь сорок лет назад, Норвегия была беднейшей страной на задворках Европы и её граждане шли «в люди», отправляясь в поисках лучшей доли в Северную Америку. А сегодня наша северная соседка — мировой лидер по качеству жизни. Потому и не спешат норвежцы в Евросоюз, и, будучи, членами НАТО, не всегда берут под козырёк, когда раздаются команды от дядюшки Сэма. Так, силовая акция в Ираке рассматривалась Осло, как «не имеющая под собой международно-правовой основы».

Конечно, легко демонстрировать независимость, если карманы приятно оттягивает наличность. Но отдадим должное потомкам викингов: внезапно свалившееся богатство (открытие в конце 60-х годов прошлого века шельфовых месторождений нефти в Северном море) не вскружило им головы. Норвегия не является «законодательницей мод» в создании и деятельности демократических институтов, но зато она им следует на деле. При этом не будем забывать, что шестьсот лет у страны не было независимости — ею сначала управляли датчане, потом шведы. И хотя самостоятельному пути всего лишь 102 года, в Норвегии удалось построить «социалистическую монархию».

Демократия в ней реальна: 169 членов Стортинга представляют семь партий, преодолевших 4-процентный барьер. Обилие партий в такое небольшой стране, как видим, ничуть не мешает нормальному парламентскому процессу. «Лошадь» законодательства тащит исполнительскую «телегу»: если по какому-то важному вопросу большинство депутатов голосует против предложений правительства, члены кабинета уходят в отставку. Но такие случаи очень редки — правительство назначает Стортинг из числа депутатов. А вот парламент досрочно распустить нельзя. Потому и президент Стортинга по протоколу второе после короля Харольда V лицо в государстве.

Демократия у наших соседей наглядна: любой гражданин может наблюдать за ходом дебатов в Стортинге, находясь на специальной галерее, а депутат, который голосует «против», не только нажимает на соответствующую кнопку, но и встает со своего места, демонстрируя своё несогласие с происходящим. Парламент в Норвегии не место для дебатов: большая часть работы проходит в постоянных комитетах, которые вносят предложения об изменениях в законопроектах. На выборах здесь невозможно применить административный ресурс: реклама кандидатов на телевидении исключена, наглядная уличная агитация — тоже.

Есть партийная пресса, которую, как и всю остальную, поддерживает государство. Ещё один путь к сердцу избирателя — встречи кандидатов с населением. Политики говорят, что именно близость к народу заставляет их работать.

Супердемократичны и местные выборы. У каждой партии — свой бюллетень, где указаны все ее кандидаты. Если избирателю тот или иной претендент не по душе, то он вправе вычеркнуть его и вписать любую другую фамилию, в том числе и представителя другой партии. Есть специальный бюллетень, который сигнализирует, что избирателю не нравятся все партии и кандидаты. Норвежцы очень политизированы, процент явки на выборы здесь всегда высок.

Открытость норвежского общества поразительна: министр, шагающий на работу пешком или едущий на велосипеде, никого не удивляет. Здесь в цене не «имидж» с «мигалками», а совсем другие качества: рациональность, предсказуемость, логичность. Увидеть, что знаменитый норвежский минимализм действительно является стилем жизни здешний политической элиты, мне довелось собственными глазами. Ещё днём замминистра экономики и торговли Фроде Берге делал содоклад на встрече высокой российской делегации с местными деловыми кругами, а вечером он же в абсолютном одиночестве ужинал в китайской «забегаловке»: дешевом, совершенно непрезентабельном кафе-вагончике, где даже нет места для стола — только барная стойка. Представить первых лиц российского Минэкономразвития у киоска, где торгуют горячей китайской лапшой, можно только в страшном сне, поскольку их «имидж» пострадает в прямом и в переносном смысле — большую часть наших «випов», появись они на людях без охраны, народ бы просто растерзал за их деяния.

Понятно, что стиль жизнь политической элиты всегда является невольным образцом для нации. Удивительно, но факт: в Норвегии, богатейшей стране мира, личное благосостояние, «хапанье» любым путём, дворцы, виллы, астрономические счета в банках не являются главной

целью властных устремлений. Может потому, что Норвежская рабочая партия, старейшая и крупнейшая в стране (сегодня в Стортинге её представлет 61 депутат), действительно, а не на словах, отстаивает социал-демократические ценности? Зампредседателя НРП Хельга Педерсен занимает в правительстве пост Министра рыболовства и береговой администрации. Кстати, эта обаятельная 34-летняя женщина не только жесткий политик, когда речь идёт о «рыбных» интересах Норвегии в России, но и нежная мать: недавно Х. Педерсен «без отрыва от производства» родила ребенка. Социалистический лозунг «всё для блага человека», над которым когда-то вдоволь поиздевались наши диссиденты, в Норвегии восприняли всерьез. Здесь женщина не выпадает из карьеры, если вдруг задумала стать матерью: законодательство разработано таким образом, что до тех пор, пока младенцу не исполнится десять месяцев (в это время ребенка можно отдавать в детсад), семья не теряет ни в заработке, ни в стаже, причем супруги на равных участвуют в воспитании ребенка. Два-три ребенка в доме — обычное дело, что для стареющей Европы можно считать очень хорошим показателем. В Осло довелось увидеть местную демонстрацию: к зданию парламента по бульвару шла небольшая толпа. Полтора десятка женщин и несколько мужчин несли самодельные плакаты с призывами «Больше качества!» и «Нужны новые детские сады». Нам бы их проблемы...

Приоритет семейных ценностей, здорового образа жизни в Норвегии бросается в глаза. В Осло трудно найти семью, в которой нет автомобиля, но в городе, несмотря на узкие улочки, не увидишь пробок — машина для дальних поездок, а в обыденной жизни популярен велосипед (практически для всех возрастов) и пешее передвижение. Разумеется, для занятия «уличной физкультурой» созданы все условия: есть специальные дорожки, стоянки для велосипедов. Зато офисы крупнейших компаний, например, гиганта в области телекоммуникаций концерна «Теленор», владеющего блокпакетом акций нашего «Билайна», вынесены за город. Цена пачки сигарет не ниже десяти долларов, что дорого даже по здешним меркам. Крепкий алкоголь можно купить только в специальных магазинах до 16.00, пиво — в супермаркетах до 20.00. Несмотря на столь жесткие ограничения, в торговом зале «Винной монополии» в будний день было пусто — похоже, пьют в Норвегии гораздо меньше, чем в России.

В результате продуманного комплекса мер продолжительность норвежской жизни по нашим меркам просто запредельная: у женщин — 82,5 года, у мужчин — 77,7. Многие пенсионеры, кстати, доживать перебираются «на юга» — например, в Испанию. Могут себе позволить

это удовольствие — минимальная пенсия в пересчете на российские рубли составляет около 65 тысяч.

Естественно, что в стране, где национальной идеей стало «создание государства всеобщего благоденствия» (так в официальных документах — Авт.), много приезжих. Есть среди них и россияне — 16 тыс. человек, из которых 5 тыс. чеченцев. Гостей с Кавказа доверчивые норвежцы принимали со всей душой, наслушавшись легенд о «политических гонениях» в России. Но после нескольких случаев весьма некорректного поведения, попасть в «места обетованные» (так называет Норвегию один из чеченских сайтов) для «жертв режима» стало проблематично. «Государство благоденствия» и так испытывает сильное миграционное давление — например, в Осло 23 процента горожан — приезжие из других стран.

На встрече в российском посольстве с соотечественниками, наши люди в Норвегии жаловались на то, что в Осло не найдёшь русской книги и газеты, что российское телевидение могут смотреть только владельцы собственных домов. Впрочем, вряд ли эти люди что-то потеряли, не видя российское ТВ. Зато норвежское гостелерадио — пример редкой целомудренности вещания. Достаточно сказать, что на всех телеканалах NRK вообще нет рекламы! Сотрудник компании Ян Крузе долго не мог понять суть вопроса, когда его спросили, как норвежцы борются против заполнения эфира насилием, криминалом и постельными сценами. Ну нет на NRK такой проблемы! Причем гостелевидение, несмотря на отсутствие «клубнички», всё равно пользуется большей популярностью, чем коммерческие каналы. (Вот вам и пресловутый рейтинг!) Финансируется NRK за счет госбюджета. Есть еще небольшая абонентская плата, которую вносит каждый владелец телевизора. Сигнал не кодируется, и можно ничего не платить, если купить телевизор, допустим, в Швеции. Но таких случаев здесь фактически не встречается.

На полном доверии работает и метро в Осло — турникет не ударит безбилетника по ногам. Законы и правила здесь уважают не «из тупости», а потому, что они действительно служат общему благу. В свою очередь, механизмы попадания во власть прозрачны — выборы на всех уровнях действительно служат выдвижению во власть лучших граждан.

Россия, конечно, пытается кое-что перенять из норвежского опыта. Но получается нечто пародийное. Есть в Норвегии государственный пенсионный фонд Глобал («нефтяной фонд»). По его образу и подобию в России в своё время появился Стабфонд. Хорошее дело придумали наши соседи — не перегревать экономику шальными нефтяными доходами. Только вот идея по стерилизации денег в специальном фонде

привела в Норвегии к 1 % инфляции, а у нас, судя по росту цен, будет 12-процентный рекорд. Причём зарплаты за последние годы у них реально увеличивались в среднем на 2,5%.

Кто же виноват в российских бедах, неужели Греф и Кудрин, придумавшие вкладывать нефтедоллары за рубежом с высокими рисками и убытками?! Из норвежского опыта был заимствован лишь один, самый лёгкий рецепт, а на всё остальное «имиджевые» министры закрыли глаза. Наши соседи ещё раз доказали очевидную истину: чем более демократической является страна и чем меньше в ней неравенство населения, тем ниже, при прочих равных условиях, инфляция. Но ничего не получится, если верхушка богачей будет по-прежнему жировать, а бедняки потихоньку вымирать. Даже в матушке-Америке, совратившей когда-то измучившуюся в «тоталитаризме» советскую элиту, бедных в процентном отношении в пять раз больше, чем в Норвегии. Посему выравнивание уровня жизни населения — единственный путь вытягивания «клячи отечественной истории», застрявшей в трясине постсоветских реформ.

Естественно, что отдавать наворованную собственность «элита» не собирается — она уже к ней «привыкла». Перераспределение же мирным путём возможно только в том случае, если большинство населения осознает свои интересы. Но для зрелой демократии, как показывает опыт Норвегии, необходимы, по крайней мере, два фактора: физически здоровое население и неангажированная пресса. Конечно, можно представить себе ситуацию, что завтра мы проснемся в стране, где для здорового образа жизни большинства будет сделано всё возможное, а телевидение у нас вдруг станет скучно-правильным, но, это, скорее, утопические мечты. Кстати, «цена» этих двух вопросов гораздо меньшая, чем, допустим, затраты на нацпроекты.

Деятельность норвежского нефтяного концерна «СтатойлГидро» — развенчание ещё одного российского мифа эпохи перемен. Суть его в том, что только частный бизнес, где есть «эффективный собственник», успешен. «СтатойлГидро» — государственная компания, мировой лидер по добыче и переработке нефти. И «Теленор», у которого 42 миллиона абонентов по всему миру, тоже создавался на деньги правительства, контрольный пакет акции компании — у государства. Норвежская действительность позволяет предположить, что именно госконтроль над стратегическими отраслями промышленности и предприятиями позволил добиться такого высокого качества жизни. А социализм, как экономическая система, демонстрирует здесь исключительно высокую эффективность: производство ВВП на душу населения почти в 8 раз выше, чем в России.

...Какой же главный урок преподнесли миру норвежцы? Оказывается, сильное государство может быть не душителем свобод, а гарантом реальной демократии. Влиятельный парламент, отражающий интересы населения, способен стать лучшим лекарством от коррупции и злоупотреблений. Социализм — это не обязательно сказка «марксистов», и для его построения нужны не подвиги одиночек, а подвижничество всей нации, не разделяемой на «элиту» и всех остальных.

3

В Витебск, на «Славянский базар», я приехала ранним утром. Привокзальная площадь поразила чистотой — ни одного окурка, пивной бутылки, плевка, застарелой и растоптанной жвачки на тротуарной плитке. Скажу сразу: это самый чистый город, в котором мне довелось побывать за свою жизнь. Даже Осло в богатой Норвегии в этом смысле «попроще».

До гостиницы ехала на такси. Водитель, легко угадав во мне москвичку, спросил: «Ну и как вам у нас?» В голосе его чувствовалось напряжение. Я ответила, что не первый раз приезжаю в страну, но прежде бывала только в Минске и окрестностях, и что Белоруссию очень люблю. «А я перебрался сюда из Брянской области, у нас там большое чернобыльское пятно. В Витебске когда-то в армии служил, город мне нравился. Перевёз семью. Родственники, оставшиеся дома, завидовали. Два-три года назад здесь вообще был коммунизм по сравнению с Брянщиной». «А что теперь, когда Белоруссия переживает жесточайший кризис?» Таксист покачал головой: «Не знаю! До конца года купят нас, наверное. Либо Китай, либо Россия».

В Витебске на каждом углу звучит русская речь. А также польская, немецкая, литовская — на фестиваль приехало много гостей из-за рубежа. Кажется, будто находишься в «идеальной Европе» — культурной, нарядной и очень деловой. Везде продаются белорусские товары — продукты, одежда и обувь, ткани, косметика, бытовая техника. Да и ехала я в новеньком вагоне гомельского производства. Все эти «творения рук человеческих» невольно будили «проклятые» вопросы: почему в России старые поезда, «подержанные» самолёты, ржавые суда?! Почему у нас китайская и турецкая одежда, «ножки Буша», улицы метут таджики, а дома на этих улицах построили узбеки с киргизами? Сами-то мы что производим, кроме чиновничьих бумаг, распоряжений и «посланий»?! У нас же модернизация!!!

В дни «Славянского базара» как раз затонула «Булгария». Россиянам сочувствовали, высказывали соболезнования. Выслушивая эти искренние слова поддержки, лично я, кроме благодарности, испытывала чувство стыда и неловкости за свою страну: у нас каждый день что-то горит, взрывается, тонет, падает и пр. В Минске оппозиционеру расквасили нос — о, это сенсация, звериный оскал тоталитаризма, виноват диктатор Лукашенко. В Перми сгорела «Хромая лошадь» вместе с посетителями — ну, это в «порядке вещей» (взрывы домов, Беслан, «Норд-Ост», теракт в «Домодедово» т.д. и т.п.) — не Медведев же с Путиным ночной клуб инспектировали! Народ в России никуда не годен, вот в чём источник наших бед! Он, как известно, главное препятствие модернизации — ленив, берёт и даёт взятки, политически неграмотен и не подготовлен к осознанному демократическому выбору — дай ему волю, так он, пожалуй, и против правящей партии проголосует.

Но мы же с белорусами и украинцами — восточные славяне, одного поля ягоды! Наши языки так близки, что мы друг друга без перевода понимаем. Мы века жили вместе, в одном государстве. Получается, что плохой русский народ избрал безупречных, «белых и пушистых» правителей, которых денно и нощно телевизионно славит, а хороший белорусский народ (судя по тому, как он работает, как поднял промышленность и сельское хозяйство), выбрал никудышного президента-«колхозника»?! (Нами-то законолюбы правят, борющиеся с коррупцией!) Но разве возможны такие нарушения логики в одном и том же медийном пространстве?! Плюрализм в одной голове — это шизофрения.

Наблюдая белорусское (да и украинское) бытие, невольно приходишь к мысли: хорошо, что две славянские страны отпали от олигархической России, и что хоть часть нашего народа не разучилась работать, не потеряла достоинства и вкуса к нормальной жизни. Не сидение на нефтегазовой трубе делает власть самодостаточной, а образованные и трудящиеся люди. Они-то и есть опора нации, «средний класс», а не те, кто скупил недвижимость в Лондоне, в Майями, в Черногории и съехал из «Рашки».

В прошлом году я увидела в центре Владивостока (!) несколько рекламных щитов: «Офисная мебель из Белоруссии». Рядом Китай — мировая фабрика товаров. Сам город тоже не в пустыне находится, кругом леса. «Неужели здесь покупают белорусское?» — спросила я у местного бизнесмена. «Конечно! Потому что их мебель — сертифицирована, отличного качества, а у китайцев проблемы с безопасностью лаков, клеев, пропиток». «А мы почему свои товары не производим?» Бизнесмен только руками развёл.

Пока Белоруссию не купили, я бы возила сюда детей и молодежь из России на «этнические экскурсии». Чтобы показать, каким мог быть

русский человек через двадцать лет после распада СССР. Уверенным в себе, самодостаточным, умеющим работать и «жить красиво» не в смысле попоек на крейсере «Аврора», а в смысле чистоты городов, ухоженности полей, доброжелательности человеческих отношений. Маленькая страна, бедная энергоресурсами, а какой нравственный укор большой и богатой России!.. Впрочем, не такие уж мы и большие. На «Славянском базаре» выступал детский ансамбль «Домисолька», пел из репертуара «Любэ» безграмотный географически и лингвистически текст: «Рассея, моя ты Рассея, от Волги и до Енисея». Николай Расторгуев теперь депутат Госдумы от «Единой России», воплощает песенную программу в жизнь...

Вообще, «Рассея» на «Славянском базаре» удивляла. В конкурсе молодых эстрадных исполнителей страну представляла Мари Карне — талантливая джазовая певица весьма неславянской внешности. Впервые за двадцать лет фестивалю не прислал приветствие Президент России — и на вопрос «почему?» ответа не дано. Белорусская пресса из этого сделала далеко идущие выводы — вот, мол, опять «в душу плюнули». «Все помыслы про «Камеди клаб», поди», — откомментировали этот шаг президентской администрации наши блогеры. Мне же кажется, что это обычное российское раздолбайство — какой-нибудь референтишко, ответственный за бумагу, отбыл на отдых в Паттайю, до «Славянского базара» ли ему?! Если у нас голосованием в Госдуме управляет «толстенькая тетенька в красном» (см. записки студента-практиканта о пребывании в парламенте), то почему внешней политикой не может дирижировать «худенький мальчик в голубом» или какая-нибудь «гламурная» девушка?!

Правда, был и «позитив» от нашей страны: русский народный хор имени Пятницкого. Но его трудно отнести к искусству «новой России» — прославленному коллективу исполнилось в этом году сто лет. В отличие от наших спортивных клубов, хор пока не укреплён афророссиянами, латиноамериканцами и легионерами из иных стран, и всё равно замечательно поёт. Так, что наши эстрадные звёзды, вкраплённые в его программу, смотрелись как вставные зубы. Чтобы подобных сравнений не возникало, хор практически не показывают по ТВ. Да и некогда его показывать — опять в стране что-то упало, взорвалось, утонуло, завалилось... До искусства ли тут?!

«Эх, если бы в Белоруссии было хоть немного местных энергоносителей. Ну даже уголь, как в Польше. Знаете, как мы бы поднялись?!» — это из разговора с местным журналистом. От российских коллег чаще слышишь другое, презрительно-самодовольное: «Сколько можно кормить этих нахлебников?!» Но, позвольте, мы же один народ, мы Российскую империю с её огромными богатствами вместе строили и осваивали! А значит, белорусы имеют такое же моральное право на наши энергоресурсы, как и мы, русские. Ну, во всяком случае, они на это имеют прав никак не меньше, чем, допустим, граждане российского Северного Кавказа, потому что в Великую Отечественную каждый четвертый житель республики погиб, кровью заплатил за то, чтобы «правопреемники СССР» оседлали трубы с нефтью и газом. А если белорусы выкатят нам претензии за эти жертвы, как евреи — Германии?! В свете «десталинизации», например? Тогда как?!

Но это, конечно, утопия. Потому что у нас и народу России не принадлежат недра (а лишь отдельным лицам), а уж размышлять тут о гражданах Союзного государства России и Белоруссии вообще смешно. Когда бы не было так грустно... Пока хор Пятницкого веселил народ плясовыми, мне вспоминались стихи непопулярного ныне поэта-демократа Николая Некрасова, адресованные русскому народу: «Ты проснешься ль, исполненный сил, / Иль, судеб повинуясь закону, / Всё, что мог, ты уже совершил, — / Создал песню, подобную стону, / И духовно навеки почил?..»

Некоторые наши СМИ сейчас активно «будят» интеллигенцию в Белоруссии, обещают ей горы золотые и «настоящую демократию». Как в России, потому что это и есть наш национальный, наработанный за последние двадцать лет «товар», готовый к экспорту. Что ж, дорогие сябры, прежде чем покупать эту «инновацию», приезжайте к нам на экскурсию. Мы вам покажем — кладбища в Беслане, близ Саяно-Шушенской ГЭС, в Перми, в Казани и др. Мы вас свозим в Сагру, в Кондопогу, на шахту «Распадская»; отправим на Крайний Север, чтобы вы увидели представителей коренных народов. (Разве их положение не сравнимо сейчас с участью североамериканских индейцев эпохи «дикого Запада»?!) Продемонстрируем вам гастарбайтеров, живущих в Москве в землянках и в сараях. А ещё — виллы прокуроров, бизнес сыновей и дочерей губернаторов, машины с мигалками (в Витебске за неделю не видела ни одной), яхту Абрамовича (на картинке).

Нравится? Ну, тогда вперёд, за острыми ощущениями. Только не говорите потом, как некоторые наши суетливые поводыри, что «ах, ах, мы ничего не знали, и хотели как лучше»...

2008–2011

Вера и действие

Кино — почти всегда бизнес-индустрия, а еще это коллективный организатор, воспитатель и пропагандист. Кино — это значимый повод порассуждать на тему, куда движется мир, народ и государство.

Идеи, воплощенные в художественных образах, оказывают огромное влияние на ход человеческой истории. Творческая интеллигенция не только открывает новые смыслы, но и зачастую оказывается в положении «ведомой», особенно во времена «духовных смут» и мировоззренческой неопределенности.

Когда-то литература была самым аристократическим из искусств — она требовала образования, начитанности. Теперь это самый демократический вид занятий начинающему писателю ничего, кроме компьютера и интернета, не надо. Другое дело — кино, где дело не двинется без продюсера и бюджета.

Но вот деньги найдены, звучит команда «Мотор!», и съемки начались. О фильме «Живи и помни» по известной одноименной повести уже было сказано много. Добавлю и своё мнение. Очевидно, что 90 процентов современной молодежи «Живи и помни» не читали, и, возможно, свои первые впечатления о творчестве Валентина Распутина они почерпнут из фильма Александра Прошкина. Но вряд ли эти 100 минут станут временем высокого духовного напряжения. Достаточно сказать, что за первые полчаса на экране можно увидеть три весьма малоэстетичных совокупления, когда главные герои, по меткому замечанию одного из зрителей, «ползали друг по другу, как жуки».

И, впрямь, перед нами «мир насекомых», а вовсе не стихия народной жизни, в которой огромной трагедией ворвалась война. «Реализм» Прошкина — это натурализм, «экскурсионное понимание» русского народа и сибирской деревни. Режиссер пытается «изображать» тогдашнюю жизнь, либо не зная её, либо не обладая должным мастерством, чтобы показывать крестьянский мир «изнутри», а не извне. В игре актёров много истерики и мало смысла. Строго говоря, на экране мы видим неких звероподобных людей, охваченных двумя инстинктами — половым и самосохранения. У зрителя, который не читал повести, в голове наступает хаос. Писателя-автора, на экране, естественно, нет, нет и его «подсказок» — нравственных оценок; нет тех полутонов-характеристик, которые свойственны литературе. Зато есть некий этнографический

«изобразительный ряд» и бормотливые, с диалектизмами и «логопедизмами», диалоги героев. Так и неясным для зрителя, например, остаётся вопрос, почему главный герой Андрей Гуськов дезертировал из армии. Если у него плохо с головой, о чём свидетельствует его звериный облик и половая невоздержанность, это один коленкор. Но почему тогда жена Настёна относится к нему как к несчастному, но вполне здоровому человеку?! Неужто она столь глупа? Если же Гуськов просто трус, то зритель вообще попадает в нравственный тупик: значит, добро и зло — относительны, не говоря уж о таком понятии, как «долг»? Потому что в отсутствии внятного «героя нашего времени» предлагать в качестве «точки возрождения» духовно оступившегося человека — идея крайне несвоевременная.

Интересно, как «оттеняет» эту ленту фильм «Кабеи» японского режиссера Едзи Ямада. Картина тоже рассказывает о Второй мировой войне, а главный герой ленты — «дезертир», профессор токийского университета, выступающий против милитаристского курса Японии. За свои убеждения он, отец двоих девчушек, оказывается в тюрьме. Его жена Кабеи с величайшим достоинством проходит через все испытания — нужду, голод, отчуждение своего отца. Отказывая себе во всём необходимом, она передает мужу в тюрьму продукты, одежду, книги... Среди них — «Война и мир» Льва Толстого. Не знаю, повлияли ли воззрения нашего классика на японцев в целом, но идеи ненасилия автору фильма, по-видимому, весьма близки. Во всяком случае, никакого насилия над зрителем здесь не совершается. Режиссер весьма скуп в художественных средствах, а знаменитая японская корректность и «закрытость», сдержанность в проявлении чувств с лихвой окупаются той внутренней очистительной энергией, высоким духовным напряжением, которые дарит картина зрителю. И, в отличие от «Живи и помни», здесь почти все люди хорошие. Малокультурный родственник помогает деньгами, «идеологически правильный» руководитель уличного комитета находит для главной героини работу, врач, посещая Кабеи, упавшую в голодный оборок, не берет за свой визит деньги... И т. д.

Если судить о состоянии народного духа по этим картинам, то становится совершенно непонятным: как же во Второй мировой войне могли победить звероподобные русские, а благородные, полные внутреннего достоинства японцы, оказались побеждёнными?! Но на самом деле эти картины свидетельствуют о современности: о духовной расторможенности и падении в примитивную, инстинктивную чувственность части нашей творческой интеллигенции, и о духовной собранности, требовательности к себе и своему делу японских коллег.

Великие победы — достояние истории, но вечных победителей не бывает. Духовные капитуляции и творческое бессилие — опасные предвестники материальных поражений. Что будет с Курильскими островами? Неужели и их сдадим?! Где вы, герои? Дезертиров мы и так каждый день по телевизору видим...

Но вот что интересно: Александр Прошкин — это вовсе не «враг народа», задавшийся целью «очернить» Россию. Напротив: в его интервью можно встретить много здравых мыслей, происходящее в стране он оценивает, в общем-то, правильно. Но слово у режиссера разительным образом расходится с делом. Приглашённый на «Эхо Москвы», Прошкин высказывал вполне здравые мысли — про разрушенную деревню, бесстыдство олигархов и социальную несправедливость. Напрасно ведущая его «обводила», подталкивая к идее, что русские-де, сволочи и хамы, и иной жизни не достойны (что, в общем-то, из его «этнографического» фильма и следует). Режиссер не уступал, и этим своим упорством вверг собеседницу в величайшее раздражение.

Случай Прошкина показывает, какая пропасть иногда разделяет наши убеждения и явленные миру художественные результаты. (Вот и Александр Гордон снял «Огни притона», картину, которая немногим лучше тех, которые он ядовито разбирал на «Закрытом показе».) Некоторые художники считают, что социальное обличение и натурализм помогают народу «очнуться», «встряхнуться» и сделаться лучше. Но этот путь давно уже ведёт в никуда, точнее, на тот свет; не случайно унылых бытописателей и чернушных киношников с такой радостью славит «мейнстримовская» критика, действующая не деньги тех, для которых Россия — досадное недоразумение, каким-то чудом всё ещё существующее в природе. «Физиологическое кино» — давно уже не лекарство, а яд, однако же самоотравление всё длится и длится.

* * *

Очевидно, что копия всегда хуже оригинала. Что можно ожидать от фильма, сценарий которого написан по мотивам чеховской пьесы «Дядя Ваня»? Живая, трагикомическая картина «Разговоры о пустяках» болгарина Владимира Краева для многих оказалась откровением. Режиссер и его творческая группа создали выдающуюся киноверсию русской классики на болгарском материале.

Действие фильма происходит в современной Болгарии, в первые месяцы после вступления страны в Евросоюз. В провинциальном захолустье, где на двести верст в округе нет ни одного младенца (зато есть

огромное кладбище и психиатрическая больница), работает доктор, который покинул благополучную Канаду и вернулся в эту «дыру». Круг его общения — сотрудники местной очистной станции (интеллектуал по прозвищу «Дарвин» и молодая женщина Мария, философ по образованию), а также красавица Хелен, которая когда-то вышла замуж по расчету за пожилого профессора. Оборудование на старой станции часто ломается, и Дарвин, после высоких рассуждений о Хайдеггере, то и дело оказывается «в полном дерьме». Мария давно и безнадёжно любит доктора, а тот страдает по пианистке Хелен, которая поставила крест и на своей карьере, и на своей жизни. Помощник доктора по фельдшерскому пункту всячески подбивает своего начальника «загнать» лекарства — они приходят по линии гуманитарной помощи; и вообще, он не понимает, как можно было уехать из «цивилизованного мира» в эту тмутаракань?!

Такова, в общих чертах, начальная точка отсчета фильма, ну а дальше киноповествование обрастает деталями и подробностями политической и бытовой жизни современной Болгарии. Увы, всё это так напоминает Россию! Потому зрители живо реагировали на картину — просмотр сопровождался смехом и аплодисментами (лента входила в конкурсную программу 18-го Кинофорума «Золотой Витязь», который проходил в Липецке).

Но в чем разница? За весь постперестроечный период в России невозможно вспомнить ни одного фильма, пытающегося честно рассказать о провинции, без чернухи и натурализма. (Разве что эпопея Евгения Матвеева «Любить по-русски» приходит на ум, но и это достояние не реализма, а, скорее, сентиментализма.) А вот Краеву, хоть тот и задействовал такие сильные средства, как психбольница и канализация, это удалось! Жаль, что режиссер снял так мало: это его третий полнометражный фильм после 17-летнего вынужденного простоя — кинопроизводство в Болгарии разрушено, студии проданы американцам, прокатная система разбита...

Краеву удалось совместить в своей ленте разные миры — чеховскую вдумчивость и пронзительность, бытовую и политическую жизнь современной Болгарии, славянскую доброту, юмор. И всё это пребывает в художественном единстве, гармонии, чему немало способствует замечательная, слаженная игра всех без исключения актеров, занятых в фильме. Ничего не бывает случайным: сценарист и оператор картины ещё в советское время учились во ВГИКе, и видимо, хорошо учились, если любовь к русской классике так прочно вошла в их жизнь. После сценарист уехал в Канаду, долго там жил, и всё же вернулся на роди-

ну. Свежие (и очень точные) впечатления от увиденного, несомненно, вошли в картину. Так что болгарский «Дядя Ваня» — не «проект» и не «постмодернизм». Это искусство пережитое, выстраданное. И оно действительно — настоящее.

Чехов — это наше всё, во всяком случае, в кинематографе. Из этого колодца черпают не только отечественные режиссеры (вот и Карен Шахназаров снял свою, достаточно серую версию «Палаты № 6»), но и — что нам весьма приятно — зарубежные мастера. Картина Стефана Арсениевича «Любовь и другие преступления» — дебют молодого сербского режиссера в полнометражном кино. Перед нами драма из современной жизни, где криминальные торговцы жгут в «экономических войнах» друг другу киоски, и где всё, увы, решают деньги — скоро будет построен большой гипермаркет, и эти «разборки», в результате которых гибнет главный герой Станислав, потеряют какой бы то ни было смысл... От Чехова в фильме — неоднозначность и сложнохарактерность героев, а от Пушкина — цитата из «Евгения Онегина», звучащая в картине. Главная героиня, Аница, — учительница русского языка, а влюблённый в неё Станислав когда-то воровал деньги у матери, чтобы заплатить за урок, хотя уже в то время «русский язык был никому не нужен»... Грустный вывод и грустный фильм. А всё же это интереснее, умнее и тоньше наших «Бумеров». Фильм оставляет долгое «послевкусие», он заставляет думать.

Чехов сумел очень точно передать бессмысленность тщеты жизни, драма думающего интеллигента отражена писателем с непревзойдённым мастерством. Фильм талантливого узбекского режиссера Ялкына Туйчиева «Безмолвие» — ещё одна иллюстрация к русской классике в современных восточных интерьерах. Лобар (роль Рано Шодиевой) — известная актриса, с утра до вечера она крутится, как белка в колесе. В театре у неё «Три сестры», в кино — сериал, на телевидении — реклама майонеза... «Освобождённая женщина Востока» полностью погружена в виртуальную реальность, так, что забывает про день рождения своего семилетнего сына. Экран и сцена крадут жизнь актрисы, она уже не может разобрать, где роль, а где её сущность, и потому, играя в сериале женщину, теряющую слух, вдруг находит эту же болезнь и у себя — так «материал» начинает управлять «творцом». Расплата неизбежна: наступает безмолвие (или пустота) бытия, и только смерть матери отчасти возвращает Лобар в реальность — оказывается, что тепло родных рук дороже глянцевой известности.

Но и настоящее искусство — это часто потеря, это нечто эфемерное, за что мы платим жизнью. Искусство — это магия, которая губит и своих

творцов, и тех, кто оказывается рядом... Такова идея французской ленты «Тайна Антуана Ватто», в которой студентка искусствоведческого факультета Люси (прекрасная актерская работа Сильви Тестю!) пытается разгадать смысл живописных работ художника XVIII века. Ей это удаётся, но как ценой! Человек, в которого была влюблена Люси, умирает — возможно, из-за её небрежения. Искусство — это ложно-тревожная цель. Профессор предупреждал Люси — не надо входить в этот мир, он требует непомерной платы, вот и сам он, разгадывая тайну Ватто, потерял жену. Впрочем, бывает и сытое, «благополучное» искусство — его в картине олицетворяет мать Люси, преуспевающая театральная актриса, увлечённая лишь своими поклонниками и деньгами.

* * *

На липецком «Золотом Витязе» состоялся вечер памяти Василия Шукшина. Звучали песни, воспоминания, на экране менялись сцены из кинофильмов. И думалось: есть что-то беззащитно-погибельное в этом путешествии народных художников в царство идей, в высокое искусство. Здесь чувствуют себя спокойно и выживают только те, кто давно оторвался от почвы, ушел, не оглядываясь, от истоков. А почву укрепляет церковь. Православие — идея старая, проверенная.

Наталья Бондарчук в своём фильме «Гоголь. Ближайший» как раз и попыталась найти опору в её канонах. Конечно, 29 млн. рублей, которые выделило Госкино на ленту, потрачены в дело, не зря. Перед нами — старательная иллюстративная работа, очень корректная, без пошлости и вкусовых провалов. Снимать в биографическом жанре сложно, тем более, когда речь идёт о такой гениальной фигуре, как Гоголь. Авторы взяли несколько тем — религиозные искания писателя, его отношения с женщинами, и, конечно же, Украину.

Что получилось? Строго говоря, перед нами правильный государственный фильм, выполненный в лучших «советских» традициях. «Советскость» картины — в ясности, незыблемости идеологии, положенной в основу ленты (речь идёт о православии). Перед нами, по существу, идеально выполненный «госзаказ», который сделан существенно лучше, чем «Тарас Бульба» — в фильме Натальи Бондарчук всё более соразмерено и гармонично.

Видно, что авторы картины провели большую подготовительную работу — много читали, искали интересные факты, пытались соответствовать духу эпохи. Но в Гоголе, как и во всяком великом писателе, есть загадка, которую невозможно постичь одним знанием. Все мы понима-

ем, что хороший, умный критик может так «развинтить» роман или повесть, что разбираемый писатель только ахнет — столько в его творении обнаружится смыслов и идей, о которых он и понятия не имел. Но такое многознание вовсе не показатель того, что этот же критик способен написать хотя бы один хороший рассказ. Образное искусство — самое трудное, здесь нужен особый талант.

Вот и Гоголь в фильме — это не Гоголь, а наши знания о нём. Конечно, многое зависело от исполнителя главной роли. Здесь задача стояла архисложная: чтобы сыграть гения, надо быть либо гениальным притворщиком (Евгений Редько к таковым явно не относится), либо личностью, сопоставимой с писателем (увы...).

Зрителям фильм понравился (самый первый показ состоялся в Липецке). Зал внимал. Да и после сеанса беглый опрос зрителей показал — народ доволен. Школьники сказали, что это здорово, пригодится в учёбе, офисная молодёжь призналась, что давно не видела ничего подобного, а женщины-пенсионерки похвалили создателей за серьезность темы и её решение. Что ж, народ наш, большая его часть, легко поддаётся визуальному управлению, и, вероятно, с помощью госпродукции такого вот свойства людей ещё можно поворотить к красивому и вечному. Да и средний уровень современного отечественного кино настолько низок, что добротное и старательное кино, снятое в рамках традиции, нормы, уже воспринимается зрителями с большим энтузиазмом.

Конечно, госзаказ — это лучше, чем «самовыражение» бессодержательных душ, лучше, чем «стилизация» в фильме «Живи и помни», лучше, чем «обезьянничание» Голливуду, но... Но только это не искусство. Зачем искать истину, если истина — в православии? Создатели фильма «Гоголь. Ближайший» сразу поставили для себя «ограничители», и ни разу не вышли «за околицу».

* * *

Главная тема фильма о Гоголе — это выбор художника между творчеством и религиозностью. Православие склоняет художника к семье, творчество — к одиночеству. В сущности, все наши великие писатели — это глубоко несчастные в семейной жизни люди. Пушкин? А из-за чего дуэль-то была?! Лермонтов, Гоголь — без комментариев. Лев Толстой ушёл из дома. Некрасов, Блок, Маяковский, Бунин — их семейная жизнь с точки зрения православия, да и просто здравого смысла — совершенная патология. Есенин — судорожные попытки обрести личное счастье... Либо ты служишь Богу, и ты — добропорядочный семьянин,

либо ты ищешь истину («а чего её искать, если Бог есть?», — скажут вам церковные деятели), служишь искусству (нет, не своему эго, тебя волнует ни слава или пиар, а дар, талант, который в тебе есть, и который можно «придушить» только вместе с самим художником), и тогда ты — 100 % грешник, погибший человек. Художник, если он честен, всегда «берёт грехи» добропорядочных граждан на себя.

Православие, жизнь по заповедям — это будто бы возвращение вновь и вновь в сад Эдем, а жизнь художника — это ежедневный поход за плодами с Древа познания добра и зла. И, может быть, не по своей воле художник совершает этот путь — он же не просил о своём таланте, он — его жертва, а не хозяин. Но кто же и для чего наделил его этой страстью? Чёрт, бесы? А, может быть, всё-таки Бог?!

Божественная музыка звучала в фильме Карлоса Саура «Фадо». Фильм, в общем-то, «безделица», но на нём лежит печать личности большого мастера. Фадо — португальский музыкальный национальный стиль. На экране зритель видит молодых и старых людей, мужчин и женщин, но главное — лица поющих, наполненные глубоким внутренним содержанием. «Португалия будет бескрайней», — поёт один из мужчин, и да, в это нельзя не верить — с таким искусством страна никогда не будет знать границ!.. «Фадо — это печаль, которую дали мне люди», — объясняет пожилая женщина, и с ней нельзя не согласиться; искусство — это печаль и жизнь...

Одним из гостей «Золотого Витязя» в этом году был знаменитый польский актёр Ян Новицкий, представивший на фестивале ленту «Ещё не вечер», в которой он сыграл главную роль. Фильм — о прошлом и настоящем известных актёров, которые собрались на отдых и «доживание» в пансионат. Когда-то эти «звёзды» были молоды и прекрасны, полны сил и надежд, теперь они беспомощны, как дети. Герой Новицкого стал возмутителем спокойствия — он призывает коллег не «плесневеть», а поставить «Фауста» Гёте...

Пан Ян — человек откровенный. На вопрос, как он оценивает фильм, ответил прямо: «Мне нравится эта картина, я её люблю так, как любят неполноценного, больного ребенка». А дальше последовал его взволнованный монолог:

— Везде царит частное ТВ. Царят сериалы, фигня и вообще чёрти что. И в результате мы понимаем, кто является восходящей звездой в шоу «Танцы на льду». Это сам лёд!

Вы спросите, почему я об этом говорю?! Но, чёрт подери, а о чём же я должен говорить?! Если все деньги, финансы направлены на это. Понятие Актёра с большой буквы уходит в прошлое, а на экране перед

вами царит лахудра, обезьяна. Но почему она должна занимать моё внимание?!

Я не плачу над этой ситуацией. Слёз заслуживает человек, когда его ногу отрезала сенокосилка — это ранит моё сердце. Но мы же видим: экономика развивается, а народ глупеет. Всё делается для того, чтобы человек во время мира был винтиком в отлаженной машине потребления, и пушечным мясом — во время войны. Когда первый поляк погиб в Ираке, все плакали. А сейчас люди мрут, как мухи, и все молчат.

Кино?.. Да, здесь можно заработать деньги, славу, съездить за границу. Но это — бизнес, а не искусство. Посмотрев картину, вы можете на маленьком листочке записать ту идею, которая в неё вложена. А вот на 52 страницах повести Достоевского «Неточка Незванова» — весь мир, с его страданиями и горестями. Потому что литература — настоящее искусство!

Литература — это Бог, душа, это — всё! Полгода назад я в пятый или в шестой раз перечитал «Анну Каренину» и понял, что это абсолютно сатирический роман. У меня были съемки в Венгрии, с собой я взял «Идиота». Читал его в десятый раз, и когда остались две последние страницы, я чуть не заплакал, что кончается эта великолепная история жизни...

...Да, именно на пространствах классической литературы сделаны те великие идейные и образные открытия, которые пытается эксплуатировать кинематограф. Так, вероятно, будет и впредь. Но для тех, кто «управляет народами», главным давно уже является визуальное воздействие, а «важнейшим из искусств» они считают телевизор, наполненный рекламным и медиа— насилием. И он, действительно, остаётся мощнейшим институтом манипуляции, а вовсе не источником добра и просвещения.

* * *

И в этой измененной, искривлённой медиа-реальности, человек всё чаще перестает чувствовать себя хозяином своей судьбы. Он осознает не своё умаление — перед Богом, а свою ничтожность — даже перед самим собой, тем, каким бы он мог быть. И вот уже на помощь ему спешат инженеры и технологи человеческих душ — они знают, как жить! Но зачастую их «ответы» — это очередной зигзаг конъюнктуры, а не поиск истины.

Подтверждение тому — новый фильм Александра Прошкина «Чудо». В основе картины положена легенда о «стоянии Зои». В 1956 году в Куйбышеве (ныне Самара), девушка, не дождавшись на вечеринку друга, взяла икону с ликом Николая Угодника и попыталась пуститься с ней в

пляс. И вдруг Зоя замерла на месте, окаменела. Никакие усилия родных и врачей не могли привести её в чувство — медицинские иглы ломались, когда девушке пытались ввести лекарство. Простояв таким образом до Пасхи (128 дней), девушка очнулась.

Уже в наши дни было совершенно несколько журналистских паломничеств по следам легендарных событий. Репортёры желтых и вполне серьезных газет отправлялись в Самару на поиски сенсации, но чуда не произошло — достоверных фактов о том, что «стояние Зои» существовало в действительности, не обнаружено. Журналисты скрупулезно собрали противоречивые слухи и оставили бытие окаменевшей девушки под большим вопросом. Считается также, что архивные материалы об этом событии (если они существовали), утрачены во время разрушительного пожара в здании самарского УВД в феврале 1999 года.

А вот сам Прошкин в многочисленных интервью говорит о том, что «фильм основан на реальных событиях», ему же вторит сценарист Юрий Арабов, эта же информация была распространена в официальных документах 31-го Московского международного кинофестиваля, где впервые был показан фильм. Разумеется, почти полторы тысячи журналистов, работавших на форуме, не вдаваясь в подробности, стали распространять информацию о «стоянии Зои» как о факте, существовавшем в действительности. Всё это, в совокупности с фильмом, снятым в реалистической традиции, видимо, призвано уверить зрителя, что подобные чудеса возможны, и человеческое тело с явными признаками разложения тканей может «ожить» через четыре месяца!

Но хочется сказать всем, кто участвует в умножении мировоззренческого хаоса: товарищи дорогие, остановитесь! Потому что «а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Евангелие от Матфея, глава 18). Ложью множится не вера, а суеверие и оккультизм. И кто позволил лже-интеллигенции соблазнять «малых сих» и лгать ради своего «самовыражения», вторгаясь в такие тонкие материи, как вера и национальное самосознание?! И ладно, если бы это было добросовестное заблуждение. Нет, ради рейтинга и «посещаемости» нужно непременно соврать, выдать желаемое за действительное. Т. е. главное — не вера, а деньги! И это — наши лучшие кинематографисты, работы которых представляют Россию?! Что же тогда говорить о худших, и до какой же степени нравственного падения докатилась наша культура?!

Теперь о самом фильме. В отличие от «Живи и помни», эту картину можно досмотреть до конца — игра актёров вполне удовлетворительна,

им удается удерживать зрительское внимание, несмотря на все сценарные несуразности (фильм распадается на несколько не связанных друг с другом частей). Но каков же пафос этого произведения? Он незамысловат: все советские люди — сволочи и хамы, от комсомолки-безбожницы Тани до Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущёва. Главная героиня — сначала распутная девица, после воскресения — безумное существо. Журналист центральной газеты, которого партийцы направляют в уральский город Гречанск разоблачить миф про окаменевшую девушку — циник и бабник. Его верующая жена — ханжа и зануда. Православный батюшка — лгун, трус и пьяница; «чудо» под давлением властей он развенчивает в проповеди перед прихожанами. Уполномоченный по делам религии — садист и демон. Хрущёв, посещающий дом с застывшей девушкой, это вообще хохочущий идиот, но зато обладающий почти божественной властью — проблему «стояния» он вмиг «разруливает», чего не удавалась сделать до него даже церковным иерархам. Ну и, разумеется, интерьеры, в которых живут герои, сгодились бы для бомжей; местный завод — это нечто мрачно-гулаговское, лучшая гостиница в городе кишит клопами. Сверхзадача, которую поставили перед собой авторы картины, видимо, такова: зритель должен запомнить раз и навсегда — он жил в быдляцкой стране, и нечего удивляться сегодняшней участи народа — ничего другого дети и внуки «безбожников» не заслуживают.

Таким образом, ложь, положенная в основу фильма, за сто минут экранного времени умножается многократно. Перед нами фильм-фарс, сделанный с абсолютным бессердечием к своим героям. Никакой евангельской любви к «родному пепелищу» и «отческим гробам» в этой картине нет. Есть любование авторов фильма собой, своими «придумками» (например, когда у уполномоченного по делам религии выпадает искусственный глаз и его затаптывают в грязь партийцы, это, оказывается, символизирует «самоуничтожаемость» тоталитарной системы, её «всевидящего ока»!), своей возможностью безжалостно судить других, время, историю. Это, конечно, не художественное произведение, а памфлет с костюмированными героями; политическая публицистика, часто лживая, временами снисходительная, мелкотравчатая по сути, но пыжащаяся нам, убогим, открыть глаза на тоталитаризм. Но вместо правды вышла ложь, мировоззренчески и художественно несостоятельная. Всё не так — без красоты не бывает ни великих трудовых подвигов, ни чудес, ни произведений искусства. «Чуда» не случилось. Эта лента будто бы задержалась по своей ровно-чернушности в середине 90-х. Но в ней появился новый «метод» обличения прошлого — оказывается, все наши беды идут от безбожия! Мысль, что и говорить, глубокая. Но картина от

этого не перестает быть типичным образцом современного фарисейства и конъюнктурщины. Потому, наверное, фильм и получил специальный приз кинофестиваля...

* * *

А всё же великое чудо в нашей недавней истории было. Это победа во Второй мировой. Если проанализировать «расклады» по началу войны, по стремительным территориальным, человеческим и материальным потерям, то совершенно непонятно, как мы могли одолеть такого могучего врага?!.. Разве не чудо, например то, что Краматорский завод начал давать продукцию через 12 дней (!) после прибытия на новое место, из Донецкой области в Новосибирск? А ведь это не производство шпилек и булавок, а предприятие тяжелого машиностроения! И подобные чудеса не единичны — к концу первого полугодия 1942 года в действие вступили 1200 крупных эвакуированных заводов. Из сегодняшней расслабленной эры нам начинает казаться, что только чудо-люди, люди со сверх-возможностями могли так работать, так воевать и так побеждать. Определённо, обычный советский человек, безбожник-комсомолец, безбожник-коммунист, безбожник-пионер на подобное напряжение сил просто неспособен. Значит, не обошлось без вмешательства и помощи из потустороннего мира.

И вот полнометражный анимационный фильм «Первый отряд», в производстве которого приняли участие представители разных стран. Авторы сценария, художники Миша Шприц и Алеша Климов (именно так, детскими именами, они обозначены в титрах), давно живут за рубежом. В Канаде они нашли фирмы, которые профинансировали проект, а в Японии — режиссера Йосихару Асино и студию, где был осуществлён их замысел. Таким образом, перед нами, в некотором смысле, киноискусство будущего — созданное представителями разных стран, народов и культур.

Что же получилось в результате? Оккультное фэнтези на материале Великой Отечественной войны. Фабула такова: в феврале 1942 года советские войска с трудом сдерживают наступление немецких армий в районе озера Селигер. Противник с помощью оккультных техник решает привлечь на свою сторону дух предводителя крестоносцев барона фон Вольфа, погибшего в Ледовом побоище, и жаждущего реванша за перенесенное унижение. Генерал Белов, начальник 6-го отдела военной разведки, противопоставляет этому замыслу работу пионерки Нади. Девочка обладает даром ясновидения и сверх-возможностями. С помощью специальной установки «Спутник» она попадает в загробный мир

и находит там своих друзей-пионеров — Марата, Лёню, Валю и Зину, ранее погибших от рук фашистов. В решающий миг сражения — «момент истины» — бой будет идти не только на материальном уровне — между солдатами двух армий, но и на духовном, невидимом — между захватчиками-крестоносцами и «ангелами»-пионерами. В фильме возникает и фигура православного монаха, спасшего Надю (имя символическое — Надежда) от неминуемой гибели.

Знаменательно, что создатели фильма изо всех сил (что роднит их с авторами «Чуда») стремятся убедить зрителей, что их картина тоже «основана на реальных событиях». На эту задачу работают лжедокументальные врезки с «говорящими головами» — артистами, размышляющими в кадре от лица историков, психологов, участников боев с обеих сторон, разведчиков. Разумеется, взрослому человеку, имеющему минимальный, ещё советский уровень образования, развести правду и вымысел в данном случае не составит труда, но как быть с основной аудиторией этого мультфильма — детьми и подростками?! Поскольку школа дает теперь лишь «вариативные азы» отечественной истории, то не получится ли так, что через несколько лет, обработанное подобной культурной продукцией, наше население будет пребывать в полной уверенности, что победа в Великой Отечественной войне стала возможной лишь благодаря помощи оккультных сил?! А как же подвиг народа? Реальный, трудовой и боевой? И духовный, кстати, тоже, но только не в стиле телепередачи «Битва экстрасенсов».

То, что авторов фильма, Мишу и Алёшу, сомнения подобного рода совершенно не мучили (они долго и целенаправленно шли к осуществлению замысла), наводит на грустные мысли: вовсе не юные наши соотечественники, весьма одарённые и образованные люди, видимо, совершенно лишены такого качества, как социальная зрелость и всё ещё пребывают в глубоком духовном инфантилизме. Потому что желание «славы любой ценой» на таком трагическом материале, как Великая Отечественная война, это, конечно, лучше, чем ложь ради денег, но не намного. Искусство, да еще такое мощное, как кинематограф, работает с подсознанием, и вольно или невольно закладывает смыслы — ложные и подлинные. Неужели задача настоящего художника в том, чтобы «карнавализировать» прошлое, безжалостно играть с ним, «шагать по трупам», и всё это — ради удовлетворения своих мелких амбиций?!

Что же касается художественной стороны фильма, то нужно признать — многое в нем сделано хорошо. Некоторые эпизоды, повествующие о довоенной жизни в СССР, выполнены японскими аниматорами превосходно, это настоящий советский романтизм в лучших его образцах — московские улицы, золотые фонтаны ВДНХ, цирк. В картине нет НКВД, ГУЛАГа, усатого злодея Сталина, авторы ушли от традиционной для нашей интеллигенции задачи — мести прошлому. Но, к сожалению, они ушли слишком далеко и от того, что называется чувством родины и причастностью к ее истории. Показательны в этом смысле размышления Миши: «Пионеры-герои — это такие тотемы, божки... Языческое сознание целостностью не отличается. Эти божки могут исходить из какого-то своего добра, и в результате в их системе сдать папу — подвиг, а не предательство...» Миша и Алёша полны грандиозных планов: «переписать», используя «оккультное пространство», историю Великой Отечественной. «Сдать папу» (деды обоих авторов участвовали в войне) для них не предательство, а творческая задача.

* * *

Любопытно, что если авторы «Чуда» и «Первого отряда» всячески пытаются убедить зрителя в достоверности иррационального, происходящего на экране, то Кира Муратова в фильме «Мелодия для шарманки» делает всё, чтобы подчеркнуть условность своей картины. Сам её творческий метод — несколько манерная, «ненатуральная» игра актёров, диалоги-декламации, затянутые сцены, «странности» эпизодических героев — казалось бы, должны показать искусственность и нереалистичность создаваемого на экране мира. Но чем дальше развивается действие, тем сильнее тот ужас узнавания, который охватывает зрителя: эта, казалось бы, весьма вычурная картина — очень корректно высказанная, но беспощадно честная правда о нашем времени. Не о социалистическом тоталитарном прошлом, попинать которое ныне считается высшим шиком для лже-интеллигенции, а о том кошмарном капиталистическом «рае», который был выстроен на пространстве бывшего СССР, где потерян самый главный человеческий инстинкт — инстинкт живой и нравственной жизни.

В сущности, это очень простой рассказ о двух маленьких сиротах, сводных сестре и брате, которые убегают из детского дома в поисках своих отцов. В горестном путешествии среди нынешних «мёртвых душ» (дети побывали на крупном вокзале, в казино, в супермаркете) маленькие странники оказываются совершенно беззащитными. Лишенные отцов, они обречены на гибель (Никита замерзает от голода и холода). Дети — единственные по-настоящему живые и взрослые сущности в этом безумном мире, цель их проста и благородна — найти родных людей. Взрослые же (из разных социальных слоев) воспринимают мир как игру, и отдают эту занятию всё своё время и силы. Женщина-игроманка

на вокзале так увлечена «однорукими бандитами», что не замечает, как у неё уводят чемодан. Взрослые мужчины в компьютерном зале сидят с совершенно выключенными лицами, в то время как в реальности их дети скитаются в поисках простого человеческого внимания. Богач из лимузина, направляющийся в казино, обещает сироте назвать её именем яхту, тогда как для несчастной девочки вопрос жизни и смерти — это кусок хлеба... «Я этот фильм всей нашей так называемой богеме и власть предержащим в воспитательных целях показывала, может, малость прозрели бы», — заметила после просмотра одна из зрительниц.

Атеистка Муратова оказалась честнее многих лже-верующих. Она сняла потрясающей силы гуманистическую, христианскую картину. Режиссер с диссидентской биографией приводит пронзительные и неоспоримые аргументы в пользу ушедшей «безбожной» эпохи — в фильме звучит божественный голос Анны Герман, её «Колыбельная». А что же сегодня, когда религиозность для многих стала модой (действие фильма происходит на Рождество), каково отношение общества к детям?! Для нового времени — песня Земфиры «Господа», которая трижды «прокручивается» в картине: «Господа, маски сброшены, карты разложены, получаем, кому что положено». На смену мелодичности прошлого пришли композиции-причитания, похоронные песнопения, свойственные эпохе утраченных смыслов.

Это совершенно беспощадный фильм, и всё-таки он наполнен любовью к людям. Режиссер не пытается внушить зрителю, что «Бог умер» и потому всякое сопротивление бесполезно. Автор пытается «встряхнуть» современников, пробудить в них волю к жизни.

«Мелодия для шарманки» — это явление искусства, гениальное произведение, но ещё это и портрет времени, в котором нет никаких «перекосов» в сторону обличения. Это картина о том, как «по причине умножения беззакония во многих охладеет любовь». А ещё о том, что главное чудо на свете — это человеческая жизнь, и прожить её художнику надо так, чтобы не было бы потом мучительно стыдно за сделанное и несделанное. Совесть и честность — главные качества, которые служат умножению веры, любви и надежды.

Мы живём в эпоху, когда идеи — сильней поступков. Техника — сильнее природы. Мёртвое — сильнее живого. Многие из нас очарованы этой мёртвой жизнью, и послушно шагают за победителем, поскольку человек — слаб. Что же нам остается? Вера и действие, как единственные источники живой, природной жизни, как противостояние против мертвечины. Думающий и действующий — победит.

август 2009

Музыка как судьба

Музыка — это моя непрожитая жизнь. В жалкой совхозной квартирке, где за стенкой буйствовала пьяная соседка с сожителем, могла ли я помыслить, что буду смотреть на высокие своды Большого Зала Московской консерватории, грезить об идеальных мирах?! В раю, если он есть, точно будет звучать музыка, совершенная, музыка горних сфер. Музыка — голос души, возвышенной и чистой, явленной этому несовершенному миру.

Годы изнурительной учёбы, самодисциплины — для чего?! Чтобы однажды выйти на прославленную сцену — и «заворожить». Я смотрела на молодого пианиста, он не создавал музыку, он её выражал, она звучала через него, как будто он сам был роялем; рояль был звучащий, и точно выражал капризы, фантазии и даже «болезни» авторов. Равель был сложен, намеренно сумасброден, он мучил пианистов собранием трудных и порой бессмысленных пассажей. Молодой пианист добросовестно играл, выражая через музыку его суть. Высокий, изящный юноша, живущий в ином, нездешнем мире. Грязь и скверна шли мимо — они для обычных людей, выбравших себе обыденную и грязную жизнь.

Музыка была (и остаётся) мечтой, недостижимым и непостижимым идеалом...

* * *

Главным музыкальным событием советской оттепели стал Первый Международный конкурс пианистов и скрипачей им. П.И. Чайковского, состоявшийся в Москве в марте-апреле 1958 года. Американский пианист Ван Клиберн («Ваня», как его называли русские поклонницы) стал любимцем публики. Его засыпали цветами, а одна восторженная почитательница даже подарила ему балалайку — на память о России.

Летом 2011 года Ван Клиберн снова приехал в Москву — теперь уже в качестве почетного председателя жюри XIV Международного конкурса имени П.И. Чайковского. Овациями встретили музыканта в обновленном (после ремонта и реставрации) Большом зале Московской консерватории. Прославленный пианист не остался в долгу: «Почти два столетия русская музыкальная культура блещет именами выдающихся композиторов и исполнителей. То, что за эти двести лет из России выш-

ли музыканты, которых знают и любят во всем мире, это просто невероятно! До конца жизни я буду любить Россию!»

Конкурс Чайковского долгое время был одним из наиболее масштабных и значимых в мире музыкальных событий, своего рода «олимпиадой», во многом определявшей направление развития исполнительского искусства. «То, о чем мечтал Сталин, — распространить влияние нашей страны на весь мир — удалось музыкантам, — говорил пианист Владимир Крайнев, победитель IV конкурса. — В Америке ли, в Азии ли, лучшие педагоги — выходцы из России или их ученики. Весь мир заполнила русско-советская исполнительская школа».

Да, это исторический факт — в «тоталитарном» СССР, особенно во времена «застоя», музы были под надежным покровительством государства, а таланты получали возможность самореализации. Правда, и спрашивали с них строго. Скрипач Владимир Спиваков (IV конкурс, вторая премия) вспоминает: «Нас, помню, так накачивали, что у всех колени дрожали: государство потратило огромные деньги, вы обязаны получить первую, в крайнем случае вторую премию!»

Это только кажется, что классическая музыка вне идеологии — после распада СССР конкурс Чайковского стал стремительно терять свой авторитет. Страна, «потерявшая лицо», торопливо отвергала прежние ценности — не только мировоззренческие, но и культурные. Профессия музыканта уже не в почете. В самом деле, годы и годы кропотливого, адского труда, и все для чего?! Аудитория, посещающая консерватории, музеи и театры, являет миру цивилизованный и культурный вид страны. Но обнищавшей и маргинализованной трудовой интеллигенции в годы перемен было не до классической музыки, а новорусские богачи в массе своей — вовсе не выпускники музыкальных школ. Конкурс Чайковского в пору дележки общенародной собственности оказался на периферии государственных забот, и тотчас вокруг него стали вспыхивать коррупционные скандалы. Подозрения в необъективности судейства привели к тому, что талантливые исполнители все чаще стали выбирать другие музыкальные состязания.

Потерять доброе имя — легко. А вернуть?! За дело взялся Валерий Гергиев. Задача — поднять престиж конкурса — казалась практически нерешаемой, да это и невозможно сделать за короткое время. Знаменитый дирижер принял «жесткие управленческие решения»:

а) для объективности судейства пригласил в жюри звезд исполнительского искусства;

б) поднял значимость призов — победители конкурса получат ангажемент на ближайшие три года, они выступят вместе с ведущими музыкальными коллективами мира — Лондонским симфоническим оркестром, Симфоническим оркестром имени Верди, оркестром Мариинского театра и др.;

в) пригласил нового генерального менеджера конкурса американца Ричарда Родзинского («потому что наши все разворуют», — грустно комментировали в консерваторских кулуарах это решение журналисты);

г) одобрил принципиально иную систему голосования жюри, где для выведения окончательного результата применяется математическая формула.

Еще одно сенсационное нововведение: конкурс впервые проводился в двух городах — в Москве (здесь слушали пианистов и виолончелистов) и Санкт-Петербурге (в городе на Неве состязались скрипачи и вокалисты). Кроме того, миллионы любителей музыки следили за выступлениями своих любимых исполнителей по Интернету — были организованы прямые трансляции всех выступлений и репетиций. Правда, не обходилось без технических сбоев, но и сейчас у «болельщиков» есть возможность познакомиться с архивом записей, выложенных на официальном сайте конкурса. И вот, с державного благословения — с государственного гимна и нескольких концертных номеров в исполнении лауреатов прошлых лет начался этот феерический музыкальный марафон, длившийся почти три недели.

* * *

Звёзды рождаются из потока хаоса на наших глазах. Вот китаец Чэнь, который словно извлекает музыку из воздуха, «лепит» руками пространство; он с сильной волей, железными нервами, весь в чёрном, музыка покоряется ему — точному и дисциплинированному. Кажется, что его техника, заработанная тяжким трудом, безупречна.

А вот белорус Артём, нервный, с большим запасом глубины, сомневающийся, увлекающийся, самоуглублённый, который до конца так и не будет никогда никем понят, даже им самим.

Есть хорошие, грамотные пианисты (Громов), но почему-то звуки их музыки не чаруют. Есть что-то отталкивающее (не внешне, а в самом «теле» этой музыки), нечто усыпляюще-холодно-отстранённое. Это удивительно! Как это: играешь то же самое, и вдруг получается всё совершенно иное. Тревожно-раздражающее, не окрашенное любовью. Жёсткое, неинтересное, лишённое очарования. Модернист?

Музыканты — горние создания, которые общаются с ангелами. Не случайно БЗК называют «храмом музыки».

Великолепный храм музыки с нежно-оливковыми стенами, густой лепниной — растительный орнамент, ленты, трубы; светильники со скрещенными же лентами и трубами; внимательно-ободряющий взгляд Чайковского — портрет висит поверх органа; пять чёрных роялей — пять китов, закрытые ставни вверху, они прикрывают окна, так что свет внутри искусственный.

Всё дышит бессмертием в этом храме музыки — счастливо уловленные звуки гармонии, портреты композиторов в медальонах, витраж, восстановленный по эскизам — цветной, мармеладно-наивный, взамен того, утраченного во время бомбёжек в войну.

Музыканты тонки, изящны, каждая клетка их тела напитана музыкой, и словно чуть дрожит, резонируя со звуками рояля.

Настоящие музыканты «выражают» музыку — словно бы благодаря им она открывается, прежде скрытая, спрятанная.

Музыка — в чём-то самый трудный вид искусства, без помощи цвета, слова, одними звуками нарисовать образ... Сначала шло слово, потом живопись, потом музыка... Так люди поднимались до рая.

Музыка рождает что-то космически-бесконечное, и всё это — Бетховен в исполнении корейского мальчика Чо. Неужели эти грешные люди летают, и там, на высоте, приобщаются к этой божественной музыке?! Маленький царь музыки из Кореи.

За тот день, когда мы послушали Даниила Трифонова (в фойе), девушку Сон (она была прекрасна), потом виолончелиста-итальянца, пианиста Чернова и юного швейцарца Пуазе (та-та-та... «Кампанелла» Листа, всё время звучит), показалось, что прошла целая жизнь, целая эпоха. Музыка открывает волшебные двери в неведомые миры. Дворцы для европейских монархов, королевские своды слышали эту музыку. А теперь любой может войти в этот величественный храм. Странно, что желающих (аристократов духа) находится немного во все времена.

На концертах Моцарта окна вверху были распахнуты, и, кажется, будто музыка летела вверх, к небесам.

Пианистка Сара похожа на прядильщицу, которая ткёт из музыкальных нитей ткань, невидимую, эфирную ткань музыки.

С лёгким прищуром Чайковский смотрел куда-то вдаль — сквозь века и стены этого замечательного, классически-торжественного зала.

* * *

Чем ближе финал, тем выше градус торжественной нервозности, больше прессы; неприступней и надменней билетёры, больше медийных лиц среди публики, строже охрана, уже и сенсации обозначились: в кулуарах рассказывают, как алчные журналисты продавали свои пригласительные за 2,5 тыс. рублей пенсионерам...

На длинной мачте с балкона плавает телекамера, снимающая возбуждённую публику; в зале больше иностранцев, и не всегда это англичане или немцы, много корейцев — аккуратно одетых, невысоких; уже и Денис Мацуев работает в жюри (публика на галёрке его не любит, считает конъюнктурщиком и бранит за дорогие билеты); из зала раздаются крики: «Лубянцев! Лубянцев!», у одних эти крики вызывают аплодисменты и энтузиазм, у других — недовольный гул.

Большой оркестр уже вышел, нестройный гул настраиваемых инструментов.

За дни прослушиваний зал будто уменьшился в размерах.

Удивительна страстность музыки Чайковского. Поистине, этому человеку было что сказать, и кажется, будто силы его неиссякаемы, безграничны.

Музыка Чайковского — нежная, добрая без жестокости, сильная без «грома» и громыхания.

Чернов играл Чайковского с большой, если так можно сказать, эротической силой; музыка Чайковского, не являясь мужественной, очень чувственна в хорошем смысле этого слова. Трифонов играл Чайковского (1-й концерт) романтично, больше по-юношески, с большой эмоцией, красками, и, кажется, всё-таки лучше. Музыка его была живая и целомудренная, музыка Чернова — страстная и по-мужски чувственная... Кто был лучше? Не знаю.

Лак дорогих виолончелей, скрипок. Дирижёр чуть танцует, руки его играют.

* * *

А завершился конкурс не только награждением победителей и гала-концертами в Москве и Санкт-Петербурге, но и письмом к ... Владимиру Путину. Это послание в Интернете составили представители музыкальной общественности, разочарованные решением жюри в конкурсе пианистов. Впрочем, право Даниила Трифонова на первую премию и золотую медаль в письме не оспаривается — молодой музыкант заслуженно получил свою награду.

Трифонов родился в Нижнем Новгороде, родители его живут в Подмосковье, а сам он фактически американец — большую часть времени Даниил проводит в Кливленде, где учится в Институте музыки в

классе Сергея Бабаяна. Две трети наших выдающихся педагогов после развала СССР покинули страну и теперь «поднимают культуру» в США, Великобритании, Германии, Италии, Испании — везде, только не дома. Обеднение громадное — вслед за педагогами тянутся и талантливые ученики. Музыкальное образование в России находится в плачевном состоянии — и это, увы, свершившийся факт. Вот и прославленный скрипач Виктор Третьяков (III конкурс, первая премия) ныне — профессор Кельнской высшей школы музыки. Он утверждает, что «русская скрипичная школа лучшая, но она уже не в России». Ему вторит профессор Венской консерватории Борис Кушнир: «То, что все меньше и меньше появляется исполнителей мирового класса из России — прямой результат разрушения системы образования. И общий уровень конкурса им. Чайковского по сравнению с советскими временами очень изменился».

Зато выдающихся успехов на музыкальном поприще добиваются представители Южной Кореи. На XIV конкурсе им. Чайковского они завоевали пять призовых мест! Ничего удивительного в этом нет — в Корее, Японии, Китае уделяют огромное внимание классическому искусству. Знать и любить музыку там почетно и престижно. В том числе и в денежном выражении. Преподаватель музыки из Омска рассказывает в Интернете о своей жизни в Корее, где она работает по контракту, обучая юных пианистов. За год женщина заработала на квартиру, за второй — на рояль, за третий — на автомобиль: «Теперь могу и домой возвращаться!». В родном городе ее зарплата на двух работах (в вузе и колледже вместе) составляла 11 тысяч рублей...

В общем, несмотря на все усилия Валерия Гергиева и его команды, наш главный музыкальный турнир пока далек от своей славы 50-летней давности. Разрушения, произведенные в ценностной ориентации общества, невозможно устранить так же быстро, как отремонтировать Большой зал консерватории. Вот почему к нам пока не спешат ехать восходящие звезды из Европы — особая аура «загадочной России», где жил и творил Петр Чайковский, кажется навсегда утраченной... Потому европейцы предпочитают музыкальные конкурсы с более надежной репутацией.

Настоящая проблема конкурса им. Чайковского, конечно, в другом: нужны ли России сегодня таланты и «профи»? Звезды исполнительского искусства, выдающиеся педагоги, одаренные дети? В советское время ответ на этот вопрос был однозначным — «да». Что касается дня сегодняшнего, то здесь мы можем видеть гигантский разрыв между официальными декларациями и реальным положением дел. И потому громадным

утешением стала игра на конкурсе молодых исполнителей. Они верят в красоту и в победительную силу правды, и потому за этими вдохновенными тружениками — будущее...

* * *

И на прощанье.

Изысканное, дорогое кафе «Чайковский» с белыми скатертями, длинными бокалами, ухоженными, изящными женщинами. А на выходе, в углу с застарелыми разводами — бомж с картонкой — «подайте на хлеб». Сам виноват?!

Безалаберно-огромная, богатая и равнодушная Москва...

июль 2011

Тоска по идеалу

Грустное зрелище открывается взору человека, вздумавшего насладиться искусством и посетить главный праздник кино в нашей стране — Московский международный кинофестиваль. Плебейством и «свинцовыми мерзостями жизни» веет от двух конкурсных программ. То, что здесь нет шедевров, ещё как-то можно объяснить — признанные режиссеры не спешат привезти свои творения в Москву, поскольку наш фестиваль отличается вопиющей несправедливостью в выборе победителей, отмечая своими призами в нечётные годы слабые и крайне тенденциозные картины антисоветского содержания. Зритель так и не полюбил российские фильмы, удостоенные «Золотого Георгия» — «Петя по дороге в царствие небесное» (2009), «Путешествие с домашними животными» (2007), «Космос как предчувствие» (2005), несмотря на многочисленные аллилуйя критики и хороший прокат.

Но в этом году московский кинофестиваль ухитрился превзойти свои прежние достижения по насаждению анти-культуры и дурного вкуса. Слово Кириллу Разлогову (говорящая фамилия!), программному директору форума: «У нас будет показан французский фильм, отвергнутый Каннским кинофестивалем как слишком шокирующий своей эротикой... Второй пример — южнокорейская картина. Я увидел ее на фестивале в Пусане, там она ошеломила всех своими мазохистскими сценами». Программный директор также осчастливил российского зрителя фильмом, где «признание сына благородного семейства в гомосексуализме взывает ритуал семейной трапезы», и лентой, в которой «юная лесбиянка и транссексуал встретились в мире шоу-бизнеса». Добавим к этому немецкий фильм из конкурса «Перспективы», о котором журналисты выразились недвусмысленно: «Порно на ММКФ». На экране режиссер, она же исполнительница главной роли, занимается самоудовлетворением, иногда отвлекаясь на съемки порнографической картины...

Похоже, тем же самоудовлетворением занимается и К. Разлогов, собирая по всему миру «социологические киноотбросы» и свозя их за государственные деньги в Москву. Если бы это был частный фестиваль конкретного лица без бюджетной поддержки, то не стоило бы и говорить о его «культурных достижениях». Поощрение на государственном уровне непристойных низкохудожественных лент есть ещё один акт самоубийственной культурной политики, которую мы наблюдаем уж не

первый год, и этому нет никакого мировоззренческого оправдания. Зато есть объяснение: равнодушие (или безграмотность) наших чиновников, которые возвышают подобных «экспертов». (Тот же К. Разлогов — директор Российского института культурологи, ведущий на телеканале «Культура» и т.д.).

Появление «клубнички» / «клюквы» на кинофестивале имеет и идеологическое обоснование. Слово программному директору: «Итальянская и китайская кухни наряду с «Макдоналдсом» стали важнейшими механизмами глобализации почти в той же мере, в какой фундаменталистские пристрастия мусульманского Востока к сокрытию женского тела, а христианского Запада к его демонстрации могут считаться механизмами нового глобального цивилизационного конфликта, пришедшего на смену дуэли социализма и капитализма». Славно! Сколько подмен в одном предложении — начиная с того, что христианский Запад никогда не стремился обнажить женщину (это делали атеисты и язычники) и заканчивая тем, что социалистический СССР, выступая за равноправие полов, вовсе не приветствовал сексуальную разнузданность. Что же касается дуэли между социализмом и капитализмом, то и здесь лукавство: нынешний кинофестиваль стал «тематическим» — пять конкурсных фильмов повествовали о том, как «угнетал» СССР страны соцлагеря, и как душились «свободы» в Польше, Германии, Венгрии, Чехословакии и Болгарии. Гитлер забыт, фашизм даже не вспоминается, Европа изнемогает под сапогом советского солдата... Вот вам и празднование 65-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне! Прямо-таки парад «победителей» — весьма посредственные фильмы из Польши и Чехии отмечены серебряными призами кинофестиваля.

Но не надо думать, будто для кинематографа стран Восточной Европы тема обличения СССР — главная. Наоборот, судя по низкому качеству представленных «антитоталитарных» фильмов (выбивается из этого ряда лишь картина «Последний Донос на Анну» венгерского режиссера Марты Мессарош), тенденциозность была одной из целей отборщиков московского кинофестиваля. Что и подтверждает К. Разлогов: «Эта линия была задана на политическом уровне, когда началось обсуждение вопросов, связанных с Катынью... И нам показалось, что пришла пора рассчитаться с прошлым».

Таким образом, «дуэль социализма и капитализма» продолжается — новый зритель, выросший в постсоветской России, должен усвоить «комплекс вины» за прошлое своей страны и приобщиться к «высшим ценностям», таким, как поощрение режиссеров, снимающих порнографические ленты и идеологические поделки. «Цивилизационный кон-

фликт» в такой ситуации неизбежен — здоровые силы всё равно победят, чему и учит нас история. Другое дело, что вопрос: будет ли русский народ в числе победителей? — пока остаётся открытым...

* * *

Ну а теперь поговорим о других, менее заметных, но по-своему показательных фильмах кинофестиваля. Нас, разумеется, интересует в первую очередь отечественное кинопроизводство. Картина Олега Фесенко «Красный снег. Сага о хантах Югры» повествует о восстаниях местного населения в Остяко-Вогульском национальном округе РСФСР в 1931-1934 гг. Фильм сделан с явной симпатией к коренным народам и их обычаям, зато многие русские в картине, особенно руководящие работники и сотрудники ОГПУ — пьяницы, садисты и развратники, затуманенные коммунистической идеей.

Спорный идеологический посыл плачевно сказался на художественной стороне ленты. Перед зрителем предстаёт собрание штампов и банальных диалогов («Мне пленный для отчета нужен», «Советскую власть на эту сучку променял?»). В результате на экране типичное «современное кино» — с претензией на открытие новых смыслов («пришла пора рассчитаться с прошлым») и с отсутствием творческого и мировоззренческого права быть судиёй времени, о котором у режиссера и актёров, похоже, самое туманное представление. Потому что если советская власть, разрушая традиционный быт северных народов, давала им что-то взамен — медицину, письменность и образование, а богатства Югры тогда шли на благо всего государства, то ради чего опустошаются сегодня природные кладовые и уничтожается тундра? Чтобы очередной олигарх купил новую яхту или футбольный клуб?!..

Ещё один «региональный заказ» выполнил режиссер Юрий Фетинг. Картина «Бибинур» сделана эстетически красиво: черно-белые кадры сменяются приглушенными цветными, почти документальная точность передачи бытия татарской деревни сочетается с фантастической сценой падающего в разгар лета снега... Этот фильм, профинансированный Минкультуры и правительством Татарстана, рассказывает о мусульманке, которой приснился вещий сон о том, что жизнь её закончится в ближайшую пятницу. Бабушка Бибинур вспоминает советское прошлое, которое не всегда было радостным, и всматривается в тревожную современность: в деревню приезжают криминальные бизнесмены; они собираются перепродать землю, где находится старое кладбище. Тихая праведница вразумляет одного из них, Джихангира, и он, «безродный

космополит», давно живущий за границей, вдруг узнаёт о том, что его предки родились в деревне, служили в местной мечети. Бизнесмен идёт против компаньонов и отказывается от сделки, в отместку криминальные авторитеты готовят ему расправу. Бибинур смогла помешать наёмному убийце, но погибла сама...

Центральная идея фильма — тоска по разрушенной вере, и потому старик, один из героев картины, собирает по округе камни, из которых когда-то была построена мечеть. Вера прекрасна, утверждают создатели кино, и мальчик с чудесным голосом созывает сельчан на молитву, но его звонкий призыв перебивается хаосом телевизионных голосов — в каждом доме есть «ящик», который учит людей служить обыденной тщете, например, стремиться к участию в «Минуте славы»...

В этих разных по своему художественному уровню лентах можно увидеть и появление «регионального кино», и мечты о национальном возрождении, и тоску по старым, досоветским временам, когда, как это видится заказчикам фильмов, «всё было лучше, чем сейчас». Вопрос спорный, особенно применительно к исламу. Немецкая картина «Чужая» режиссера Фео Аладаг повествует о судьбе молодой женщины Умай, которая решает оставить своего деспотичного мужа в Стамбуле и вернуться с ребенком к родителям в Германию. Взаимопонимания она не находит — турецкая диаспора свято чтит обычаи, и считает, что сын должен остаться у отца. В ход идут уговоры, принуждение, бойкот со стороны семьи, а когда эти меры не помогают, то «позор рода» смывается кровью... Ислам — это не только «возвышенное положение женщины» (о чём любят рассуждать наши новообращённые ученые дамы на Северном Кавказе), но и жесткие ограничения повседневной жизни. Особенно для женщин из бедных и малообразованных слоёв общества, где религиозные нормы причудливо переплетаются с местными обычаями. Этой весной в той же Турции отец заживо закопал в огороде свою 16-летнюю дочь за то, что она позволила себе лишние разговоры с ребятами-сверстниками.

И всё же для человека, не утратившего своей духовной природы, жизнь без веры — противоестественна. И «религиозный вопрос» в советское время слабо был востребован не только потому, что власть не благоволила культам. Повседневная вера существовала, пусть даже это был режим «ближней перспективы» — вера в установление на Земле справедливого мироустройства, вера в человека, хозяина своей страны, вера в ближайшее будущее, в то, что государство не оставит в трудную минуту — поможет морально и материально. Вера без дел и обязанностей мертва — взамен гражданин страны вкладывал свой труд и силы в построение общегосударственного дома. Эта идея лежит в основе карти-

ны северокорейского режиссера Чан Кил Хёна «Дневник военнослужащей». По форме и сути — перед нами наивное пропагандистское кино, призывающее девушек хорошо нести воинскую службу, любить родину, не роптать на трудности и слушаться мудрых командиров.

Казалось бы, что может получиться из такой топорной «творческой задачи»? Но приведём отзыв одного из молодых зрителей: «Мне понравился «мир» этого фильма, где всё просто, где есть понимающий, но строгий командир, где есть враг. После фильма осознаешь, что существует не только личное, есть Родина и любовь к ней — связующее всей твоей жизни, перед чем меркнут невзгоды и проблемы... Захотелось поехать в КНДР после фильма или вступить в КПРФ... Это был другой фильм из другой страны, в нём не было айфонов, проблем менеджеров, кризисов среднего возраста, нищеты и богатства».

Мы, конечно, не будем идеализировать жизнь в КНДР, но нельзя не заметить, что зрители, да и заказчики «регионального кино», интуитивно ищут защиты в современном мире от житейской грязи и пошлости, от торгашеского глобализма, где холится и лелеется лишь то, что находится ниже пояса. Что же нужно нормальному человеку для счастья? Вера, жизнь в согласии с природой и социальная справедливость — в этом, кажется, сходятся и ханты с шаманами, и татары с имамами, и корейцы с их глубоко почитаемым руководителем. А что думают по этому русские?

* * *

Фильм Юрия Шиллера «Воробей» представлял Россию в основном конкурсе и не снискал никаких лавров — критика его дружно обругала за неумелость и наивность. Сюжет картины прост: в сибирской деревне Васильевка председатель колхоза, отставной военный, решает сдать табун лошадей на мясо, чтобы расплатиться с кредитами. Жители ропщут, но перед угрозой грядущего безденежья отступают. И тогда сын пастуха, школьник Митя Воробьёв, с охотничьем ружьем наперевес останавливает машину, везущую лошадей на бойню. На этом фильм заканчивается, а Васильевка со своими проблемами, куда «капитализм завезли после энцефалитного клеща и колорадского жука» остаётся.

Кино это, несмотря на некоторые его художественные несовершенства (затянутость действия в первой части картины и нарочитость нескольких сцен), следовало бы показывать по нашему телевидению вместо «правительственных концертов» и прочих агиток за «великую Россию». Потому что после целой галереи стукачей, гэбистов, доносчиков, диссидентов и людей «перекати-поля», представших на экранах кинофестиваля, вдруг возникает картина «русского рая» — ширь лугов, дремучесть лесов, неспешность течения чистой реки. И народ здесь живёт, занятый не только насущными потребностями, но и глобальными вопросами. Такими, например: кто возник раньше, Вселенная или Бог? Зачем учёным нужен андронный коллайдер? Каким будет конец света?

Об этом размышляет мальчик Митя, и нельзя не позавидовать его детству: у него есть сильный отец и ласковая мать, старший брат и добрый дедушка. У него есть лодка и река, лес и чистый воздух, домашняя живность во дворе и школа на соседней улице. У него есть родной дом, и поэтому Митя считает, что вправе защищать его с оружием в руках.

Народ — ребёнок, но если чужая власть (председатель — человек приезжий) доведёт его до предела, он, пожалуй, и за оружие возьмётся — такова нехитрая идея этой картины. Народ по-прежнему взыскует веры — не на словах, а на деле (когда сельчане говорят председателю: «креста на тебе нет», — он расстегивает рубашку и показывает нательный крестик). Народ жаждет справедливости: «Мы работаем, как прежде, растим хлеб, и хотим получать деньги за свой труд». Эти элементарные истины доносит до зрителя Ю. Шиллер, известный документалист, который в 67 лет снял свою первую художественную ленту о том, что героем в современной России может быть только ребенок — юношество и среднее поколение на поступок не способны, они послушно смиряются с «обстоятельствами»... Грустный и беспощадный диагноз людям «среднего возраста». Везде — в творчестве, в политике, в экономике.

Фильм Ю. Шиллера дарит нам очень осторожный оптимизм — впервые за последние 20 лет на наших экранах появился достоверный образ русской деревни. Впервые образ наших тружеников и кормильцев воссоздан с благоговейной бережностью и любовью. Если фильм выйдет в прокат, сила этой любви многократно умножится. Как, впрочем, и сила неприятия тех, для которых главное содержание жизни не в вере, а в сиюминутном, не в красоте, а в деньгах, не в справедливости, а в личной выгоде.

Кого же у нас больше? «Дуэль», как мы видим, продолжается, и она по-прежнему находится в сфере вечных категорий — добра и зла. Искусство делает это противостояние более наглядным. Никогда в России (да и в любой другой общности) не будет социального мира в сфере ценностей, потому что «толератность» к безобразному возможна только у духовно-мертвых людей или у сознательных врагов «этой страны». Что же касается экономического уклада — социализма или капитализма — то никакой культурный госзаказ «сверху» или «сбоку» никогда не убьёт

у думающих людей стремления к справедливости. Вот почему личность пытаются «расчеловечить» — переключить её внимание с мировоззренческих проблем на работу гениталий. Всё это не ново, и в России с особенной ажиотацией навязывалось в 90-е годы. Теперь, похоже, мы двинулись по второму кругу.

июль 2010

Сергей Есенин и современность

1. Честь таланта

Литература — дело живое. Много в России талантов, много даровитых людей. Но представим себе на секунду, что нет у нас Есенина, не родился он, не вырос, не написал своих стихов и поэм, и как сразу бедна становится наша жизнь! Раньше, чем к Храму, мы вернулись к Есенину, за его стихи люди шли в сталинские лагеря, его золотым словом согревались в суровые годы войны, есенинская мелодика стиха не давала в годы застоя совсем уж оглохнуть русскому уху от «громкой поэзии»... Есенин, как никто из поэтов до него, выразил в слове тайну русской души. Конечно, сердце любого русского встрепенется, когда мы читаем строки из стихотворения Ивана Никитина «Русь»:

Это ты моя,
Русь державная,
Моя родина,
Православная!

Но еще Василий Розанов, говорил, что «счастливую и великую родину любить не велика вещь». А Сергей Есенин научил нас любить Русь будничную, обыденную, но все равно прекрасную, она даже ныне, униженная и обобранная, все равно великая. Потому что:

Зреет час преображенья,
Он сойдет, наш светлый гость,
Из распятого терпенья
Вынут выржавленный гвоздь.

Стихи Сергея Есенина спасли многих людей, дали их судьбам большой национальный смысл, потому что слова поэта врачуют нас своей красотой. Есенин — камертон русской души. А душа народа — живая, и сколько бы ее не «перенастраивали» на свой лад нынешние хозяева литературного дела в России, она отзовется только на зов родного слова. Ребенок, которому в детстве читали Пушкина, Лермонтова, Есенина

уже никогда не будет денационализирован. Даже если в юности и молодости ему потом придется пройти через космополитические «магнитные бури». Подтверждение тому — поэтическая судьба Станислава Куняева. В одной из первых его поэтических книжек — «Звено», вышедшей в 1962 году и отредактированной Борисом Слуцким, читаем:

Добро должно быть с кулаками,
Добро суровым быть должно,
Чтобы летела шерсть клоками
Со всех, кто лезет на добро.

Броско, задиристо, но чугунно. А вот еще из той же книги:

Лечусь и ультрафиолечусь.
Ем фрукты. Пью «Ессентуки».
Мне солнце обжигает плечи
и укрепляет позвонки.
Пусть ноги ходят по природе,
пусть мышцы обретают вес.
Я чувствую, что происходит
во мне сплошной обмен веществ.
Я оставляю свою хворость,
Расстройства всяческих систем.
Взамен я обретаю бодрость,
Беру спокойствие взамен.
Я рад отличному питанью,
разумному режиму дня.
Душа, готовься к испытаньям —
их мало было у меня.

Что и говорить, есенинская тревога, есенинская подвижность чувства, есенинская трагичность понимания мироустройства и человеческой жизни «я теперь скупее стал в желаньях, жизнь моя? иль ты приснилась мне?» не затронула тогда душу молодого поэта. В самоощущении лирического героя — много здоровой тупой силы и мало смысла, вернее, вместо смысла ложь ненужной самоиронии. Но пройдут годы, и Станислав Куняев в соавторстве с Сергеем Куняевым напишет книгу «Сергей Есенин». И стихи его станут совсем другими, лишенными рассудочной сытости:

Господи, что же творится?
В светлом притворе стоят
потусторонние лица —
свечи в их лапах горят!

Станислав Куняев — прекрасный русский поэт, и честь таланта не позволила ему предать призвание, пренебречь болью и бедой народной жизни, отвернуться от национального гения. И когда один наш очень активный литдеятель нашел «замену» Сергею Есенину, вспихивая на Парнас Владимира Высоцкого, Куняев ответил ему, что «Высоцкий талантливо играл русский темперамент... Когда читаешь глазами его стихи, напечатанные на белом листе, то сразу видна упрощенность по отношению к жизни, наивность по отношению к русской поэтической традиции». И это притом, что в 1968 году Высоцкий удачно развил тему здорового образа жизни, который ранее пропагандировал в своей книге Станислав Куняев:

Вдох глубокий, руки шире.
Не спешите — три, четыре!
Бодрость духа, грация и пластика.
Общеукрепляющая,
Утром отрезвляющая —
Если жив пока еще —
гимнастика!

2. Счастье творчества

Да, высокий строй души — основу творчества — тяжело сохранить даже творческим людям. А творчество — это счастье. Творческое состояние — это счастливая, особенная зоркость, только твоя, когда ты чувствуешь окружающую природу, жизнь, людей в совсем другом преломлении, когда хмурое, предгрозовое небо — только твоё, и дорога, по которой ты идешь или едешь — твоя, и жизнь — вся в твоей власти. Но твоя власть — добрая, восхищающаяся, ты никому не хочешь зла, беды, ты хочешь только одного — не мешайте мне любить этот мир, эту жизнь, одну, мою, неповторимую, которую я хочу сделать очень красивой, солнечной, благородной!.. Творчество — это понимание, что ты являешься со-Творцом, нет, не вровень ему становишься, а иногда Творец словно бы разрешает тебе вместо него «поработать» на том пространстве, которое ты чувствуешь, а значит, и владеешь им. Это высшие минуты бла-

женства, когда вдруг слёзы благодарности застилают глаза — от соединения со всем видимым и невидимым, от близости большого счастья, от несокрушимой уверенности в справедливости жизни:

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

Творчество делает радость возвышенной, беду — благородной, мудрой, страдание — красивым. Творчество множит счастье и созидание в мире. Нужно чувственно услышать мир и себя в нем — это и есть творчество, зоркость и родственность самым высоким, горним высям. И можно прожить всю свою жизнь правильно, благополучно, нудно-честно, в достатке, в удаче и никогда не испытать этого чувства. Можно быть писателем, даже успешным, «мастеровитым», сюжетным, читаемым, но даже и не догадываться о существовании этого чуда.

И что же ищет читатель в стихах и прозе? Людям радостно чувство узнавания того родного, высокого, красивого, которое запечатлел художник или поэт:

От каждой новой песни пламенею,
Как будто выпью крепкого вина.
Я рад, когда стихами захмелею,
Когда звенит запретная струна, -

Пишет Петр Орешин. А Николай Заболоцкий продолжит:

...И в углу невысокой вселенной.
Под стеклом кабинетной трубы,
Тот же самый поток неизменный
Движет тайная воля судьбы.

Там я звездное чую дыханье,
Слышу речь органических масс
И стремительный шум созиданья,
Столь знакомый любому из нас.

На самом деле Николай Заболоцкий счастливо заблуждался — «стремительный шум созиданья» вовсе не знаком тем, кто умерщвляет чувство и ставит на это место расчет. Так называемая «интеллектуальная поэзия», получившая большую моду со времен Иосифа Бродского, не имеет никакого отношения к творчеству, а является пустой мыслетворительностью. Я осмелюсь утверждать «пустой», потому что все достижения научной, экономической, хозяйственной и прочих видов деятельности, если их носители не озарены творческими состояниями, являются либо пустыми, либо вредными роду человеческому. Однако же стихи Иосифа Бродского находят достаточное количество поклонников среди интеллигенции. Удивляться этому не стоит — знание, полученное в отрыве от родной почвы, знание, основанное на освоении «коммуникативных функций», на умерщвлении чувства, а значит, и творческого начала (а именно такое знание дают ныне наши школы и вузы) благодатная среда для построения мира не на основах со-Творчества, а на началах примитивного рационализма. «А от древа познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертию умрешь» (Бытие, гл. 2, ст. 9, 16, 17).

Первый признак нетворческого человека, работающего в литературе — холодно-презрительно-рассуждательно-циническое письмо. Он — судит всех, являясь сам неподсудным. Это может быть критик, поэт, прозаик. Они находят себе читателей, потому что весь образ нашей нынешней жизни, весь наш быт, наша политика, наша пресса, наше телевидение, наша реклама изо всех сил стараются обесчувствить человека, лишить его волшебной способности быть со-Творцом, быть ответственным за мир, за жизнь, которая вокруг происходит.

Но человек, лишенный творчества, пусть даже с сильной волей и интеллектом, с большими способностями, со всеми преимуществами своего холодно-презрительно-рассуждательно-циничесого письма всё равно слабее со-Творца. Потому что в основе его дела всегда лежит выгода — прямая или отсроченная. А творческий человек следует своему призванию, он «в логике» смысла истории, бытия и жизни, постичь которую рационалист не в силах. Сергей Есенин — творец в высшем земном понимании этого слова. И потому:

Всё встречаю, всё приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

3. Наш путь

Но я никогда не встречала творческого человека, лишенного чувства дома, национального чувства. Потому что детство и родину невозможно оторвать друг от друга, и именно детство — колыбель всех наших высоких и радостных чувств, а родина — дом, где качается люлька с младенцем.

Восемнадцатилетний Валентин Сорокин, вчерашний хуторской мальчишка, а теперь мартеновец, сталевар, пишет в далеком 1954-м:

Деревенский, вдумчивый и скромный,
Я в душе нетронутой принес
Площадям и улицам гудронным
Запахи малины и берез.
. . .
И ничьей рукой не избалован,
Видел я за сталью и огнем —
Мой подсолнух
золотоголовый
Наклонился дома над плетнем...

«Поэт, если он только поэт, никогда не потеряется в суете эпохи, никогда и никому не позволит навязать себе чьё-то мнение, тенденцию, поскольку поэт — один-единственный, кто в конечном-то счете за себя отвечает». Эти слова тоже принадлежат Валентину Сорокину, нашему национальному поэту. Поэту, чье значение в современной литературе впервые указал Юрий Львович Прокушев. Поэту, достойному продолжателю нашей великой литературной традиции. Автору сотен лирических стихов, автору поэмы «Дмитрий Донской» — жемчужины в поэтической короне России, автору «Бессмертного маршала» — поэмы о Георгии Жукове, автору пронзительной публицистической книги «Крест поэта», посвященную Сергею Есенину. Когда-то, юношей, Валентин Сорокин дал себе клятву: если выпустит книгу, станет поэтом, то обязательно приедет в Константиново и поклонится дому Есенина. Клятву свою он сдержал... От «Песни о Евпатии Коловрате» Сергея Есенина прямой путь до поэмы «Евпатий Коловрат» Валентина Сорокина. В зрелой есенинской поэме «Пугачев» истоки молодой сорокинской поэмы «Бунт»... Тема родины, пути России, народа главная в русской литературе. И другой такой литературы в мире просто нет! Вспомним «Слово о полку Игореве» — наш эпос очень отличается от «Песни о Роланде», от «Витязя в

тигровой шкуре» или «Песни о Нибелунгах». И далее все наши вершины — поэтические и прозаические — вырастали на этой теме-крике — «о, русская земля, уже ты за холмом!».

Россия! Голову я поднял,
И слово выгранил как меч,
Убереги меня сегодня
Ведь завтра некого беречь!..

Двадцатый век, к концу которого Россия подошла с печальными итогами, требовал от нас осознания: что произошло с русскими? Как нам сохранить ту тайну души, которую открыл Есенин? И как нам снова стать соединенным, сильным народом? Михаил Меньшиков писал: “Когда нация перестает быть нацией, она бессильна отражать не только внешних врагов, но и то страшное состояние, когда народ сам делается своим врагом”. Поэзия Валентина Сорокина дает читателю ту национальную энергию, ту концентрацию света, которая вновь и вновь возвращает русских самих к себе, и дарит нам силы быть большим и красивым народом:

Высота и звёздное мерцанье.
Зябко жмутся думы к небесам.
Кто посеял зло и отрицанье,
Захлебнется ненавистью сам.

Валентин Сорокин в своем очерке о Сергее Есенине писал, что «судьба настоящего поэта всегда тождественна судьбе его народа». Эти же слова можно отнести и к нему самому. Разве русские зарились когда на чужие земли или чужое богатство? Но весь XX век нам пришлось воевать. И разве Валентин Сорокин, поэт по своему дарованию лирический, рожденный любить и творить, ввязывался бы в поэтические битвы?! Но «Кто-то должен за Россию нашу Под прицелом недруга вставать!», и грош цена «чистому искусству», которое стряпают люди с мелкой душой. Александр Блок писал:

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцей,
А вот у поэта — всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, -
Я верю: то Бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

Для русских литераторов, русских ученых, ныне главная задача состоит в том, чтобы своей жизнью, своим ежедневным поведением говорить своему народу, что есть в мире нечто, что гораздо выше куцей ельцинской конституции. Даже если мы и считаем, что народ нас не слышит и дело наше безнадежно. Но кто-то же должен! Кто-то должен давать людям пример иной, чем у наших телехохмачей жизни, иного, чем у Жванецкого, "творчества".

Настоящее и будущее нашей литературы — только в возвращении к национальному и народному. Россия все еще сильна, она еще может дать миру образ человека, вырвавшегося из ада массовой культуры и вернувшегося к красоте — родного дома, родной рябины, мамы родной — родины нашей. Творчество — это любовь к жизни. Величайшее счастье и мука сказать: "Чувство родины — основное в моем творчестве". И большое страдание дается большому таланту. Удел малого таланта — хитрость, недосказанность, уворотливость, но не великое горе. Национальная трусость, национальное предательство никогда не родят великого поэта. Я люблю Сергея Есенин. И я преклоняюсь перед честностью и страданием Валентина Сорокина:

К Родине склоняясь головою,
Знаю, Бог мне указал перстом
Стать землей, молитвою, травою,
Эхом стать в моем краю пустом!..

Сентябрь 2003

Три женских имени в русской литературе

1. Возвращение великой книги

Переиздание этой книги — огромное событие в духовной жизни России. (И в моей собственной жизни — тоже.) Пусть тираж — 1000 экземпляров, пусть молчат о ней «заводилы» громких литературных премий (им можно посочувствовать: они лишены великого счастья — причастности к яркой, значимой, сильной прозе), пусть автор пребывает в тщете и забвении, а всё же дело сделано — книга вернулась, её прочтут многие и многие, и это слово обязательно отзовётся в наших сердцах — иначе и быть не может!

Назову имена тех, кто прямо или косвенно способствовал переизданию книги, её возвращению к читателю. Это Валентин Сорокин, Геннадий Старостенко, Вячеслав Румянцев, Капитолина Кокшенева, Алексей Любомудров, Ирина Репьева, Юрий Галкин. И, конечно же, многие челябинские литераторы, прежде всего, Анатолий Белозерцев, Рустам Валеев и Сергей Алабжин, а также администрация Челябинской области, которая профинансировала издание. Вместе мы сделали хорошее дело, которым можно гордиться — вернули народу гениальный роман, эпос, который стоит в одном ряду с творениями наших самых выдающихся писателей. Русские люди, эта книга — для вас! Читайте, думайте, смейтесь, плачьте и не забывайте — за плечами у нас великая история, великая война, великая беда, великие предки! И всё это нам подарила Зоя Егоровна Прокопьева — писатель огромного изобразительного и провидческого дара.

Нет смысла передавать сюжет романа «Своим чередом». Потому что, допустим, беглый пересказ «Илиады» Гомера тоже не даст представления о великой поэме. Содержание «Слова о полку Игореве...» можно передать в нескольких предложениях, но как это будет далеко от истины! Так вот: «Своим чередом» надо читать! Это как раз тот редкий случай, когда читать нужно всем! Роман Зои Прокопьевой — истинно народное, «родовое» произведение, он особенно много скажет сердцам «родственников», близких и дальних, потомкам индоевропейцев-ариев-праславян; и, наверное, эта книга оставит глубоко равнодушными (или

даже вызовет раздражение) «чужаков», тех, для кого «родина там, где меньше налоги».

Не у каждого, даже талантливого, литературно-одаренного писателя есть чувство исторического времени. Особенно тяжело молодым — с детства им «подрезали» крылья творческого воображения, и часто их мир — это мир городского колодца, асфальтовых джунглей мегаполиса, наркотических ночных клубов, мир теле-СМИ, отравляющих смердящими миазмами душу и тело. Как мал становится человек — с оборванными родовыми связями, искаженным сознанием, с изломанными социальными ролями; человек, дышащий бензиновыми испарениями и пьющий отравленную воду! Человек, перестающий искать истину, человек, сумевший когда-то пережить голод, а теперь капитулирующий перед мнимой сытостью синтетической еды! Человек без будущего и без прошлого, мучающийся в своем маленьком, тюремном мирке, куда заточили его «лукавые». Писатель, выражающий голос этих «заблудших», живущий с ними одной жизнью, и, вероятно, страдающий не меньше своих героев, наверное, любопытен с точки зрения текущей социологии. А всё же опираемся мы на сильного духом, а не на больного и слабого. И книга Зои Прокопьевой, её герои, дают нам эту опору. Это особенно важно сегодня, когда наше духовное пространство «заболоченно», когда видимые «кочки» и «островки» твёрдой почвы можно пересчитать по пальцам. Размах крыльев творческого воображения Зои Прокопьевой поражает — это высокий, свободный, счастливый и гордый полёт; нет, это не самолюбование, это горькое счастье — служить своему народу, верить в него, воспевать его подвиги, горевать над его бедами, а главное — не предавать его — нигде, никогда!

И тогда приходит это чувство — святое чувство сопричастности. Как, откуда у автора, деревенской девчонки без систематического образования (в юности — вечерняя средняя школа, и уже много позже — учеба на Высших литературных курсах), это главное, коренное знание жизни и людей, воплощенное в слове?! Жизни не обыденной, не бытовой, а жизни в её историческом движении, на протяжении нескольких десятков поколений?! Удивительное дело: первый вариант романа «Своим чередом» был создан в 1977 году, в тайге, при керосиновой лампе, за два зимних месяца. Потом книга долго кочевала по издательствам и была издана в Челябинске в 1986 году. И — внимание! — только через год, в 1987 году учёными под руководством Геннадия Здановича в Брединском районе Челябинской области был открыт Аркаим — укреплённое поселение эпохи бронзы.

Сейчас вокруг Аркаима много шума, домыслов, толкователей, «расшифровщиков». А когда-то Зоя Прокопьева первой описала народ эпохи бронзы, который жил в «аркаимовских» местах! Некоторым этот эпизод в романе казался странным, выпадающим: как это, роман про советскую эпоху, и вдруг — историческая фантастика! Но автор оказался умнее своих критиков: мы живем на древней земле с великой, и во многом неизвестной нам историей. Не случайно сведущие люди говорят, что «индоевропеистика — фундаментальная наука, ничуть не уступающая по своей значимости атомной энергетике. Кто контролирует эту науку, тот и владеет миром». И — добавлю еще одну цитату человека, который занимается индоевропеистикой: «Для современного россиянина ничего не знать об арийцах, о древних индоевропейцах, о происхождении славян — это самое лучшее, что он может сделать. Ибо только так он сможет безболезненно войти в то состояние, которое уготовано современной России другими державами, а именно — рабское».

Но в романе «Своим чередом» властвует иной дух — дух свободы. Книга, созданная в самые благополучные годы советской власти, совершенно лишена признаков духовного «застоя», она вся — движение, вся — чувство, вся — чуткое познание мира (и в «ширину», и в «глубину»), она наполнена масштабными человеческими характерами, исключительными по своей цельности и жизнестойкости. Читая роман, думаешь: Боже мой, неужели мы были такими всего лишь 60-70 лет назад?! И как автору при господстве жесткой идеологии, удалось легко, кажется, что без всяких усилий, соединить языческую индоевропейскую древность, цветущий сад православия и красные знамена обновляющегося мира?! Откуда это сокровенное и безусловное знание, это естественное чувство исторического времени?!

Многие публицисты, у которых «есть мысли» и любовь к искусственным метафорам, устремляются в литературу, чтобы в художественной форме, через «размышления героев», рассказать читателям о том, какая у нас должна быть «национальная идея», как «спасти Отечество», какая возможна «антиутопия» в случае того или иного развития событий и проч. Так вот, в романе «Своим чередом» никаких таких размышлений нет вообще! Но зато в нём есть то, чего нет в подавляющем большинстве современных прозаических произведений — живая жизнь! Силой своего огромного изобразительного таланта, действиями героев Зоя Прокопьева показывает нам, что есть власть и какова её тайная, мистическая и священная природа; что есть народ и как им нужно управлять; какова роль прекрасного и материального в жизни людей; что есть христианство на русской земле, и почему так важно для народа знать и хранить свою родовую историю.

В русской литературе, богатой большими талантами и мощными произведениями, всё-таки не так уж много безусловно ярких, сильных, цельных эпических героев, рождённых самой жизнью и шагнувших на страницы книг. У Зои Прокопьевой такой герой есть. Это Нил Краюхин, сначала деревенский кузнец, а потом крупный организатор производства на Урале. Создание этого образа, центрального в романе «Своим чередом», и есть образ власти от Бога, власти духовной и человеческой. Точно знаю (мы обсуждали этот вопрос с Зоей Егоровной), что одним из главных прототипов Краюхина, его прообразом не по житейской биографии, а по духовной сути, характеру, поступкам, по удали и дерзости, стал поэт Валентин Сорокин. Да-да, не надо удивляться! Скажу больше: о Валентине Васильевиче, его творчестве написано много (вот и Александр Байгушев недавно издал книгу «Культовый поэт русских клубов Валентин Сорокин»), а всё же настоящий его портрет, пусть и в романной, художественной форме, удался только одному человеку — Зое Прокопьевой. И это тоже — огромная удача. Потому что обычно «лицом к лицу лицо не увидать»: когда-то и Сорокин, и Прокопьева работали вместе на Челябинском металлургическом заводе, вместе занимались в литобъединении «Металлург», дружили... Но Зоя Прокопьева давным-давно поняла и оценила то, что до сих пор не могут понять большинство наших сильно закомплексованных и испуганных «лукавыми» ещё до рождения критиков и литературоведов: подлинная эпическая поэзия — это не забава, не досуг, не «хобби», не самовыражение. Это величайшее напряжение духа, это воля, это долг, это ответственность перед народом, голос которого ты выражаешь. И всё это под силу только поэтам-вождям, поэтам-царям. Конечно, государству «Поэзия» нужны разные подданные, и без любого из них «народ не полон». Но Зоя Прокопьева выбрала для себя самую трудную задачу: оставить в литературе портрет цезаря, а не легионера, вождя, а не юродивого. И ей это удалось.

«Поразительный дар слова, чувство меры словесной, попадание в самую суть слова-знака, — истинный врожденный лаконизм. Проникновение в подлинность человеческого бытия и назначения», — так пишет о романе «Своим чередом» Геннадий Старостенко — сам прекрасный прозаик и отличный публицист. И дальше: «Пройдет еще как минимум... [четверть века] прежде чем кто-либо из писателей в России напишет что-нибудь близкое по уровню». Уважаемые номинанты «большой книги», «нацбеста», «букеров» и проч., прислушайтесь к этому весьма и весьма справедливому мнению! Старостенко — прав. Никто ничего подобного пока не написал. Более того, и любимые мной «деревенщики» перед Прокопьевой меркнут. И мастера лирической прозы. И даже лучшие военные романы, как бы это поточнее сказать, немножко «подвигаются», освобождая место этому истинно народному, эпическому произведению.

Несколько раз я перечитывала книгу, вовсе не собираясь этого делать: переставляя на книжной полке, случайно открывала роман и уже не могла от него оторваться — столько здесь любви и жизни, красоты и страдания!.. Казалось бы, что хорошего в страдании? Да ничего, конечно. Особенно, когда страдание так неравномерно распределено в мире. На недавней церемонии вручения ВООПИиКом Всероссийской премии «Хранители наследия» в качестве приглашенных были человек пятнадцать-двадцать из нашей «государственной элиты». Они не выделялись из общей массы гостей ни одеждой, ни возрастом, ни поведением. А всё же по пластмассово-безвольному выражению лиц было видно, что это люди из другого, сытого и лживого мира. Не знаю, почему так сыграло мое воображение, но я вдруг представила их в ватниках, в арестантских робах, после тяжелого трудового дня. И, о чудо! Как преобразились, одухотворились эти лица, сколько в них появилось индивидуальности, своеобразия!..

Но будем реалистами — роману Зои Прокопьевой при нынешней государственной, идеологической и культурной погоде ничего не светит. Потому что голос правды, звучащий в книге, совершенно не совместим с нынешним положением вещей в стране, которое можно охарактеризовать одной фразой из куплетов Мефистофеля: «Сатана там правит бал!» Поэтому не будет достойных тиражей, премий, шума в прессе и проч. Потому что, и здесь я солидарна с мнением писательницы из Санкт-Петербурга Ирины Дудиной: «Государства у нас нет, правительства нет, нет тех структур, которые выполняли бы Конституцию и защищали бы права народа, живущего на своей земле». То есть всё это формально есть, но фактически ничего этого нет. И трезвомыслящие русские люди должны это понимать и помнить, что надеяться они могут только на себя и на Господа Бога (да и то в отдалённой перспективе...).

Итак, роман Зои Прокопьевой — это один из тех «вечный камней», которые следует заложить в фундамент русского самосознания. Слабому эта книга станет утешением, сильному — руководством к действию. А закончить свои размышления я хочу отрывком из стихотворения Валентина Сорокина. Потому что эти четыре строфы, в общем-то, и являются кратким «конспектом» романа «Своим чередом», а также той сверхзадачей, которую ставит перед собой каждый достойный русский человек:

В миг, когда и я теряю силы,
Если рядом нету никого,
Я касаюсь мысленно могилы
Прадеда и деда моего.

Разве я не пил страданий чашу,
Завтра снова ей не пустовать, –
Кто-то должен за Россию нашу
Под прицелом недруга вставать.

Пахнет в мире порохом и кровью,
И не зря твержу я наизусть:
«Я клянусь терпеньем и любовью,
Вечным светом Родины клянусь!»

Травами клянусь и небесами,
Как бы доля не была горька,
И еще – огромными глазами
Той, что ждет меня издалека.

апрель 2009

2. «Большая книга», левое искусство и народное признание

Анна Серафимова. Жили-были. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2010.

Синхронизмы — странные «совпадения», которые кажутся большим, чем просто случайности.

Один из синхронизмов настиг меня в ноябрьский вечер сего года. В то самое время, когда в торжественной обстановке вручалась «национальная литературная премия» (это сочетание слов в контексте нашего культпроцесса я могу взять только в кавычки), мне тоже подарили по-настоящему «Большую книгу». Пролистав знакомые страницы (многое из напечатанного уже было прочитано в газете «Завтра»), я не могла удержаться — рука сама потянулась к перу, перо — к бумаге: сообщить о хорошем издании — и долг, и радостная обязанность для всякого честного литератора. Русский читатель, на твоей улице праздник: откроешь «Жили-были» — и насмеёшься, и наплачешься. Воскликнешь вслед за

Некрасовым: «Есть женщины в русских селеньях!» Понятное дело, что праздник этот народу устроило вовсе не федеральное агентство по печати и не акулы книгоиздательского рынка. У нас теперь так: выживание, в том числе и культурное, есть личное дело каждого, и тут не надо ждать милостей от государства и, тем более, от порождённого им «бизнеса».

Автор книги не нуждается в дополнительных представлениях. Анна Серафимова — это Робин Гуд отечественной журналистики, она всегда — на стороне униженных и оскорблённых. Курс нашей самой известной оппозиционной газеты «Завтра» подчас загадочен, нелогичен и временами абсурден, но в колонке «Жили-были» никогда не было (и нет) никаких «виляний» и компромиссов — это воистину голос народа. Анне Серафимовой нет равной на избранной ею стезе: она породила множество афоризмов и метких словечек, которые говорят о нашем времени то, что оно и есть на самом деле.

Листаем книгу.

«Вот оно, общество потребления: ты думаешь, ты — пользователь, а это тебя пользуют».

«Современная жизнь показывает: если вы здоровы и богаты, то, попав в руки современных российских врачей, вы имеете шанс стать бедным и больным. А если вы бедный и больной, то у вас нет никаких шансов попасть в руки современных российских врачей».

«Асфальтовый крестьянин Юлий Чернозёменко».

Комментарий на стихи Андрея Дементьева: «Никогда, никогда ни о чём не жалейте»: «Пусть кто-то жрёт икру ложками, зато вы гениально сглатываете слюну. Кто-то рассекает на «Лексусе», зато вы гениально уворачиваетесь из-под колёс. Вам, советскому человеку, ветерану, русскому человеку, гордящемуся своей страной, плюнули в лицо историки сванидзе и истерики розовские? Зато как гениально утёрлись вы!»

«...Головы управителей России — не место для мозгов».

«Нынешние власти могут обеспечить торжество закона. Но только одного закона — закона джунглей».

«Делайте людям приятное! Вместо «грабить народ» говорить «укреплять мощь государства».

«Анатоль Чубайсович Тюльпанов».

«Демократия, дай ответ».

И, добавим из не вошедшего в книгу, но уже опубликованного в газете: «Наноруководители, занимающиеся нананизмом».

В сущности, «Жили-были» есть энциклопедия нашего вороватого времени — в лицах, жанровых картинках, портретах «демократов», размышлениях, наблюдениях и горьких выводах. Это совершенно нова-

торская книга — по своему языку (он абсолютно самобытный, и Анну Серафимову ни с кем не перепутаешь), перепаду авторского настроения — от ядрёной сатиры до лирического откровения, движению сюжета — новеллы и эссе выстроены в строго продуманной последовательности. Кстати говоря, некоторые названия главок этого «романа из жизни» сами по себе интересны: «Инфузории в туфельках», «Делёжки час», «Ксенофобия поневоле», «Политкорректный пинок», «Общак — дело тонкое», «Держись, дендролог, крепись, дендролог» и т.п.

Несмотря на горестность поднимаемых тем, чтение книги не вызывает столь чаемого нашей «национальной литературной общественностью» (опять же, мы берем сие сочетание слов в кавычки — знающий да поймёт нас правильно) эффекта. А именно: «Жили-были» не производит непоправимых разрушений в сознании читателя, не погружает его в уныние и ступор. (Разве не в этом видят ныне свою главную эстетическую и идеологическую задачу олауреаченные «Большими книгами» авторы?!) «Жили-были» — оптимистическая трагедия. Жизнелюбие автора — действующее и созидающее. Анна Серафимова усмиряет распоясавшегося кавказца в московском метро и помогает беспомощной старушке добраться до автовокзала, хватает за руку «бедного армянина», который тащит из кармана кошелёк, и даёт достойный отпор грузинскому вору в законе (подробностей не раскрываю, они есть в книге). Было бы славно, если бы представители пола, некогда называемого «сильным», в чём-то последовали примеру Анны Серафимовой — тогда, не сомневаюсь, наша жизнь была бы гораздо счастливей и справедливей.

Лже-либеральные критики ныне очень часто именуют «народным» так называемое «левое искусство». Апологеты этого течения якобы тоже оппозиционеры, они поднимают в своих писаниях запретные темы (например, еврейского засилья в денежных и медийных сферах или гастарбайтерской преступности в столице и за её пределами), но при этом «левые» выражают свои «революционные мысли» столь грязным и нецензурным языком, что для духовно-чистоплотного человека смысл их писаний сразу же оказывается за пределами дискуссий. Лже-либералы всячески поощряют подобные «художества», поскольку для существующего режима сии духовные испражнения ничуть не опасны (они даже полезны, поскольку помогают «стравить пар» психически неуравновешенным личностями), а вот для разрушения народной нравственности такие «писатели» весьма даже годятся.

По своим политическим взглядам Анна Серафимова, безусловно, «левее многих левых», но при этом она взыскательна к себе и благоговейна к русскому языку. Автор не позволяет себе духовной распущенности,

он всегда собран, и для него никогда не возникает соблазна нагадить в душу читателю (любимое дело для «революционных» авторов, занятых «самовыражением»). Впереди — Россия, главное — национальный интерес, народ, а уж потом — всё остальное, — вспомним, разве не эти идеи были когда-то смыслом жизни лучших представителей русской и советской интеллигенции? В «час делёжки» Анна Серафимова выбрала свой путь — быть с русским народом, выражать его чаяния, быть его голосом — карающим, справедливым и утешающим. И это, безусловно, настоящее «левое искусство». То самое, которое «не левее сердца», о чём так точно сказал в своё время поэт Василий Фёдоров.

За судьбу своей книги Анне Серафимовой можно быть спокойной — увы, она не устареет в обозримом будущем. И потому мы желаем автору только одного — крепкого здоровья, дабы благополучно пережить нынешнюю эпоху торжества «нанолитераторов». Потому что, «Мы, русские, с нами... Бог мой, кто только ни с нами!..»

ноябрь 2009

3. Мама, родина и любовь

Почти каждый из нас — вчера ещё деревенских людей — может дополнить эту книгу — «Хроника Погореловки» — своим рассказом. Про родной дом, про маму — дорогую и единственную на свете, про огород, который кормит весь год, про мокрые телячьи носы и пыльное овечье руно, про сладость яблока из своего сада и про то, как это здорово — жить на своей земле, делить с ближними горе и радость, и здесь же, когда настанет час, тихо и бесстрашно уйти в вечность.

И вот Нина Стручкова написала эту книгу — трагически-воспоминательную, народную историю нашего бытия. Читается она с болью, приязнью и благодарностью. Да, наверное, подобную хронику мог бы создать почти каждый из нас (хотя бы в своём воображении!), но сделала эту работу она, Нина Стручкова, крестьянская дочь из тамбовской деревни Погореловка.

В книге нет ничего личного, хотя автор пишет про родную деревню и земляков, посвящает повествование своей матери, русской крестьянке XX века Анне Николаевне, и рассказывает о промежуточных итогах собственной жизни. Эти печальные выводы известны всем нам, вчера ещё деревенским людям: мы почти наверняка знаем, что дома мы бы были счастливей. Да, конечно, наша жизнь сложилась бы тяжелей, мы бы меньше чего повидали на белом свете, но зато сердце наше было бы

на месте, не рвалось на части («а как там мама?»), а душа не металась бы отчаянно по миру в поисках покоя и уюта. Всё это — правда. Как, впрочем, и то, что несмотря на учёбу в Литинституте, долгую столичную жизнь и звание поэта, автор «Хроники Погореловки» так и осталась крестьянской дочерью. (Вот и Есенин, уже всемирно известный, говорил с гордостью: «У меня отец — крестьянин, / Ну, а я — крестьянский сын».) Просто деревня «командировала» Нину Стручкову в город с вполне конкретным наказом: родным материнским языком, без пустой болтовни рассказать вчерашним сельским жителям о том, как живёт их прародина, как ждёт их внимания, любви и участия!.. Может быть, Нина Стручкова даже слишком конкретно восприняла этот наказ, работая редактором в самом что ни есть близком трудовому народу журнале — «Сельская новь». И всё равно мучаясь, что вот, понимаете ли, деревню свою бросила!..

Но мы, специально для её читателей-земляков, скажем: во-первых, ничего она не бросила, потому что написала несколько талантливых книг о Погореловке, в том числе и эту, а, во-вторых, никому не верьте, будто жизнь в городе — сахар, особенно для творческого человека, поэта. Да, бычка откормить — дело нелёгкое, особенно, если делать это без жульничества, без примеси «химии». Но и книжку написать — настоящую! — не подмешивая опасные «премиксы», тоже труда немало надо. Потому что подлинное слово рождается из большого переживания и часто — из большого горя. И потому, читая «Хронику Погореловки», мне, например, трудно было сдержать слёзы. Так ведь и автор не раз слезами умылся — и не над вымыслом (в книге его нет), а над жизнью. Можно ли без волнения читать главу «Четыре встречи с отцом» — о том, как осиротела и обезмужичела наша деревня после Великой Отечественной войны?! А «Историю нашей болезни» — об очередном разорении села уже в новейшую эпоху, о жалких деревенских больницах, где лежат «они, дорогие, драгоценные, слава и гордость России, многотерпеливые наши матери»?! Нет, это надо каменное сердце иметь, чтобы творить с нашей деревней то, что началось с 1991 года и продолжается — положа руку на сердце — по сей день. И потому «...Мужики ругают власть и, матерясь по-страшному, мечтают: «Повесить бы их всех!»

Нина Стручкова не ударяется в «политику», никому не раздаёт оценок, а просто показывает — какой была Погореловка, и какой — стала. Полуубитой, в общем-то деревней. Со слабой надеждой на «Израиль» — новенький посёлок для переселенцев. А в коренной русской деревне — нужда беспросветная: «Мужики каждое утро приходят к конторе в надежде хоть на какую-никакую работу. Бабы встают в четыре утра

и спешат в потемках к совхозному коровнику. Работают «за стаж», в доверчивой надежде дожить до пенсии. Ведь зарплату не выдают уже несколько лет». И это — опора России, кормильцы наши?! Как тут не вспомнить Некрасова: «Кушай тюрю, Яша, молочка-то нет. / — Где ж коровка наша? — Увели, мой свет. / — Где же наши куры? Девочки орут. / — Не орите, дуры! Съел их земский суд». Мать Нины Стручковой, поднимавшая в одиночку двух девчонок, читала эти народные стихи своим детям, а я помню сказ про тюрю от своей мамы. Не жировала наша деревня, если такие стихи в ходу были.

Но сейчас, похоже, нечего сельчанам ждать народного заступника из верхов, каким был барин Некрасов. На себя нужно надеяться, на свои силы и на своих поэтов. Один из них — Нина Стручкова, которую, право, ни с кем не хочется сравнивать. Она одна такая — из Погореловки. Потому что у каждой деревни на Руси — свой характер. Заявляю это ответственно, потому что сама из села Скрипниково, что в Воронежской области. И деревенское наше многоцветье было подлинным богатством страны, великой её тайной, источником нашей богатырской силы не на годы — на столетия. Разве один из персонажей главы «Погореловка в лицах», дядя Володя, не настоящий герой нашего времени, а судьба его, так просто рассказанная автором, не заслуживает восхищения?! Прошел всю войну наводчиком артиллерийского орудия, вернулся домой, вместо трофеев привез награды и благодарности, в том числе от Сталина, Жукова и Рокоссовского, вырастил и воспитал пятеро детей. И вся его жизнь — в тяжелом труде, ратном и деревенском, но сохранил дядя Володя и душевную щедрость, и даже романтизм — ещё на фронте он писал стихи. А что сейчас? «На последнем издыхании всё, что объединяло семьи, улицы, деревни. Иду по Погореловке с фотоаппаратом, меня ругают: «Зачем пленку тратишь?» Говорю: «Хочу на память запечатлеть ваши лица». А мне отвечают: «Да какие теперь лица? Вот раньше были лица!» И называют по имени-отчеству давно ушедших стариков...»

И всё-таки нужно — если Бог дал талант — запечатлеть эти лица, характеры, эту жизнь — уходящую, но всё-таки не сдающуюся, пытающуюся «барахтаться», сопротивляться. И потому эта скромная по объему книга, написанная предельно просто, «без выкрутасов», больше, чем литература; в ней есть что-то от незыблемых первооснов жизни, о которых сказано честно, без прикрас и сентиментальности. «Хроника Погореловки» — очень мужественная книга. Чтобы так написать, надо было жизнь пройти трудную и честную. Книгой этой надо автору гордиться, как заслуженно гордится крестьянин хорошим урожаем в плохой год. Труд может многое победить — например, заморозки или засуху. Вот и

Нина Стручкова вопреки «литературной непогоде» написала то, о чём можно сказать: «Эта книга — настоящее, спасительное, молитвенное искусство. Эта книга — не погоня за модой, а поход за истиной. Эта книга — нравственное, здоровое, устойчивое слово, в котором нет лжи, а есть спокойствие и боль человека, живущего на своей земле». Честно говоря, в «Хронике Погореловки» читается даже что-то эпическое — без громких слов, очень экономными средствами здесь нарисован русский космос, русский характер, русская жизнь на протяжении нескольких поколений, и всё это венчается стихами — горькой песней тревожного сердца. «Родительский дом и ограда, / И пение звезд по ночам... / Я знаю, родня будет рада / Моим сладкозвучным речам». Деревенский человек, как правило, скромен — не любит бахвалиться, вот и Нина Стручкова, как мне кажется, относится к своему дару с излишним недоверием. А жаль! Со стороны иногда бывает виднее, и мы скажем прямо: не подвела Нина Николаевна свою маму и родную Погореловку, она — не просто мастер слова, мастер своего редакторского дела, она — настоящий поэт! Гармоничный, цельный, требовательный к себе и — по настоящему красивый!.. Не все ведь уезжают из деревни за длинным рублём и лёгкой жизнью, многие оставляют родной дом в поисках красоты — волшебной Жар-птицы, без которой жизнь кажется пресной и ненастоящей. Легко на этом пути увлечься ложной дорогой, но если путь поэта верный — он всегда приведет его к родному дому. (Вон, Есенин, родину даже на рай не променял: «Если крикнет рать святая: / «Кинь ты Русь, живи в раю!» / Я скажу: «Не надо рая, / Дайте родину мою».) И Нина Стручкова тоже родину свою никому не отдала. Ни в слове, ни в жизни. Ни в радости, ни в горе.

Да, впрочем, сколько можно говорить о книге, если её давно уже пора читать!.. Читай, читатель! Тебя ждут высокие минуты, а их не так много в нашей жизни. Читай, и, пожалуйста, люби нашу землю, нашу Россию. Она у нас одна — как жизнь, другой — не будет.

октябрь 2009

Спокойная жизнь

О прозе Бориса Екимова

Рассказы Бориса Екимова очаровывают своей задушевностью. Особенно хороши «запевы» — в них естественность, простота, органичность письма, емкие диалоги, прекрасное знание материала, бытовых подробностей сельской жизни. Реплики героев рассказов невозможно выдумать, кажется, что речь их подслушана внимательным автором и тотчас записана. Екимов — убористый писатель, лишенный излишеств, экспериментов. Критики его хвалят, называют продолжателем «деревенщиков», говорят, что его рассказы — это «традиционная русская проза в ее современном исполнении», неизменно подчёркивают социальность тем, над которыми работает писатель, а давняя его повесть «Пиночет» вообще произвела фурор — о ней много писали и говорили.

Борис Екимов уважительно относится к читателю — в его рассказы можно погружаться без опаски: в них нет (и никогда не было) непристойностей, цинизма, физиологических подробностей, «чернухи», нет и «переливания» в чужую душу собственных психокомлексов. По нынешним временам — это немало. Нет, впрочем, и словесных вывертов, краснобайства, пустословия — прозаик завидно лаконичен. И это тоже делает ему честь: писатель бережет читательское время, эмоции. Пишет о том, что знает. Воображение его работает естественно и чутко: главное, не уклониться от правды жизни. Вернее, от мелких, повседневных деталей деревенского бытия (реплик, слов), которые создают картину предельной достоверности, правдивости происходящего.

Но правда и «атмосфера правдивости» — разные вещи. А классические «деревенщики» (вроде Василия Белова) и литераторы, пишущие о селе, и даже живущие в «глубинке» — это разные типы социального и гражданского поведения.

Умеренность и аккуратность — вот, пожалуй, основные качества, которыми можно охарактеризовать прозу Бориса Екимова. Писатель прекрасно знает диапазон своих возможностей, трезво оценивает запас сил. У него нет творческих безумств, вроде написания романа «Всё впереди». Василия Белова здорово обругали за это произведение («случайные разговоры, брюзжания», «антисемитизм», «назидательность, угас язык»). И впрямь, «Всё

впереди» трудно отнести к творческим вершинам писателя. Но именно эта попытка — взяться за невозможное, за неведомое, за «езду в незнаемое», да ещё при этом «бежать впереди саней» — задним числом объясняет рождение у автора шедевров русской прозы второй половины XX века — повести «Привычное дело» и цикла рассказов «За тремя волоками».

Что ж, у каждого писателя свой путь. Некоторые критики говорят, что, читая Бориса Екимова, они вспоминают Антона Чехова. А вот мне почему-то вспоминается журналист Лаптев из давней повести Екимова «Частное расследование». «*Никакого шарма, парижского или иного, у Лаптева не имелось. (...) Короткий нос уточкой, светлые маленькие глаза, крепкий выпуклый лоб и лысина до затылка — это на лицо. И по одежде он от отчины далеко не ушел*».

Но дело, разумеется, не во внешнем сходстве писателя с литературным героем, а в общности мироощущения. «*Смелость. Нет. У Лаптева ее не было. (...) Лаптев не был упрям, нет. И настырным не был. Он очень любил спокойную жизнь: на работе делать свою работу, делать ее хорошо, насколько сил хватит; после работы отдыхать: глядеть телевизор, разговаривать с Алешкой и женой, если мясо попадется, лепить и есть пельмени, желательно со сметаной*». (Тут кстати, вспоминается и признание Екимова из автобиографического рассказа «Донская уха»: «Грешен, люблю вкусно поесть»).

Именно «спокойная жизнь» отражена в большинстве екимовских вещей (несмотря на внешние приметы острой социальности). Многое из того, что издатели называют рассказами, таковым вовсе не является — это художественные очерки («Каргины»), зарисовки («Ты не все написал...»), этюды («Говори, мама, говори...»). Но во всех этих произведениях есть чувство меры, прекрасное знание материала, наработанная интонация, пластика, и всё это вместе умело маскирует «спокойствие» писательской души. Не рассказы, но добротная, культурная проза. Духовные искания самого автора спрятаны надежно, глубоко. Это заставляет задуматься: а существуют ли они вообще и в чем их смысл, суть?

Один из критиков был удивлён «эмоциональной бедностью» героев Бориса Екимова. Действительно, иногда создается впечатление, что в произведениях писателя берутся, в основном, внешние черты, колорит повседневной жизни Придонья. Автор будто «отключен» от своих героев, или «включен» в рассказ настолько, насколько этого требует «материал». Впрочем, так было не всегда. Ранние работы Екимова отличались пронзительной сентиментальностью. Вот городской человек Григорий приезжает сажать огород чужой старой женщине — тетке Варе («Как рассказать...»). «*Так ясно виделась Григорию весенняя земля, огород, солнце, синева неба и старая женщина, что из последних сил копает и копает землю. Вот, кажется, сейчас упадет... Но нет... Обопрется на черенок лопаты, отдышится — и снова за труды*». А вот тракторист Тарасов из одноименного рассказа. Тракторист самовольно отвез солому на Вихляевский животноводческий комплекс — жалко ему голодную скотину: «*Нельзя, невозможно было признать в этих мосластых одрах тарасовских телок, каких сдавали колхозу в сентябре. Те были не скотина — картинка, с лоснящейся шерстью, сытыми боками, широкой спиной — веселые молодухи*». Цитата, разумеется, не передает в полной мере крестьянского горя — труд Тарасова оказался попран несправедливым устройством колхозной жизни.

Тема деревенского запустения, обнищания села, деградации её жителей — пожалуй, ключевая в творчестве Бориса Екимова. И вероятно, картины эти, нарисованные писателем, отчасти милы нашим «городским критикам», убеждённым, что уж они-то (и их близкие) как-нибудь прокормятся и без Тарасовых, Каргиных, Холюш и прочих аборигенных персонажей. (Потому что всегда подворачивается «спаситель», дающий деньги на прокорм: Сорос, Ходорковский, Швыдкой, Сеславинский, Фридман...) Чем хуже сельская жизнь, чем страшнее и беспросветней, тем лучше — больше материала «для анализа».

В рассказе «Холюшино подворье» (1979) в общем-то, уже прослеживается линия, которая впоследствии станет характерной для произведений писателя: «*Не вскудахчстся птица, скотина голосу не подаст. Так тихо было на базах. И теперь навсегда. Лишь тихомолом будет расти бурьян. Да будет вечно лежать вот этот камень у крыльца. Ему ни умереть, ни воскреснуть не дано*». Сравним: «*Как быстро все изменилось! Зеленые конопля и дурнишник полонили двор, огород. Разваленный забор, зияющие дырами крыши сараев, ломаные ворота — все гляделось горестно*» («Каргины», 2006). Читатель испытывает горечь, разочарование, боль. Казалось бы, следующий, вполне логичный шаг в восприятии произведения — это рождение чувства социального протеста, желание преобразовать, изменить постылую действительность. Но чудесным образом эти стремления не возникают — писатель своей «умеренностью и аккуратностью» консервирует полученную эмоцию отчаяния, почти уныния. И чем далее, тем более в творчестве Екимова деревня воспринимается как некая неблагополучная деградирующая «параллельная реальность», где живут, в общем-то, колоритные, но «эмоционально бедные» аборигенные люди. Как они отличаются от героев «Счастливых мгновений» Виктора Лихоносова или от персонажей «Бабилея» Фёдора Абрамова!..

Впрочем, богатство духовной жизни можно заменить расчетливой продуманностью замысла. Иногда Борис Екимов проявляет творческую волю и «принудительно» создает «образ положительного героя». К таким персонажам можно отнести председателя колхоза из повести «Пиночет». Напомним суть произведения: вернувшийся в родное село Корытин взваливает на себя нелегкую долю руководителя. Он правит жестко, его ненавидит половина села, зато «Пиночет» (так прозвали земляки председателя) ставит колхоз на ноги.

История рядовая, и, в общем-то, имеющая право на существование. Но образ главного героя — слишком прямолинеен, художественно не мотивирован. Председатель Корытин — фигура искусственная, неразработанная, неубедительная. Писатель ее, против обыкновения, не «взял из жизни», а выдумал, создал авторским воображением (точно также, как прежде он нафантазировал явление мальчика Якова в рассказе «Фетисыч», там девятилетний ребенок спасает от разрушения деревенскую школу). Но чтобы персонаж, лишенный земной основы, прототипа, действовал героически-достоверно в реалистическом произведении, нужно, чтобы и сам писатель был немного героем в реальной жизни. Только так — величайшим духовным напряжением — рождается образ, который будет действовать в жизни.

Талант — талант. Если мы оторвем талант от души, от ее труда, мы получим картонное, неживое искусство. Лев Толстой — талант. Ну и жил бы со своим талантом, чего же он так метался в поисках правды? Да и он ли один?

За что же хвалили критики «Пиночета»? За чувство меры. Писатель нигде не пережал. Никого не укорил, всех простил, всё объяснил. Показал страшные картины нищеты, пьянь и безалаберность русскую. И председателя колхоза, картонного Пиночета, вроде как наводящего порядок (почти Путин!) явил читающей публике. Все есть, всё «правдиво». А правды — нет. Чувство меры — нигде не нарушено. Простота фразы, короткость пейзажа. Но во дни потрясений, когда родина наша рушится, разве чувство меры спасало и спасёт народ?! Нет! Спасают родину, на обывательский взгляд, безумцы — герои, подвижники, святые. Словом и делом, молитвой и подвигом. А писатель — каждодневным духовным трудом. На высоте тонких, невидимых (и всё же реально существующих) сфер видна и понятна любая житейская хитрость, расчет.

Вопрос: является ли «традиционная русская проза» православной по своему глубинному содержанию, наверное, стоит считать риторическим. Чехов в своих рассказах показал драму безрелигиозного, расщеплённого интеллигентского сознания и сделал это с неподражаемым

мастерством. Классические «деревенщики» создавали образы своих героев, вольно или невольно, ориентируясь на православный идеал — и это во времена насильственного атеизма придавало новизну и актуальность их произведениям.

Иногда кажется, что героев Екимова такие высокие материи, как Бог и любовь, не волнуют — сознание их также обыденно и просто, как деревенский быт. В тех же произведениях, где лирический герой повествования выступает от лица автора, тоже разгадку не найти. Хотя на первый взгляд, всё ясно: «*Неторопливо иду белою полевою дорогой. Одолел перевал. Вот она — пологая просторная долина. Скошенные поля, копны пахучей золотистой соломы. Хорошо в них лежать и глядеть в небо. Там просторней, чем на земле. Тянутся облака, тоже копны — высокие, белые. В небесных полях, конечно, просторней, торжественней, краше. Там — Божье, там — праздник высокий. Зато в наших пределах, земных, пахнет спелым зерном, и это — душе отрада. Празднуй, человече... Твой час. Радуйся хлебу, остальное, поверь мне, приложится*».

И всё же Бог здесь, скорее, часть природы, чем Творец всего сущего. Да и вывод автора «радуйся хлебу, остальное, поверь мне, приложится» вступает в прямое противоречие с библейским «Не хлебом единым...». Красота, в данном случае, не чувство Бога (его присутствия в мире), а чувство человека, «одолевшего перевал».

Произведения Бориса Екимова в лучших своих образцах ритмичны, музыкальны, но сказать, что автор в душе своей поэт, о Екимове, наверное, нельзя. Рассчитанность, выверенность эмоции не позволяет вырваться на свободу живому, незамаскированному «обязательствами» чувству. Эта внутренняя скованность характерна для очень многих произведений писателя. Там же, где он позволяет себе быть естественным, нестеснённым (в элегических повествованиях от первого лица, например, в рассказе «На воле»), лиричность его тоже кажется «обязательной». Сельские виды, близость природы и естественных основ жизни, казалось бы, располагают к поэтичности. Но она, эта поэтичность, больше созерцательная, чем «безумная». Слова не бегут, обгоняя мысль и чувство, они благородно и культурно их иллюстрируют. Не потому ли так мало у Екимова рассказов о любви (честно говоря, не могу припомнить ни одного)?! Эта тема, в отличие от социальных наблюдений и обличений, как раз и требует «безумства», напрочь отрицая «умеренность и аккуратность».

Разумеется, моё мнение о творчестве Бориса Екимова — только мнение. Я далека от мысли, что литература должна кого-то «будить»,

куда-то «звать», хотя считаю значимость художественного слова и его воздействие на человека и мир колоссальным. Быть честным писателем — самое тяжелое дело. Потому что никакой «традиционной русской прозы», в общем-то, не существует. Вся русская литература — если брать её вершины — всегда шла вперед, вперед, обогащая смыслы, завоевывая новые территории, «ревнуя к Копернику», поднимая глубочайшие нравственные и мировоззренческие проблемы. Да, это были безумцы, неистовые правдоискатели, «могучее, лихое племя: богатыри — не вы». Они искали гармонии, а не чувства меры, битвы, а не обыденности. «Хочу я с недругом столкнуться, / Размявши плечи у огня, / И никому не дотянуться / До гривы Красного коня!» Такие вот «деревенщики» были (и есть!) у нас на Руси...

сентябрь 2010

Прекрасное должно вернуться

Заметки о молодой литературе

В сорок лет падают в ладони первые плоды жизни. Те, что вызрели на древе познания добра и зла. Наливные яблочки, червивая падалица, а то и вовсе голые (пустоцвет) ветви...

В сорок лет всё видится по-другому. Совсем не так, как в двадцать. Если бы можно было соединить нынешнюю умудрённость и тогдашнюю свежесть!.. «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?!..»

Чувство времени бьется в сердце молодого писателя. Чувство жизни — как океан, кажется, что ему никогда не будет конца (берега). Но будет и берег, будет и смерть, будет и бессмертие... наверное...

Чтобы чего-то добиться в литературе, нужно очень рано стать самим собой. Созреть — социально, творчески, эстетически. Различать белое и чёрное в искусстве не по указке «авторитетов» (часто дутых), и не по сложившейся моде, и не искреннему заблуждению, а по подлинной их цене. Подлинность, а не мнимость. Иерархия. Это и рождает требовательность — к себе и другим.

Евгений Москвин — молодой человек с блестящими литературными способностями. Он одарен чувством слова, начитан и целеустремлён. Закончил экономический факультет МГУ, а работать пошел курьером — несколько дней в неделю, чтобы были средства на карманные расходы и время для создания задуманного романа. Какая уверенность в себе, в своём призвании, предназначении!

Роман «Большой круг» написан, теперь рукопись путешествует по издательствам и редакциям литературных журналов. Что приятно удивляет в этом произведении? Благородство изложения, стремление дать жизнь действительно большим идеям, вера в искусство и творчество. Москвин пишет так, будто рядом и нет современных «властителей дум» — К. Собчак, О. Робски, С. Минаева... Он живет в пространстве большой культуры, иногда, впрочем, словно забывая о реальной жизни. Удивительно: как бы ни топтали творцы и участники масскульта всё живое и настоящее, ростки подлинного искусства всё равно пробиваются после работы «асфальтоукладчиков». Но сам Москвин, кажется, уже сегодня вполне понимает — его щедрый литературный дар не только спасение,

но и наказание. Стать писателем сегодня — значит сознательно отказаться от устроенной и благополучной жизни.

...А что, у наркоманов жизнь устроенная? Но тоже «делают свой выбор». Наркотики — кайф, и творчество — «кайф». Какая, мол, разница. Ради «кайфа» можно многим пожертвовать, поступиться — семьей, достатком, домом, родиной...

Среди многих нынешних определений литературы как-то потерялось одно — общественное служение. Большой писатель — великий труженик, создатель и строитель духовных миров, которые приютят многих и многих, утешат бедных, дадут опору слабым, позовут на подвиг отважных. Когда и как — от необходимости самовыражения (пусть зачастую и очень талантливого) появляется это чувство ответственности — отдать другим то, чем богат сам?! И вот уже литератором движет не соперничество или тщеславие, а осознание необходимости повседневной высокой работы. В общем-то, по большому счету, бесполезной — если судить по видимому результату. Потому что торжествует пластмассовая мертвечина — глянцевые журналы, пустые телепередачи, книги медийных авторов. А самый высокий род литературы — поэзия — живая, настоящая — кому она нужна?! Разве что самим поэтам. Да ещё жалкой кучке «верных», которые спасаются, «греются» возле их огня.

* * *

Но есть литература, и есть — успех. С большим опозданием (уже отшумели фанфары) обратилась я к книге Алексея Иванова «Золото бунта» (2005 год, «Азбука»). Первое и очень сильное впечатление — как хорош язык! Органичен, и без всякой натуги. Второе впечатление — как много физиологии и грязи. Для достоверности? Для реализма? (Это в приключенческом-то романе?!) В-третьих, автор — завидный мастер сюжета. Как легко барка судьбы главного героя сплавщика Осташки Перехода путешествует по реке жизни!.. Но и здесь — обидная торопливость, небрежность.

Как относиться к этому роману? Компьютерная игра, «вариации» на бумаге? И откуда эта убеждённость автора, что с историей, с прошлым можно делать всё, что угодно?! Литература — это ведь игра, не правда ли?! И вся жизнь — игра... Ничего святого. Сакрального. Запретного. Так почему бы в историю и не внести лишнюю путаницу?!.. Не устроить некое фэнтези по мотивам пугачёвского бунта?

Но имеем ли мы право множить хаос, затемнять смыслы? Для личного тщеславия, «славы», для развлечения читателя?!.. Самое удивительное, что автору с его дарованием по плечу самые трудные задачи. Но, похоже, А. Иванов предпочитает довольствоваться малым — игрой и развлечением.

Главный герой романа Остафий Переход разве знаменует собой тогдашний тип сознания? Нет. Это автор в одеждах конца XVIII века, в «декорациях» того времени разворачивает перед читателем «экшен». С размахом. С талантом. С умом. Но... Это всё-таки за чертой настоящей литературы.

«Полно, — скажет нам издатель, — какая литература?» Какая работа на будущее? Нужно сладострастно выжать из полученной жизни всё, «до капельки». Второй попытки не будет. Да и первая может закончиться в любой миг. Мы все знаем, что нынешнее торопливое бытие может рухнуть в любой миг, любой час.

1 литр бензина «съедает» 12 кг кислорода. США давно уже «съели» весь свой кислород и живут тем, что объедают других. Воду мы пьем из бутылок — в открытом водоеме она нам кажется «неестественной». Скоро будем покупать и воздух...

Счастье или успех? А успех — это удовольствие. Съешь, сколько сможешь. Не сколько хочешь, а сколько сможешь. Успех — путь к комфорту. Гигантские аэробусы ежедневно сжигают тысячи тонн авиационного керосина, везут туристов, чтобы те «посмотрели мир». Праздно шатающие отнимают воздух у ныне живущих...

И что же, не летать на самолётах? Не гонять на джипах? Не печатать миллионы одноразовых книг и журналов — тоже ведь гибнут леса, деревья?! И всё это — ради успеха...

А как же «общественное служение»? Писатель — это общественное служение. Лев Толстой, например. Да ведь «общества» нет!.. Кому служить? Каждый — осознанно или неосознанно — живет в предчувствии исчезновения воды и воздуха, земли и леса, живет сам по себе, тянет одеяло. И есть только «личный успех», личное удовольствие. А общество — это рынок, где нужно успешно продаваться. Если ты продаёшься (например, твоя книга), значит, ты нужен людям. Нет — ты графоман или неудачник. Не пробился...

Рынок — критерий истины. Рынком востребованы дорогие автомобили, турпоездки на Сейшелы, глянцевые журналы, многопрофильные торговые центры, телешоу. Рынок спешит. А вдруг завтра грянет кризис и удовольствия придется ужать? Рынок, в общем-то, знает, что это безумие кончится, рухнет, что жизнь в «духовный кредит» не может не потребовать расплаты, но всё равно рынок гонит людей потреблять новые порции удовольствия. Во всём.

Рынок поглощает, переваривает культурную продукцию — книги, фильмы, музыку... Так «устроен» мир. И ты, пишущий человек, должен органично войти в это коллективное безумие. Вписаться. Должен «не грузить», развлекать, нести удовольствие, удивлять, быть свежим, здоровым и неожиданным.

Эти корчи «рок-музыкантов», культурных маргиналов на обочине жизни, что-то поющих про ад... Бога нет, и нет иной цели, кроме удовольствия. (Конечно, у бедных — другая цель — поесть и одеться, иметь крышу над головой. Бедным не до книг. У них — нужда. Бедная среда не рождает успешных писателей. Писатели живут на Рублёвке. Бесятся с жиру. А если и мучаются, то только для того, чтобы стать успешными.)

«Успешные писатели» (самые успешные, которых усталые, измученные женщины читают в метро), чем они хороши? Они показывают путь к успеху. «Не грузись» мировыми проблемами, строчи детективы в «бригаде». Замкнутый круг — читатели, стремящиеся к успеху и писатели, выдающие рецепты оного. Они милы и понятны друг другу.

Религия, церковь? А почему бы и нет, если это способствует «успеху»?

Хорошо, а если не успех, то какой критерий?

Это смешно, но в век нанотехнологий и авиационного туризма критерий тот же — 10 заповедей.

1. Не успех, а Бог главное в жизни.
2. Не сотвори кумира (из «успеха» и денег).
3. Люби ближних, а ближние — это те, кто тебя читают. Но если ты на них смотришь, как на источник успеха (дохода), разве это любовь?!
4. Богопознание — первая обязанность человека.
5. Чти отца и мать, т. е. литературную традицию.
6. Не убий (в том числе и героя своих произведений — ради «развития сюжета», и читателя, который будет «убивать время», читая тебя).
7. Не прелюбодействуй — т. е. не конъюнктурь в творчестве, не потакай рынку, толпе и медиа.
8. Не укради. Живи результатом своего умственного труда, не плагиатствуй.
9. Не лжесвидетельствуй. Не создавай ложные миры, оправдывающие твою духовную немощь.
10. Не завидуй другим...

А пока деятельность человека убивает кислород, отравляет воду, уничтожает леса, приводит к исчезновению растений, рыб, бабочек, жуков. Но, значит, и человек меняется? У него уже больше нет будущего (жизни вечной), есть только настоящее, «успех»? Потому и писателей с «претензиями» что их будут читать через 50 лет, почти не осталось.

Потому и учреждаются литературные музеи «при жизни», а памятники ставят «по горячим следам». Сегодня или никогда. Слово больше не принадлежит будущему, потому что будущего нет.

И что же, ты — такой талантливый и одарённый, будешь жить «по заповедям» и прозябать, а у других, сумевших эти заповеди переступить (а может, они и не подозревают об их существовании?) — успех?!.. Яркий, шумный. А победителей — это всем известно — не судят. В литературе остаются те, кто побеждают. Эпатаж — самый краткий путь к победе...

Но вот в «Лит. России», в критической статье, цитируют стихи Бориса Ильина. Автор — молодой человек 23 лет. В принципе, стихи — норма для 70-х — начала 80-х. Но всё так разрушено с тех пор! И серьезность с целомудрием воспринимаются как сногсшибательный талант. Критики и рецензенты об этом не говорят. Но в подтексте звучит: «Да как же это ты, милый... В таком дерьме (что вокруг) не запачкался... Да откуда же ты?..» И т.п. Ну, действительно, жить в окружающей канализации и писать так, будто «Дома-2» нет. Собачки с её назойливым развратом — нет. Какой же запас духовного здоровья надо иметь!..

Наслаждаюсь, счастливый, горами скалистыми.
Вся поэзия – цепь высочайших гор.
Здесь великими становятся органистами,
Сотрясающими музыкой скалистый собор.
Впечатленья поспешно схватив, я быстро
Перекладываю на музыку душу мою.
Но беспомощно путаюсь в органных регистрах
И – растерянный, молча в горах стою.

Оказывается, как это легко — подняться на вершину, «проснуться знаменитым»: нужно только не запачкаться в дерьме — в самые опасные (молодые) годы жизни! В тех экскрементах, куда тебя те же модные критики и пихали — мол, это современное искусство. Борис Ильин — очень талантлив, но главное (в России много талантов), он сумел сохранить цельность и ясность восприятия мира. А это — большая редкость.

...Смотрела с балкона: дети играют на площадке. Девочка, маленькая, гибкая, в красном платьице, лазает по «кристаллу», по перекладинам... Симпатичное, невинное дитя. Кудряшки золотые, наивная грация. Неужели и её жизнь отравят? И никогда она не поймёт, что «поэзия — цепь высочайших гор...»

* * *

В творчестве — поэт, писатель, художник будто бы постоянно (часто неосознанно) возвращаются к чувству благодати, испытанной когда-то, в момент творения. От этого — повторы, самоповторы. Они очевидны для читателя и для зрителя, а для творца — они каждый раз внове, и он, возможно, не в силах сдержать свои чувства (слёзы).

С годами ослабевает зрение, слух, память, хуже становится реакция, и уже площадка «переживания», и сильней — слёзы, которые захватывают художника. Ему с годами это чувство возвращенной благодати дороже тех эмоций, что он переживал в юности.

В юности есть дар, осознаваемый только в зрелости и в старости. Чудесно рождалась проза — без расчета, идеи, кажется, только по настроению, рождалась из воздуха, из ничего, из одних только органов чувств; но эта проза была напитана и идеями, и образами, и настроениями, и всё это сцеплялось чудесно. Органично. Так что невозможно это было объяснить.

В поздних произведениях появляются и «идеи», и «опыт», и расчет... Но чувства наивного творения нет, и тоска по нему — может быть, самое безотрадное переживание художника.

Так думала я, читая Веру Хохлову. Ей 18 лет, живет в Рязани. Её стихотворение «Черёмуховый сон», напечатанное в «Литгазете», поразило меня необыкновенно.

Спит деревня, никем не разбужена,
Два десятка лесных теремов,
И черёмухи влажное кружево
Опустилось на окна домов.

И, вплетаясь в узоры наличников,
Опадают на землю цветы.
Здесь не сможешь увидеть различия
Между прошлым и будущим ты.

И не сможешь не выйти из терема
И не встретить меня у крыльца,
Не сказать, что мечта не потеряна,
Не смахнуть две слезинки с лица...

Кто простит мои глупые промахи,
Кто расслышит в словах моих стон?
Спит деревня в тумане черёмухи
И сама превращается в сон.

Есть какое-то внутреннее зрение, помимо того, обычного, что дает счастье видеть небо, землю, деревья, траву, дом... А внутреннее дает чувство родства, узнавания. Удивительно, как в 18 лет можно всё это почувствовать — древний русский миф, языческую красоту и ужас наступающих последних времён! И всё это сопряжено с чистотой юности, с тем особенным, ясным зрением — наивно-влюблённым, кажется, что обнимающим весь мир, и видящим в нем — даже обреченном на гибель — только счастье жизни и красоту. Кажется, что это стихотворение даже пахнет черемухой — её холодновато-белоснежным цветом, пьянящим ароматом весны, юности... Счастлив тот, кто бережет свою честь смолоду и проживет жизнь нравственно и безоглядно.

* * *

Вот я сажусь в лодку, вот отталкиваюсь от берега веслом, вот ухожу — дальше, дальше — по водной глади, а там, на берегу, остается и отдаляется то, что сиюминутно — каждый день — волновало меня, а на самом деле — заслоняло жизнь. Писатель создан для творения, рождения красоты, ему нужна безсуетливая свобода. Только в ней рождается цельный образ, будто омытый водой лебедь, и вот уже он летит, широко и свободно расправляя крылья...

Что за чудо — быть самим собой, принадлежать себе. И жить для того, для чего ты предназначен.

Настоящая писательская работа не ставит никаких рамок. Ты свободен, как человек, впервые попавший в горы, и не представляющий толком, как и на какую вершину нужно взойти. Все они высоки, прекрасны и недоступны, а ты — жалкий человек!..

Но это же чувство свободы позволяло пережить резкие, ни на что не похожие, минуты понимания мира. Именно эти мгновения и переплавлялись потом в творчество, всё остальное родило только уныние, тусклые очерки, «любопытные», но лишенные «телесности», красоты и силы. О, эти мгновения счастья! Это они рождали стихотворные строки, заставляли учащённо стучать сердце. Бог есть!..

«Образовывать в себе из даваемого жизнью нечто истинно достойное писания — какое это редкое счастье — и какой душевный труд». Иван Бунин, «Лика».

Это твоя внутренняя жизнь, твоё нестойкое — кто знает, может быть, ложное — счастье.

А внешне? Каков твой успех?

В сорок лет ты подводишь промежуточные итоги жизни, двадцать лет из которой прошли в постперестроечной чуме. И ты понимаешь, что твой успех — это сто читателей. Книжка, изданная таким тиражом за свой счёт, разошлась за неделю и, действительно, была признана толковой и нужной. Без всякого «пиара».

Но это были не случайные руки. Твои читатели — если вдуматься, лучшие люди, которые встретились тебе в жизни. Это они сделали жизнь осмысленной, а временами возвышенной и одухотворенной. Это люди чести, долга, идеи, для которых на первом месте всегда стоял духовный интерес. Их работа, их жизнь стала кристаллической решеткой, опорой, сдерживающей окружающее безумие от окончательного погружения в хаос. Напротив, стали появляться даже некие «просветы»... Благодаря этим людям ты по-прежнему ищешь правду, хотя были годы и месяцы, когда не хотелось жить, а не то что тратить время на какую-то писанину. Это настоящие, отборные люди — среди них нет ни одного лжеца, духовно-грязного человека.

Кто из людей «успеха» может похвастать такими читателями?!

* * *

У молодости нет груза прошлого, а будущее — это всего лишь дорога, которую нужно пройти споро и весело. Молодость не знает, как было раньше, зато она чувствует — в лице своих лучших представителей — как не должно быть. Молодость хочет устроить жизнь справедливой, потому что молодой человек, как правило, человек добрый — у него много сил, желаний, таланта, времени — и ничего этого пока ничуть не жаль...

«Вряд ли в Первопрестольной поймут, какие чувства испытывает сибиряк, когда его нога ступает на Красную площадь, — пишет мне Алексей Леснянский (1982 г.р., образование высшее, в 2004-2005 гг. служил в гвардейской бригаде быстрого реагирования). — Для нас святые чудеса Москвы, может быть, сто крат дороже, чем для самих столичных жителей. Знаете, я на Златоглавую изрядно нападал в очередном романе, но это всё от любви и благоговения перед ней... Сбрасываю Вам «Дежурных по стране». Если сочтёте роман полезным для страны, то, пожалуйста, употребите его по назначению... А напоследок я перед Вами буду хвастать. У нас в Хакасии блестящая молодёжь. Почти сплошь. Многих, очень многих я уже видел в деле. Если кто-нибудь рядом с Вами полагает, что с Россией всё кончено, то передайте ему, что у нас думают совсем иначе».

Вот — характер! Настоящий, сибирский. Вот уж точно: кто как живет, тот так и пишет (афоризм Валентина Сорокина, руководителя Высших Литературных Курсов). Роман Алексея Леснянского — при всех его «технических» несовершенствах — покоряет главным: это живая, молодая, созидательная литература! Энергия бьет через край. Это абсолютно мужская проза — по своему благородному мироощущению, по жажде высокого идеала, по желанию преобразить мир, страну. Что тут можно сказать?! Молодец!

«Дежурные по стране» — это студенты, молодые люди, для которых Россия — не пустой звук, не «место проживания», а действительно Родина, которую они хотят спасти, сохранить, преобразовать. Родина великих людей и больших идей. «Предвосхищая события, скажем, что однажды молодые ребята запасутся терпением, резиновыми сапогами и начнут без устали маршировать по бескрайним просторам государства в поисках одинокой повозки по имени Россия. Отыскав её, они займут вакантное место ломовой лошади и попробуют сдвинуть все четыре чёртовых колеса с мёртвой точки. А если ничего не получится сдвинуть (ведь и такая может случиться оказия), то, — будем надеяться, — никуда больше не пойдут, но останутся, при разгрузке ненужного хлама надорвутся, а потом займут круговую оборону и хотя бы попытаются сохранить то добро, которое было накоплено предыдущими поколениями...»

А тем временем затрещали мировые финансовые рынки, закачались отечественные «пирамиды», и всё чаще стали раздаваться голоса, что жить надо по средствам, что реальная экономика — основа страны, а реальная литература — тоже, вроде бы, нужное дело...

Если Россия до сих пор не погибла, не распалась, не была растерзана на ещё более мелкие части, то лишь потому, что в общем хлюпающем болоте так называемой сегодняшней «культуры» всё еще есть «островки», твёрдые «кочки», опоры, колышки, «сваи», которые нравственно держат страну. И, как во все другие времена, надежда на молодых: ребята, в ваших руках пока вроде бы ничего и нет, но на самом деле от вас зависит всё! Пишите ли вы остросюжетные социальные романы, как Алексей Леснянский или лирические стихи, как ещё один сибиряк, Василий Попов, вы делаете одно дело — нравственно укрепляете народ, утверждаете красоту, а значит, защищаете родину. Точно так же, как это делали до вас воины на Куликовом поле и в Великую Отечественную. Точно так же, как Гавриил Державин и Александр Пушкин, Сергей Есенин и Александр Фадеев. Да, таланты и дарования у всех разные. Но мужество, отвага, благородство, красота, любовь — в этих качествах можно никому не уступать!

Не говори мне ничего, не надо,
Когда луна сияет за окном.
Когда по телу лёгкая прохлада,
Проводит нежно шёлковым платком.

Когда давно сказали мы глазами
Друг другу слово нежное «люблю»,
Когда уже пространство между нами
Сейчас вот-вот приблизится к нулю.

Не говори, послушай небосклоны,
Они-то знают, что земля жива.
Пускай за нас весь этот мир огромный
Роняет тихие вокруг слова...

И лишь свеча во мгле не говорила
Не понимала одного она:
Как получилось, что двоим светила,
А тень лежала на стене одна?

Говорят, что красота — это чувство Бога. Стихи из книги «Голос тишины» Василия Попова. Студент Литинститута, родом из Ангарска, что в Иркутской области...

Мы ведь сегодня забыли, как должен выглядеть русский человек, какие качества он должен нести! А в лучших произведениях молодых писателей лирический (и эпический) герой — мужественен и нежен, деятелен и отважен. И — духовно и физически красив. А ведь красивые люди и впрямь — имеют право. Это не похвальба красотой (бывает, что красивые люди и не понимают силы и значения своей красоты). Это словно извне идёт — он, красивый и одарённый, добрый и великодушный, должен быть первым! Словно природа его послала (или Бог) как образец, недосягаемый идеал человечеству.

Но молодые писатели, о которых я говорю, это, наверное, исключения, а не правило. Потому что «типичный герой» современных «новых» писателей часто убог и жалок. А бывает, что и просто мерзок. Почему так? Виновато время, лишившее их кислорода, чистой воды, мягкой травы? Или новые писатели потеряли «вертикальные нравственные связи» — во времени и пространстве, в России и в мире? А может потому нам кажутся убогими их герои, что мы, в отличие от них, еще помним иное время, иных людей?!

Поэт Николай Дмитриев (ныне уже покойный) в стихотворении «На строительство храма Христа Спасителя» писал в 2000 году:

Храм возводится, нищих плодя.
Положили кирпич — застрелился
Офицер молодой, не найдя
Ни буханки в семью — как ни бился.
Кто-то сытый, из новых, из этих,
— Возрождается Русь! — говорит.
Купол краденым золотом светит,
Словно шапка на воре горит.
Но, конечно, святыней он станет,
Средоточием вечной любви —
Новый век, встрепенувшись, вспомянет
Тот замес на слезах и крови.

Наша новая литература тоже замешана на слезах и крови — тех, кто не пережил развал СССР, разгром культуры, науки и образования, информационную «атомную войну», нашествие воров, циников и пошляков. Да и сами мы за каждое наше слово, если вдуматься, платим кровью, слезами и жизнью.

Будет ли наша новая литература спасительной для человека? Не знаю. Но красота должна вернуться в нашу жизнь. И без волевых усилий, без преобразования наших социальных условий, это, похоже, невозможно...

4 ноября 2008

Наш современник доктор Чехов

— Да, Антон Павлович, вот скоро и юбилей ваш будем праздновать!
— Знаю-с я эти юбилеи! Бранят человека двадцать пять лет на все корки, а потом дарят ему гусиное перо из алюминия и целый день несут над ним, со слезами и поцелуями, восторженную ахинею!

Из воспоминаний Ивана Бунина

«В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли», — эту свою заветную мысль Чехов вкладывает в уста доктора Астрова из пьесы «Дядя Ваня». Впрочем, красоты внешней и прекраснодушия мало, поскольку «праздная жизнь не может быть чистою». Надо трудиться — в этом смысл жизни русского интеллигента.

Вот такую программу — простую, ясную, и оттого сложновыполнимую начертал своим читателям Антон Павлович. И прежде чем обозреть, как эти заветы воплощаются в наше бурное время, зададимся вопросом: а каким человеком был сам писатель?

Художник Константин Коровин так вспоминает Чехова-студента: «Он был красавец. У него было большое открытое лицо с добрыми смеющимися глазами. Беседуя с кем-либо, он иногда пристально вглядывался в говорящего, но тотчас же вслед опускал голову и улыбался какой-то особенной, кроткой улыбкой. Вся его фигура, открытое лицо, широкая грудь внушали особенное к нему доверие, — от него как бы исходили флюиды сердечности и защиты...»

Коровину вторит Иван Бунин, часто встречавшийся с Чеховым в последний, ялтинский период его жизни: «Он мало ел, мало спал, очень любил порядок. В комнатах его была удивительная чистота, спальня была похожа на девичью. Как ни слаб бывал он порой, ни малейшей поблажки не давал он себе в одежде... Со всеми он был одинаков, какого бы ранга человек ни был». А вот что пишет о Чехове Куприн: «Я увидел самое прекрасное и тонкое, самое одухотворенное человеческое лицо, какое только мне приходилось встречать в моей жизни».

Чехов — его лицо, одежда, душа, мысли — в лучшие моменты жизни был прекрасен, как прекрасны были и его вершинные творения: вдохновенная «Степь», поэтически-трагический «Вишнёвый сад», пронзительная повесть «Три года»... И эта высота человеческого бытия, высота поступка (чего стоит одно «самоубийственное» путешествие на Сахалин!), высота осмысления и творчества и по сей день остаются во многом непревзойдёнными, и потому мир идей и чеховских характеров, конфликтов является столь притягательным для наших современников. Сам писатель считал, что после смерти его будут читать семь лет, а потом забудут. Это не самоуничижение и не излишняя скромность — Чехов верил, что красивых людей и красивых художников станет больше, и говорил Куприну: «Как хороша будет жизнь через триста лет!»

Он был беспощадно-требователен к себе и верил в человека, не приукрашивая, впрочем, его, и уж тем более не выступая жестоким судиёй. В прозе и драматургии Чехов вольно или невольно следовал заповедям своей первой профессии: не навреди, помоги ближнему. Строгий доктор — лечит, а не жалеет, и пропишет горькое лекарство не из «вредности», а для победы над недугом. Таковы его хрестоматийные рассказы «Ионыч», «О любви», «Дама с собачкой», «Крыжовник», «Анна на шее», «Невеста» и многие, многие другие.

Художник глубоко национальный, русский, вышедший, как он говорил о себе, «из пролетариев», он легко (так теперь нам видится из временного далека!) перешагнул границы государств и культур, завоевал все мировые драматургические сцены, дал нестареющие сюжеты кинематографу, и, без сомнения, внёс свой вклад в то, что называется «загадкой русской души». Удивительный путь — от юмориста-забавника Чехонте до писателя, который своё творческое кредо сформулировал так: «Литератор не кондитер, не косметик, не увеселитель; он человек обязанный, законтрактованный сознанием своего долга и совестью».

В Чехове был нравственный идеал достоинства и благородства. Некоторых сегодняшних художников влечёт эта духовная высота, и они относятся к писателю с благоговением; другие, напротив, стремятся низвести чеховские произведения (особенно достается пьесам) с заслуженного пьедестала, развенчать и опошлить их героев. Ничего нового в последнем пути нет: он порождён качествами, противоположными чеховским — глубочайшим самомнением и некритичностью к себе, неверием в человека и нежеланием трудиться — то есть взращивать прекрасное. (Кстати, Чехов это делал не только за письменным столом. В окрестностях Мелихова он организовал посадку тысячи вишневых деревьев, а ещё на голых лесных участках здесь появятся лиственницы, вязы, клены, сосны и дубы.)

Современность Чехова и в том, как легко он завоевал новейшее из искусств — кинематограф. Отметим выдающиеся, на наш взгляд, ра-

боты зарубежных мастеров последнего времени. В этих фильмах нет буквального воспроизведения чеховских рассказов и пьес, но влияние писателя, его идей — несомненно. Картина Стефана Арсениевича «Любовь и другие преступления» — дебют молодого сербского режиссера в полнометражном кино, уже собрала несколько наград на престижных фестивалях. Фильм показывает реалии «дикого капитализма» в постсоциалистическом Белграде. От Чехова здесь — неоднозначность и сложнохарактерность героев, фильм оставляет долгое «послевкусие», он заставляет думать...

Писатель сумел очень точно передать бессмысленность тщеты жизни, драма думающего интеллигента отражена им с непревзойдённым мастерством. И фильм узбекского режиссера Ялкына Туйчиева «Безмолвие» — иллюстрация к русской классике в современных восточных интерьерах. Известная актриса Лобар с утра до вечера погружена в виртуальную реальность. В театре у неё «Три сестры», в кино — сериал, на телевидении — реклама майонеза... Расплата неизбежна: наступает безмолвие (или пустота) бытия, и только смерть матери отрезвляет актрису: тепло родных рук дороже глянцевой известности.

Живая, трагикомическая картина «Разговоры о пустяках» Владимира Краева для многих оказалась откровением — режиссер создал выдающуюся киноверсию «Дяди Вани» на современном болгарском материале. Действие фильма происходит в первые месяцы после вступления страны в Евросоюз. В провинциальном захолустье, где на двести верст в округе нет ни одного младенца (зато есть огромное кладбище и психиатрическая больница), работает доктор, который покинул благополучную Канаду и вернулся в эту «дыру». Режиссеру удалось совместить в своей ленте разные миры — чеховскую вдумчивость и пронзительность, бытовую и политическую жизнь современной Болгарии, славянскую доброту, юмор. И всё это пребывает в художественном единстве, гармонии. Оказывается, «осовременивание» Чехова может быть и таким — не опошляющим, а возвышающим!..

И тут, конечно, вспоминается и наш, «советский» «Дядя Ваня», снятый Андреем Кончаловским сорок лет назад. Режиссер рассказывает, что вопрос о картине в Госкино решился легко: «Единственное, что от меня потребовали — не искалечить пьесу». Как знать, может быть, потому фильм и живёт до сих пор... В нашу бесцензурную пору Кончаловский поставил в Театре имени Моссовета нового «Дядю Ваню», и фото с премьеры, напечатанное в одной из газет, проиллюстрировало идею «Чехова наоборот»: в человеке (женщине) всё должно быть ужасно — и одежда, и «поза», и душа. Что же касается содержания спектакля, то

доверимся оценкам известного театрального критика: «Представление в Театре имени Моссовета выглядит так, будто пьесу Чехова режиссер после школы не читал, о ее культурном шлейфе представления не имеет, зато недавно начал ходить в театр, увлекся и теперь хочет попробовать всякие штуки, которые увидел у других. Отчего спектакль выглядит, с одной стороны, собранием стереотипов и общих мест, а с другой — сборником глупостей».

Что ж, такая эволюция режиссера — от добротной иллюстрации к заурядной клоунаде — вполне в духе некоторых героев Чехова. История этой нравственной болезни, деградации человеческого духа, писателем воссоздана с непревзойдённым мастерством. Да и сам он говорил, что «в природе из мерзкой гусеницы выходит прелестная бабочка, а вот у людей наоборот: из прелестной бабочки выходит мерзкая гусеница». Не всегда, конечно: сам-то он был примером совершенно иного развития.

Чехова трудно постичь: писатель, редко употреблявший слово «свобода», он всегда предоставлял читателю право выбора. Чехову претит наставительство, он избегает поучений, и даже свои лучшие чувства — возвышенные и поэтические — зачастую прячет за маской скепсиса и иронии. И в то же время Чехов, пожалуй, один из самых демократичных писателей: он, как хороший врач, принимает всех «пациентов», вне зависимости от тяжести их недугов, и уж, тем более, не обращая внимания на их культурный или социальный ценз.

Творчество писателя давно уже стало «объективной реальностью», которую вне зависимости от личных вкусовых пристрастий теперь уже нельзя миновать. Вот почему Чехов, спустя 150 лет со дня своего рождения, остаётся нашим современником. И, похоже, мы ещё долго будем нуждаться в этом строгом и взыскательном докторе.

январь 2010

Время Бояна

Поэзия Валентина Сорокина похожа на утренний летний луг, наполненный цветением, росой, пением птиц, солнцем и радостной силой молодости:

В этих белых рощах соловьиных
Бродит лось, доверчивостью смел,
Я в стихах, как в золотых былинах,
Всю тебя, глазастая, воспел...

Давным-давно, в свои 16 лет, в провинциальном городке Калач, что в Воронежской области, купила я, сэкономив деньги на нескольких школьных завтраках, томик стихов «Посвящение». Сразу, с первого прочтения, запомнились строки:

Полюби меня крепко,
Чтоб единой судьбой,
Словно дерево с веткой,
Был я связан с тобой.

Я училась в Воронеже, уехала работать в Москву, и везде возила с собой два мешка книг — личную библиотеку, составленную преимущественно из классики. Скажу честно, я не знала ровным счётом ничего о поэте Валентине Сорокине — его не показывали по телевизору, не рекламировали в СМИ. И потому я решила, что он из плеяды поэтов, рано ушедших из жизни:

Над головою вскинув руки
Стою один среди полей.
Как человеческие муки,
Я слышу
крики журавлей.

В августе 1995-го абитуриенты во дворе Литинститута шумно обсуждали перспективы поступления — экзамены позади, осталось только собеседование. Я отвлеклась от разговора — мимо шёл человек — стремительная походка, тёмно-синий костюм, посеребрённые волосы, благородное лицо. Он мельком взглянул в нашу сторону, и меня поразили его глаза — в них было столько доброты, силы и страдания! Я совершенно точно поняла, угадала, почувствовала: это — необычный человек, доселе такие люди мне никогда не встречались! В его глазах было что-то отрешённое от сует повседневной жизни и в то же время невероятно, непостижимо красивое. В эти же секунды я твёрдо решила: я буду учиться только у этого преподавателя! Волна радостного предчувствия захлестнула меня: какое счастье, что здесь, в Литературном институте, есть такие люди!

Первого сентября на традиционном студенческом митинге я узнала, что человек, так поразивший моё воображение — «ушедший из жизни» поэт Валентин Сорокин...

* * *

С ужасом думаю я теперь: что было бы со мной (и с десятками, сотнями молодых литераторов), если бы не было в нашей судьбе этого красивого и сильного русского поэта?! Валентин Сорокин — духовный человек, и он разительно отличается от большинства людей, в том числе и творческих. В его стихах нет ханжества, назидательности или мнимого смирения. Нет притворства и сконструированного модернизма. Он — настоящий, самобытный и очень яркий поэт, с потрясающим темпераментом и не заёмным гражданским мужеством:

Разве я в мартене, на Урале,
Мог подумать, укрощая сталь,
Что кремлёвцы острова продали,
Синеву славянскую и даль.

Будто бы в мистическом тумане
Вместо белокрылых лебедей
Обезьяны пляшут на экране,
И трясут хвостами средь людей.

Слово Валентина Сорокина — подлинное, в нём чувствуется мощь поколения, которое отправляло в космос Юрия Гагарина, возводило новые города, плавило сталь и читало умные книги. Это теперь на шлеме первого космонавта «замазана» аббревиатура «СССР», металлургические заводы проданы иностранцам, а книжный магазин на центральной

площади Калача закрыт. Подлинность тоже не в чести: вместо реальной государственной работы — разговоры о «модернизации», да имитация бурной деятельности:

«Я, например, не вижу ничего скверного в том, что президент России Владимир Владимирович Путин через каждый час на экране встречается с министрами:

— Как дела у нас в автосервисах?

— Лучше, чем в прошлом году. Багажники чистим!..

— Спасибо.

Или:

— Как дела у нас в капустном хозяйстве?

— Лучше, чем в прошлом году. А этот год — год свиньи, хряков!..

— Спасибо.

Или:

— Как дела у нас в Чечне?

— Вчера обнаружили новый оружейный схрон басаевцев.

— Спасибо. Хорошо».

Это из очерка «Макаки в полумраке», написанного поэтом аж в 2005 году. И что изменилось с тех пор в государстве нашем?!

Мы, простые смертные люди, страдаем от грязи и несправедливости жизни, от повседневного бесправия, от державной лжи, которая льётся с телеэкранов вперемешку с пошлостью и обжорством «правящего класса». А что же должен чувствовать поэт?! Каково ему, живущему болями своего народа? И как сохранить дар красоты, дар слова в цифровую эпоху, когда уроки поэзии в школах заменяют занятиями по информатике, когда кажется, будто уходит, истончается само чувство любви, а «покорённая» природа мстит человеку за его хапужество остановкой Гольфстрима и разрушительными землетрясениями, таяньем арктических льдов и массовой гибелью птиц?!

* * *

Валентин Сорокин — действующий поэт. Удивителен его диапазон, палитра возможностей: от романтической лирики до эпических поэм «Дмитрий Донской» и «Бессмертный маршал» (о Георгии Жукове), от политической сатиры и эпиграмм (книга «Сувенир», 2008 год) до острозлободневной прозы (сборник рассказов «Первая леди», 2007). А ещё собрание стихов и поэм «Здравствуй, время!» (2010) и вышедшая в том же году книга очерков «Макаки в полумраке»... Валентин Сорокин всегда идёт в «огонь», в «бой», но это его качество — не от природной задиристости или вкуса к скандалу, а от стремления к справедливости, к отставанию художественной правды. С каким непревзойдённым мастерством он запечатлел образ телевизионной «питерской блудницы»:

Экраннопошлая двурушница,
Враги твой подвиг будут длить:
Так может только цэрэушница
В родной народ распутство лить,
Хапужеством отца увенчана,
И ты на питерском коне...
Но и тебе ведь обеспечено
Проклятие в моей стране!

Отрывки из книг Валентина Сорокина «Крест поэта», «Обида и боль», «Отстаньте от нас!..» первыми в интернет выложил Мичиганский университет. В одном из ведущих учебных и научных центров США по достоинству оценили страстность и красоту русского слова: «Настоящий литератор никогда не теряет свой душевный свет, даже в самые страшные моменты в судьбе, и не только потому не теряет, что этот свет помогает ему избежать крушения, а прежде всего потому, что свет этот — материнский свет в нем, данный ему с рождения: мать одарила его, поэта или прозаика, критика или драматурга, одарила возможностью соединять людей в окружающем нас мире, роднить их светоподобными чувствами: свет сердца, свет разума, свет слова, Боже мой, чем заменить такое действующее чудо?»

Читая эти строки, невозможно не восхититься даром поэта — ритмическим разнообразием, образностью, естественностью и невероятной правдивостью слова!..

* * *

Мир поэта Валентина Сорокина необычайно самобытен — кажется, что в нём нет границ, при том, что «правила» — эстетические, нравственные, творческие здесь очень строги. Крепкая, надёжная рифма, традиционные, «корневые» темы, устойчивое, без метаний, творческое поведение — всё это позволяет поэту быть современным, быть выше литературных «мод».

Время Валентина Сорокина пришло. Это пока незаметно, точно так же, как незаметен на телеэкранах питерский актёр Игорь Растеряев, имевший сумасшедший успех в интернете с песней «Комбайнёры», по-

священной деревенским парням-хлеборобам, или неизвестен массовой публике блогер Алексей Навальный, окрестивший «руководящую и направляющую силу» партией воров и жуликов. Народ стосковался по правде — ему больше не нужна демагогия. Время Валентина Сорокина — это мир, рождённый им в стихах, поэмах, очерках, рассказах, это его ученики (к которым я посмею отнести и себя, хотя и не пишу стихов), это десятки литераторов, получивших от него доброе напутствие в жизни, это преданные его читатели, это — сама Россия, о которой поэт сказал так:

Плачу, голову клоня,
Счастья ль, бога ль милость:
Ты под сердцем у меня
Нежно уместилась.

Очень скоро человечеством будут востребованы самые простые сущности — вода, хлеб, земля, слово, родные люди, семья, правда... Значит, настаёт время воинов и боянов, время коренных ценностей, время нравственной определённости и, увы, горьких слёз — народ наш, прошедший три стадии промывки мозгов — алкоголизацию, нарокотизацию и дебилизацию — сильно обескровлен, слаб, а значит, Россию ждут новые беды и потрясения. Будем же мужественны:

Слышу гул грядущей непогоды,
Встаньте,
встаньте у ворот страны,
Иоанна Грозного народы,
Века двадцать первого сыны!

Потому что:

Лучше встать у расстрельной стены,
Лучше в братской могиле забыться,
Но склониться к ногам сатаны
Только раб,
только раб согласится!

Размышляя о цельности и красоте поэтического мира Валентина Сорокина, я всегда удивляюсь его преданности ушедшим поэтам XX века: Сергею Есенину, Павлу Васильеву, Борису Корнилову, Борису Ручьёву,

Павлу Шубину, Дмитрию Кедрину, Вячеславу Богданову. В этом же ряду Людмила Татьяничева, Николай Рубцов, Татьяна Глушкова, Александр Прокофьев, Михаил Львов. Всем им Валентин Сорокин посвятил большие очерки, как, впрочем, и Юрию Прокушеву, Ивану Акулову, Василию Фёдорову и многим другим русским литераторам. С удивительной щедростью поэт отдаёт нравственный долг благодарения своим предшественникам и современникам. Как это не похоже на нынешние литературные нравы, когда писатели сбиваются в «стаи» и в кланы, в поколенческие «мафии», чтобы «пробиться», завладеть вниманием критиков и издателей!.. Не будем судить их строго — каждый поступает в соответствии с уровнем своего таланта, но отдадим должное щедрому дару Валентина Сорокина — поэта требовательного к себе и великодушного к другим; снисходительного к человеческим слабостям и не прощающего оскорблений ни в свой адрес, ни по отношению к своему народу.

Скорбит земля деревнями пустыми
И долларовым давится дождём...
Но мы придём пророками седыми
И витязями жданными придём.
Мы воины отрядов неподвластных,
Мы лжецарям обиды не простим:
И отомстим за матерей несчастных,
И за невест пленённых отомстим!

Но чего только не выслушивал Валентин Сорокин за последние годы о себе!.. Он и «фашист», и «антисоветчик», и «душитель талантов». Кто же это говорит-пишет? Злобные либералы? Коварные инородцы? Вовсе нет, «комплименты» поэт получает от «своих». Но где газета «Патриот», в которой были опубликованы десятки пасквилей? Она больше не выходит. Что сталось с «Дуэлью», на чьих страницах на Сорокина были вылиты ушаты грязи? Газета закрыта. Почему стремительно падает тираж «Литературной России», несмотря на старания редакции подогревать интерес читателя «жареными» темами?!.. Логика жизни неумолима — рано или поздно издания, подрывающие свой авторитет ложью и клеветой, уходят из пространства русского слова. Что же касается «Лит. России», то на свою статью «Кто как живёт, тот так и пишет» в защиту Валентина Сорокина, я получила больше десятка письменных откликов, в том числе и от совершенно незнакомых мне людей. Привожу некоторые из них, чтобы показать: слово правды — не напрасно. Оно обязательно будет услышано:

«Отдельное спасибо Вам за добрые слова в адрес Валентина Сорокина. Это сильнейший современный поэт и не понимающим что к чему, нужно напоминать об очевидном».

«Здравствуйте, Лидия Андреевна. Не без интереса прочитал Вашу статью в «ЛР». Благодарю за гражданскую смелость, твердое собственное мнение. Хочу посоветоваться с Вами. Возможно ли опубликовать стихи Валентина Сорокина? Какие лучше? Из какого надежного источника можно скопировать электронный вариант его стихов? Будет ли публикация в нашем провинциальном издании поддержкой ему?»

«Всегда вас уважал, а за статью «Кто как живет, тот так и пишет» зауважал ещё больше. Жму вашу руку».

«...А еще очень хотела высказаться по поводу Вашей статьи в защиту Валентина Сорокина. Я знаю, какой Вы боец (вот ведь никак не скажешь в женском роде, даже нет такого слова, и значит, вроде бы не женское это дело — бороться с подлостью и защищать мужскую честь), но тут — хоть руками разводи. Я поняла бы, что можно выйти на баррикады вместе с мужчинами, поддержать их, помочь. Но когда отважно, бесстрашно и в одиночку Вы выходите против «мужчин» на защиту Учителя, друга, поэта, на защиту чести и справедливости — да что же это такое? Где все? Лида, я Вами восхищаюсь бес-ко-неч-но!»

«Лида, прочитала твою статью. Ну ты просто Белинский и Герцен в одном лице...»

* * *

Мне легко писать о Валентине Сорокине — я хорошо знаю его творчество, и — трудно, всегда в его личности, в его лучших стихах остаётся тайна, что-то неуловимо-непередаваемое, непостижимое, и потому — недосказанность неизбежна. Прошли годы и годы со времени нашего знакомства в Литературном институте, и я благодарю судьбу за то, что она дала мне эту возможность — прикоснуться к миру неординарного, очень оригинального человека, доброго, ранимого и сильного.

Иногда я не ленюсь записывать афоризмы Валентина Сорокина. Его реакция мгновенна, образность — неожиданна. Вот наш диалог о будущем России:

Я:

— Ну и как нам быть?

Сорокин:

— А как века были? Возрождать русские деревни, снять с баб штаны и заставить их рожать.

А вот он говорит священнику, бывшему секретарю райкома партии:

— Ради Бога, не зови поэтов к Богу, они сами найдут дорогу!..

Валентин Сорокин размышляет о некоторых наших «богомольных» литераторах (задумчиво): «Не знаю, чего они так молятся демонстративно. Может, нагрешили сильно?»

О положении дел в России: «Страна наша похожа на разобранный свинарник». И далее, о парламенте: «У меня такое ощущение, что все наши депутаты и сенаторы рождены бабами после девятого аборта».

И, наконец, диалог о странностях любви. Я: «Женщины украшают вашу жизнь...» Поэт, продолжая: «...после сильных разрушений»...

У красивых людей больше прав на то, чтобы их слушали, чтобы они были известны своему народу. Валентин Сорокин — красивый поэт. Его стихи невозможно присвоить или приписать кому-то другому — они оригинальны и узнаваемы. Поэт не культивирует в себе самобытность, не играет в неё — таким он рождён. Уралец, он принадлежит всей России, он — наше национальное достояние, о чём пора говорить определённо и громко. Его любовную лирику, написанную сорок лет назад, сегодня открывают для себя композиторы и вокалисты (как, например, талантливый музыкант из Санкт-Петербурга Дмитрий Данилов), его поэма «Ляхи» предвосхитила общественное внимание к эпохе «Смутного времени», его публицистика и политическая сатира — всегда на острие самых жгущих болей современности.

Позволю себе завершить эти заметки одним из стихотворений Валентина Сорокина. Да продлятся дни поэта — во вдохновении, творчестве и здравии! Да здравствуют красота и русское слово! Да здравствует жизнь!

Устаю, тоскую, сомневаюсь,
Доверяя сердцу и глазам.
Никому в друзья не набиваюсь,
Сам иду, одолеваю сам.

Разве мало на дорогах грешных
Радостно
у долов и ракит
Я встречал богатырей мятежных,
А к плечу притронешься – рахит!

Высоты и пропасти слиянье,
Реки сохнут и земля горит,
Орденов помпезное сиянье
Щедро о собрате говорит...

А с незаменимых взятки гладки.
Неужели я тому виной,
Что, как поседевшие солдатки,
Слепнут звёзды за моей спиной?

Кружатся и кружатся просторы.
Птица наважденья верещит.
И куда ни кину ночью взоры, -
Меч ржавеет, костянеет щит.

Не Христос, на облаке парящий,
Это я хочу — не вдалеке
Встать над миром с розою горящей
В сильной и
не бронзовой руке!..

май 2011

Слова и цифры

В лицейский день, 19 октября 2010 года, в здании Хабаровского Дома писателя собралась литературная молодёжь. Заседала студия «Содружество». Кудрявый студент с бакенбардами, внешне очень похожий на «солнце русской поэзии», яростно спорил, доказывая, что Пушкин — «попса XIX века», миф, и вообще, весьма средний поэт. В его полемическом задоре чувствовалось, может быть, не вполне осознаваемая им самим надежда, что эту его «новую» аргументацию разобьют, разрушат, и что незыблемый фундамент русской литературы уцелеет и устоит перед грядущими бурями.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Далёк Хабаровск от Москвы, а Москва — от России... Пушкинская площадь, что в центре столицы, сжалась, дома затянуты многометровыми рекламными зазывами: предлагается купить новый автомобиль, взять в банке кредит, посмотреть американский фильм, а главное, запомнить, запечатлеть в памяти медийные лица — яркие, довольные, они приковывают внимание, и бронзовый поэт теряется на фоне этого настырного навязывания. Через неделю или месяц на рекламных полотнах будут другие машины, артисты и политики, и только Пушкин останется на месте, он пока недвижим, хотя уже не раз возникали предложения сделать под площадью стоянку для машин, торговый центр, развлекательный комплекс. Деньги должны работать, капитализация — расти.

Деньги — цифра, и они всё сильнее теснят букву — слово. В центре Москвы — мигание видеорекламы, постоянная смена сюжетов, номера телефонов на растяжках, отсчёт по секундомеру времени на переход улиц и движение транспорта. С каждый днём цифровая цивилизация отодвигает в сторону цивилизацию словесную. Когда-то, в глубокой древности, люди создали язык — как считают лингвисты, около трёх десятков слов, и с того времени спираль человеческой истории стала стремительно раскручиваться. Немота «тёмных» тысячелетий закончилась, и пусть впереди была дописьменная эпоха, «шаги прогресса» стали

ускоряться, чтобы воплотиться в знаках и символах, клинописи и иероглифах, словах и цифрах.

Конечно, и на заре цивилизаций цифра шла рядом, и всё же главным было слово. Религия и литература, философия и политика — все эти сферы, имели, прежде всего, словесные выражения. Удивительная пластичность, выразительность слова, его способность создавать и архивировать простые и сложные образы, «самовосстанавливающиеся» у читателя или слушателя, вознесла творцов художественных произведений на духовный Олимп. Великие писатели прошлого — заслуженные гении человечества. Они скрепляли пространство и время, описывали мир во всём его многообразии, размышляли о Боге и не забывали о «маленьком человеке». На страницах книг звучала музыка горних сфер и оживали картины величественных битв — пусть писатель не был композитором или живописцем, но универсальный характер слова позволял передать ему и тончайшие оттенки чувств, и грубые инстинкты, и героизм высоких натур, и нравственное падение отдельных личностей, и национальный характер целых народов.

Развитие массового образования, появление кинематографа и его бурный рост, исследования и открытия в области физики элементарных частиц, мировые войны, использование А. Гитлером манипулятивных техник в пропаганде — все эти процессы стали предвестником изменения положения роли художественного слова в обществе. Мы находимся в центре этого потока, всё ещё колеблемся на границе двух миров — цифрового и словесного, и всё же произошедшие изменения очевидны — художественное слово и его творец, писатель, уже оттеснены на периферию общественного сознания.

Как, когда и почему цифра стала доминировать? Чем это грозит человечеству, и какова роль художественного слова в заданных обстоятельствах?

Мы знаем, что мировая торговля и глобализация основаны на доминантной энергии, которой сегодня является нефть, а вчера был уголь. Совсем недавно в границах владычицы морей — Британской империи — никогда не заходило солнце, а ныне мировым гегемоном стала Америка. Лидерство в экономике, небольшие потери населения в мировых войнах, нацеленность на освоение новых технологий, всё это позволило американцам стать первооткрывателями информационной эры. Роль медиа (заказного слова, помноженного на мощь цифры) становится принципиально иной: информационные войны позволяют вести бой «малой кровью» и успешно сокрушать противника (СССР, Югославия, Ирак), а кино и телевидение легко вербуют новых сторонников, уводят их в лабиринты «фабрики грёз», очаровывают, подчиняют, лишают воли и прививают новые ценности.

А что же литература?! По большому счёту, писатели (в их традиционном, русско-советском понимании — властители дум, духовные вожди и «совести нации») чужие на этом празднике жизни. В советское время литература соперничала с религией и даже частично заменяла её. Писатели создавали новые смыслы, выговаривали идеи, вели за собой, были полководцами в идеологических битвах. Сегодня художественное слово становится лишь одним из сегментов информационного воздействия на человека, по правде говоря, не очень крупным и маловлиятельным.

Этот процесс «ужимания» воздействия художественного слова захватил всю западную цивилизацию, в России же, как в стране, судорожно догоняющей зады мирового пост-империализма, он выражен рельефней и чётче. Надо признать, что и сами литераторы этому сильно помогают: бесконечными судами и склоками вокруг остатков писательской собственности, деградацией творческих союзов, идеологической ангажированностью и готовностью служить его величеству рублю (доллару), сосредоточенностью на личных (частных и мелких) комплексах и переживаниях.

Но не исключено, что умерщвление слова и поспешная его замена на цифру у нас идёт сознательно, а не только сообразно мировым закономерностям: уж слишком литературоцентричной была наша страна. Вот и в Хабаровске одна из главных улиц названа именем Тараса Шевченко. Казалось бы, где Украина и где Дальний Восток?!.. У здания Хабаровского педуниверситета стоит замечательный памятник Александру Пушкину, и таких запечатлений в камне и бронзе на просторах страны много. Инерционное воздействие слова «писатель» на умы учителей и чиновников всё ещё огромно (какие фигуры воскрешаются в памяти — Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов!). Но «современный писатель» в России — это, скорее, имиджевая величина, чем реальная. Его личная «капитализация» связана не с качеством написанных им книг, и даже не с тиражами и количеством читателей, не с политическими убеждениями и не с эстетической новизной, а с его присутствием в медиа-пространстве. Вот почему в информационном обществе «современный писатель» тратит огромные усилия на то, чтобы мутный поток бесконечной «цифры» (интернет, СМИ, телевидение) не утопил его слово. Надеяться на то, что достойную книгу по заслугам оценит «история литературы», «будущий читатель» автор не может по той простой причине, что «перекодировка» сущностей, явлений, да и самой природы человека развивается так стремительно, что кажется, будто с окончательным торжеством цифры

наступит новая эра с некоторыми «рудиментами» прошлого жизнеустройства, в котором слово будет «словно полужесткие крепления или радиолы во дворах».

Занятия литературой ещё смутно-почётны в общественном сознании, но уже безденежны в цифровом выражении. Девальвированное в 90-е годы наплывом «бесплатной рабочей силы» (пусть даже и низкоквалифицированной) писательство не приносит даже сносных средств к существованию (на достойное вознаграждение литературного труда в нынешней России могут рассчитывать не более 30-40 авторов). Вот почему для человека, ступившего на этот безнадёжный путь, так важна задача — наращивание некоего «имени», «медийного капитала», который, между прочим, имеет вполне реальное цифровое (и денежное) выражение. Многие современные писатели, кстати говоря, работники медиа, журналисты. Роман Сенчин, Захар Прилепин, Сергей Шаргунов, Юрий Поляков — этот список можно продолжить другими именами, в том числе и моим собственным.

Почему же так сжалась, «скукожилась» роль художественного слова? Писатель (по основному месту работы — журналист) Екатерина Глушик подсчитала, что бюджет одного только фильма Никиты Михалкова «Предстояние» (снят на государственные деньги) больше, чем средства, потраченные на издание всей годовой номенклатуры художественной и научно-популярной литературы в России. «1 200 млн. рублей на один фильм... 100 тыс. наименований книг. То есть одному Михалкову выделяют столько, сколько стоило бы издание всех этих книг! В среднем — 120 тыс. рублей на книгу! Около ста тысяч авторов книг или авторских коллективов не получают сумму, что выделяется одному режиссёру. Занимательная математика. Только ли математика? Уж не юриспруденция ли?»

Очевидна протекционистская политика государства по отношению к кино и равнодушие властей к художественному слову. Не будем в данном случае обсуждать творческий результат, полученный от «Предстояния», отметим следующее: наша власть, которая ничего не делает себе в убыток, вполне осознает, что в цифровую эру кино (если, конечно, оно профессионально снято), это некая «пушка», стратегическое информационное оружие, по сравнению с которым малотиражные писания литераторов (особенно, если для писателей создать экономические условия, «несовместимые с жизнью») являются кустарными луками аборигенов, или, в лучшем случае, снайперскими винтовками. Достаточно взглянуть на прокатную историю фильма «Аватар» — его посмотрело 120 млн зрителей во всем мире, и он, без сомнения, повлиял на умы, стал духовным событием для глобализированного человечества.

С другой стороны, «ужатие» территории слова имеет отчасти и объективный характер. Точно так же, как нам не приходится ждать новых географический открытий на планете Земля, так и мир души человеческой во всем его многообразии детально исследован и описан художественной литературой, как в типическом проявлении характеров, так и в «вывихах» сознания, поведения и пр. Открытие Америки Колумбом обогатило Старый свет, колониальная Индия стала донором Британии, с африканских берегов везли рабов и т. п. — на место первопроходцев и исследователей пришли дельцы и конкистадоры. Открытия, сделанные писателями на пространствах человеческой души, позволили создать пропагандистам и политтехнологам эффективные методики манипуляции сознанием, информационное оружие, разрушающие архетипы целых нации и народов.

О том, что материк человеческой души освоен, наглядно свидетельствует так называемое «современное искусство» — дизайнерские конструкции, стремящиеся выразить одномерную, как правило, сиюминутную идею с помощью инсталляций, в которых часто применяются видеоэффекты. Эти же процессы прослеживаются и в музыке — создание компьютерных интерактивных композиций, в литературе, где популярность набирают «писатели блогосферы». Можно, конечно, отмахнуться от таких явлений — здесь нет и не предвидится шедевров, но удельный вес «цифрового искусства» увеличивается с каждым днём и затягивает в свою орбиту всё новые и новые массы людей; а ведь самым большим дефицитом в эру потребления становится время человеческой жизни.

Тут самое время вспомнить о нанотехнологиях — о вживлении чужих генов в продукт и придании иных свойств природным организмам. Ученые берут «запчасти», соединяют их и получают новый материал, новое растение, новое животное. Биологические организмы, полученные в результате такого конструирования, пока нежизнеспособны — они не могут размножаться, но зато у них появляются исключительные качества. Нанодети неуязвимы для вредителей, гнилостных бактерий, природных катаклизмов. Это уже не агрокультура и не селекция, а принципиально иной подход к воздействию на природу. Мы же присутствуем и при возникновении нанолитературы и наноискусств: теперь не надо знать «истоков», чувствовать свою сопричастность к национальной культуре, следовать традициям — достаточно владеть технологиями. Варьируя разные «приёмы», можно легко создать нечто «литературное». Оно, да, пока нежизнеспособно, но оно неуязвимо для культурологического анализа, а главное, успешно выполняет свою задачу по похищению времени и пространства у других.

Географы и писатели сделали свою работу — больше они не нужны. Но ещё в 60-х гг. XX века всё виделось по-другому: человек вышел в космос, и предполагалось, что «на пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы». Писатели-фантасты рисовали заманчивые картины путешествия в иные миры, населённые инопланетянами. Там, на просторах космоса, вновь понадобились бы планетарные географы и «инженеры нечеловеческих (марсианских) душ».

Мы и не заметили, как эти грёзы сбылась. Причём самым комфортным для способом — не надо ни космических кораблей, ни долгих перелётов, ни изнурительных тренировок. Новые миры открылись вслед за изобретением интернета (разработка этой «темы» стала реакцией Минобороны США на запуск в СССР искусственного спутника). Виртуальная реальность не является чем-то эфемерным, она в действительности существует, и люди, скитаясь по пространствам мировой паутины, становятся иными. Это доказывают многочисленные исследования. Американский педагог Марк Пренски ввел такое понятие, как «цифровые аборигены» — это те, кто родился и вырос в окружении компьютеров, игровых приставок, mp3-плейеров, видеокамер, сотовых телефонов. Для них интернет стал неотъемлемой частью мира, и потому сегодняшние дети думают и обрабатывают информацию совсем не так, как их предшественники. Доктор Брюс Д. Перри из Медицинского института Бэйлор Хьюстонского университета утверждает, что «...мозг наших учеников претерпел физиологические изменения — и отличается от нашего... мы можем с уверенностью сказать, что изменился их образ мышления».

Информационный шум, обрушивающийся на современного человека — огромен, и в этом «заслуга» цифры, позволяющей легко копировать, умножать и распространять контент. Но мозг человека — не проходной двор, в него много не набьёшь. Психологи установили, что в день мы можем усваивать не более 20–22 новых информационных посланий, избыточные «месседжи» механизмы саморегуляции блокируют, защищая организм от «перегрева». С этой точки зрения, видеосообщения для человека более комфортны, поскольку поступают уже в «готовом» виде, не требующем включения операции «образной разархивации» слова. Важно помнить, что печатное слово — не такой уж укоренённый в человеческом мозге стереотип — до XX века грамотность не была достоянием большинства, а систематическое чтение, тем более, художественной литературы, было прерогативой интеллектуальной элиты, а не масс. Так что готовность, с какой большинство человечества отказывается от чтения в пользу более лёгких видов потребления информации и художественных образов, а именно, в пользу видео, вполне объяснима.

Другое дело, что «Воздействие телевидения состоит в том, что с помощью мелькающих в телевизоре картинок человеку навязывают готовые образы. А все мышление человека — образное. Причем, как отмечал выдающийся русский ученый Алексей Ухтомский, образы создаются всем организмом, включая душу человека. Так что тот, кто владеет телевидением, владеет и душой», — замечает один из создателей советского ТВ Леонид Хромов. Можно так же провести такую аналогию: слово — это «лошадь», видео — «автомобиль». Разумеется, лошадь «экологичнее» машины, но «жигули» быстрее скакуна, и человечество выбирает более эффективное средство передвижения. Душа, конечно, дороже комфорта, но, увы, не для большинства людей...

Функции мозга, перерабатывающие печатное слово в образ — исчезают, образ теперь возникает как бы сам по себе (при помощи видео), он же и ведёт человека. Умная книга становится уделом немногих высокоразвитых особей, глупая книга адресована маргиналам-«любителям» с неперестроившимся мозгом.

На наших глазах планетарными географами стали программисты, а инженерами человеческих душ — создатели компьютерных игр. Научная фантастика ныне переживает упадок жанра, поскольку не поспевает за скоростью «цифровых изменений»: десять лет назад мобильный телефон был дорогой игрушкой для избранных, а сегодня сотовая связь доступна для трети жителей самого бедного на планете африканского континента. Полуграмотные, они уже владеют цифрой! Бурный расцвет переживает «фэнтези» — жанр литературы, в котором действие происходит в вымышленном («потустороннем») мире. Это можно трактовать и так — протестные «души» ищут иные образные пространства, чем те, которые даёт им нынешняя, в том числе и цифровая, реальность. Статистика сайта «Самиздат» впечатляет: прозаики-фэнтэзисты — абсолютные лидеры по числу представленных произведений (более 50 тыс. файлов). Для сравнения данные о другой жанровой литературе: детективы — 5 тыс. произведений, любовный роман — 6 тыс., сказки — 12 тыс., постмодернизм — 1,4 тыс. Перед нами картина «коллективного бессознательного» самодеятельного «коллективного автора». Этих людей не останавливает несоизмеримость затраченного труда и полученного результата. Чем же для них является художественное слово? Видом личной психотерапии? Возможностью высказаться? Фактом «медитации» и «прорыва» в иной мир?

И всё же это величайшая загадка: почему человечество выбирает не ключевую воду, а сдобренную химическими присадками газировку; почему сбивается в противоестественные людской природе мегаполисы,

а не организовывает свою жизнь в согласии с природой; почему отдаёт предпочтение не глубокому и честному рассказу (Всеволод Иванов, «В Ледяном походе»), а коммерческой поделке (фильм «Адмирал»)? Но, впрочем, так ли уж безупречно было наше слово? Когда-то, на заре человечества, слова имели глубокий и вполне определённый смысл, они несли огромную силу воздействия. Но со временем произошла девальвация — история литературы украшена не только шедеврами, но и лживыми и пустыми книгами, а профессия журналиста в массовом общественном сознании справедливо считается продажной. Цифра кажется более надёжной, определённой и точной в отличие от девальвированного слова; цифра, конечно, не допускает никакой «свободы», и тем более, никакого «выбора», обещая взамен чёткость и порядок — как на пресловутом штрих-коде.

Литература в некотором смысле становится отмирающим занятием — она исследовала человека, но человек классический — отменяется, человек цифровой подчиняется иным законам. То есть литература, как и ньютоновская физика, исчерпала себя; в квантовой физике работают пока во многом непостижимые для нас закономерности. Литература как искусство украшательства словом — тоже, в общем, уходит в прошлое; главным украшением мира становится цифра. Литература ещё остаётся рупором для маломощного голоса социально униженных, сходящих с исторической арены, поколений; слово — классовый отзвук минувших революционных битв, но, в принципе, «эхо» становится всё тише. Уже сейчас литература — зачастую способ самоутверждения и самолюбования, главные же смыслы буксуют — о человеке обычном всё сказано, а человеку цифровому слова не нужны.

Оцифрованное человечество уже не ищет ни смысла жизни, ни национальной идеи — поиски последней в России, вспыхнувшие было в середине 90-х гг., вдруг плавно сошли на нет. Это говорит только об одном — национальная идея «найдена», в обществе достигнут «консенсус»; большинство молчаливо соглашается с тем, что суть смысла существования страны и человека — в увеличении его личной «цифры» (списки олигархов с их материальными активами, списки политиков с их «рейтингами» и пр.). «Простой» человек как трудовая единица ещё интересен обществу, но как обладатель уникального духовного мира — уже нет. Правда, Бог никогда не был цифрой, но всегда Словом; безбожные литературные эпохи (например, советская) всё-таки несли идеальную надобыденную культовость, пусть даже и враждующую с традиционной религиозностью. А вот в оцифрованном мире Богу не находится места, религия, как и художественная литература, превращается в некий весь-

ма смутный (и «смирный») сегмент общественного сознания. Религиозны ли американцы, чья родина является центром мировой информатизации? Да, безусловно, но эта религия — протестантская, в которой цифра накопленного богатства была залогом спасения души. Америка — страна, основанная сектантами, и ныне здесь действуют 635 деноминаций христианства.

...«Я тебе подарю книгу «Апокалипсис от А до Я». Великолепное издание!», — вполне серьёзно говорила одна из слушательниц Хабаровской студии «Содружество», когда, после диспута о поэзии Пушкина, православный бард Виталий Никуляк исполнил несколько печальных песнопений. Мысли о скором конце света ещё никогда не захватывали такое количество пишущей и сочиняющей братии. Потому что в цифровом мире, да, «человек отменяется», достаточно его «картинки». Вот и у нас в стране медиа-пропаганда первых лиц государства достигла невероятных высот, по сравнению с которыми меркнут культы советских времён. Вместо работы по руководству страной мы видим теле-симулякр, вместо реальной политики — бутафорию.

В любых теоретизированиях подобного рода важно не сбиться с пути, не свернуть в сторону от цели (истины), важно не растерять и сохранить себя. Нужно честно смотреть в глаза опасности, пусть даже в нашем случае — это всего лишь «интеллектуальная угроза». Если процесс «оцифровки» человека изменить невозможно, то мы должны его осмыслить и описать, если же мы можем на него как-то повлиять, мы должны понять, что в наших силах сделать.

Посмотрим на проблему с другой стороны: есть ли у слова какие-то преимущества по сравнению с цифрой?

Есенин:

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Неужели мощь синтетического искусства (кино, телевидение, театр — «коллективные» виды творчества) победит одинокую, ищущую истины и любви душу?! Можно отравить ядохимикатами озёра и реки, выхлопными газами — воздух, из алчности и по равнодушию истребить многие виды животных и растений, и вообще превратить планету Земля в экологическую помойку, но значит ли это, что человек, создавший «новую лошадь» (автомобиль), «новую рыбу» (подлодку), «новую птицу»

(самолёт), победит природу?! Эти мириады звёзд и галактик, светил и планет, рождений и смертей, бесконечную дорогу времени и бескрайнюю ширь пространства?! Можно, впрочем, попытаться создать и «нового человека» (биоробота), и предложить ему вместо бессмертия души стандартизированную и комфортную жизнь, с заменой «запчастей», «перезагрузкой» мозга и т.п. Золотая мечта наших олигархов известна — продлить свою жизнь на 200-300 лет, «омолодиться», дабы в здоровом и цветущем виде наслаждаться благами наворованных миллиардов. Похоже, именно для этого цифрового прогресса затеяны всякие «нанотехнологии» и «модернизации». А вот «пушечное / цифровое мясо» пусть довольствуется дешёвой водкой, «дурью» из Средней Азии и телевизионным пойлом.

Удивительно прозорлив был Олдос Хаксли, автор романа «О дивный новый мир» — противопоставляя стандартизированное («цифровое») общество и «доцивилизационное» (в котором есть Шекспир, поэзия и Бог). Хаксли вторит Пушкину: поэты (и художественное слово) будут всегда, до скончания рода человеческого. Только в цифровом мире это будет гонимое, маргинальное меньшинство.

Есть ещё один поворот в этой теме: с помощью цифры сейчас активно разрушаются национальные государства, в основе которых лежало именно слово. Слово — единица языка, а язык — это «говор, наречие, диалект; слог, стиль; народ». Национальные государства должны кануть в прошлое, поскольку на глобализированной планете грядёт эра правления новой цифровой общности — «золотого миллиарда». «Следует избежать риска «разбазаривания» сырья по национальным «квартирам», — на эту бережливую концепцию намекала программа ООН по экономическому и социальному развитию ещё в 80-е годы. О возможностях «цифры» как оружия принуждения и убеждения в данной сфере мы скоро узнаем: битвы цифровых «биороботов» со словесными «аборигенными» людьми впереди.

«Излишкам человечества» можно, конечно, дать воду и пищу, но никак не потребление иных благ наравне с богатыми — на это ресурсов планеты не хватит. Значит, избыточным умам нужно дать виртуальную пищу — потусторонние миры примут в свои пределы заблудшие массы, направят их энергию в пространство фэнтэзи, туда, де нет богатых и бедных, но есть информация, цифра и виртуальное удовольствие. Там есть свои «цивилизации», «нации» и войны, там можно стать властелином мира... Психотерапия на дому — дёшево и сердито. Виртуальное царство «божие» можно построить уже сегодня и на земле, т. е. в подсознании.

В те времена, когда человеческая душа сожмётся до кода, до цифры, живое, наполненное своим первоначальным глубоким смыслом слово будет огромной редкостью (уже сегодня убиение художественности, т. е. красоты, мы видим везде — в кино, на ТВ, в жанровой литературе), оно будет спасительным, как чистая вода, как уголок дикой природы, оно будет редким отдохновением человека от жёстко цензурированного мира.

Молитва соединит человека с Богом — великим, непознаваемым и грозным, стихи — с таким же человеком — живым, измученным и беспомощным.

Гори, звезда моя, не падай.
Роняй холодные лучи.
Ведь за кладбищенской оградой
Живое сердце не стучит.

Поэзия — настоящая — как и молитва — это прямое и безусловное обращение к душе человека. Поэзия, как и молитва, не может быть «бизнесом», и она невозможна в «цифровом» исчислении. Поэзия останется последним прибежищем последних героев, словом утешения для бедных, униженных и гонимых. Поэзия будет воскрешать Бога, дарить красоту, питать силы души. Будущее художественного слова есть будущее самого человека — потеряв его, он потеряет себя.

октябрь–ноябрь 2010

Путь к Босфору

В начале любого путешествия есть что-то тревожно-волнующее: открывая новый мир, ты словно отходишь от старого, смотришь на родное и привычное чуть со стороны — с легким чувством разочарования. Званому гостю показывают дом с парадного входа, и пока ты любуешься богатым фасадом, твоё собственное жилище тихо грустит, лишенное ухода и заботы. Но вот ты, наконец, возвращаешься из странствий — оптика твоя «сбита», смещена обилием ярких и разнородных впечатлений. Там — праздничное солнце, гряда далёких гор в синей дымке, плеск голубой беспокойной волны, романтичные паруса фрегатов, сделанных под старину, здесь — хмурое небо, затяжные холодные дожди, теснота многоэтажек, дороги, запруженные машинами. Но тут твой дом, твоя жизнь, твоё сердце, твоя сила и твоя любовь. И, вздохнув, ты принимаешься за дело...

Таксиста звали Кетмоном. Громада города, разрезанная непривычно пустыми проспектами, отдыхала в короткой ночи; смутно темнели кроны приземистых деревьев, на высоких зданиях цветными точками переливался неон рекламы. И всё равно путь до аэропорта казался долгим. Слово за слово, и Кетмон рассказал мне свою историю.

«Три года назад я и в страшном сне не мог вообразить, что буду работать таксистом. Мой дядя — уважаемый человек, хорошо знакомый мэру Самарканда, и потому наш бизнес — поставка продуктов, торговля — процветал. Но настал день, когда дядя умер. В Узбекистане сильны родовые кланы и связи — ослабленного потерей, меня начали теснить. Вдруг выяснилось, что бумаги на собственность не в порядке, что я плачу не все налоги, что поставщикам невыгодно со мной работать. Замаячило разорение, банкротство, в перспективе — тюрьма... Я продал почти всё и бежал в Москву. Здесь живут трое моих друзей, все они русские, мы вместе учились в школе. Остановившись у них на первое время, осмотревшись, я снял комнату, купил иномарку и начал работать — сначала водителем в фирме, а после — таксистом. Семья — жена и трое детей — остались в Самарканде.

Что мне удалось за эти три года? На скопленные деньги я купил участок земли — 8 соток — в одной из деревень недалеко от подмосковной Коломны. Все коммуникации там подведены, и я начал строить дом. Уже есть стены, осталась крыша и внутренняя отделка. Надеюсь, что дом будет готов через год, и тогда я перевезу семью. Старшему сыну 14 лет, он отлично знает английский, хорошо бы отправить его в Англию, чтобы он изучил ведение крупного бизнеса. Дочь подрастает — наверное, будет врачом... Младший сын у нас маленький, ещё не проявил своих склонностей, и я пока не задумывался о его будущем.

Моя жена — учительница, но после замужества она не работала ни дня. Ведение дома, воспитание детей — главный её труд. Моя семья не шикует, но и не бедствует — из еды покупают, что хотят, одеты не хуже других, дети учатся в хороших школах. После отъезда из Самарканда я не был там ни разу — жена с детьми и с мамой приезжают в Москву. Маму я отправляю в санаторий. Она у нас отдыхает четыре раза в год: две путёвки покупает брат, две — я.

Я уже получил российское гражданство. Пришлось заплатить посреднику 3 тыс. долларов — легальным путём я никогда бы не смог собрать эти бумажки, подписи... У меня нет времени сидеть в бесконечных очередях, ходить по кабинетам, упрашивать. Когда подавал заявление, чиновник спросил: «Зачем ты меняешь родину, какие у тебя для этого веские причины?» Я мог бы, конечно, наплести с три короба, что-то придумать, но я честно признался: хочу лучшей жизни себе и своим детям.

В деревне, где я строюсь, отношение ко мне хорошее. Сосед — фээсбэшник, иногда звонит: приезжай, мы тут собрались отдохнуть, сделаешь нам плов или шашлык. На строительстве дома работают мои земляки-мастера. Я специально звонил в Самарканд, узнавал, чтобы посоветовали хороших ребят. В доме у меня будет четыре комнаты, во дворе — небольшой бассейн.

Работать всю жизнь таксистом я не собираюсь. Перевезу семью, открою в деревне магазинчик, буду торговать продуктами — дело мне знакомо. А там, глядишь, и в люди выбьюсь.

Я с ребятами ездил отдыхать в Эмираты. Мне там не понравилось — душно, как в бане, влажно. У нас в Самарканде сорок градусов жара, а дышится легко — сушь, ветерок лёгкий. Ни Кипре побывал — климат замечательный, но остров слишком мал, шаг ступишь и земля закончилась. А вот в Турции мне понравилось! Я бы ещё туда съездил. Красивые места, с богатой историей. Хорошая страна туркам досталась».

Рассказчик замолкает. Уже светает, и в сером московском рассвете хорошо виден тёмный восточный профиль таксиста.

— «Досталась» — это слишком мягко сказано, — замечаю я. — Турки вообще-то эту страну завоевали. Они же на чужой земле живут.

— Да, — соглашается Кетмон. — Я знаю, потому что увлекаюсь историей, у меня мама её в школе преподавала.

Мы приехали. Вот и международный аэропорт — с огромными терминалами, иноязычной разноголосицей, с высокими сводами, эскалаторами, обилием дорогих полупустых кафе, магазинчиков, с тревожным миганием табло, с видом на самолёты, похожих на гигантских белых рыб, которые скоро поплывут в воздушном океане. Авиапассажиры толпятся у стоек регистрации, дремлют на креслах в залах ожидания. Что-то чопорно-нерусское есть в громких усталых объявлениях о вылетающих и прилетающих рейсах, в указателе «Паспортный контроль», в деловитом сновании сотрудников аэропорта в форменной одежде. Здесь граница двух миров — земного и воздушного, граница двух состояний — домашнего и гостевого. Совсем скоро мы её пересечём.

Отправляясь в Турцию, я обновила свои знания о давних временах, об Османской империи и населявших ее народах. Вглядываясь в дымку прошлого, можно разглядеть в ней огузов — кочевой тюркоязычный народ, появившийся в степях Урало-Поволжья в конце IX века н.э. Прямые потомки этого племени — современные узбеки, туркмены, азербайджанцы и анатолийские турки. Так что нет ничего удивительного в том, что таксисту Кетмону понравилось Турция — родственный народ, похожий уклад жизни. В людях, чутких к истории, голос крови всегда обострён, и в этом нет ничего плохого, потому что часто — это голос истины.

Но есть ещё язык культуры, мощь его притяжения. Узбек Кетмон мог бы выбрать себе для проживания близкую по крови Турцию, но роднее для него оказалась Россия — с ней он связан друзьями, образованием, жизнью в «красной империи» — СССР... Любая зарубежная поездка — это десятки встреч с космополитами, гражданами мира — иногда эмигрантами поневоле, чаще — по своему желанию и личному выбору. Эти люди невидимыми связями скрепляют разные страны, народы, культуры, религии, но они же и «размывают» границы вечных сущностей — родина, нация, Бог, язык. Космополиты — шаг вперед, к будущему безрасовому «мировому человечеству» или движение в тупик, где личность безвозвратно погибнет в «плавильном котле» цивилизаций?.. Внизу, в иллюминаторе — древняя земля Анатолии, седые, задумчивые горы, повидавшие и хеттов, и лидийцев, и персов, и эллинов, и римлян.

Возможность поближе познакомиться с Турцией появилась у группы наших журналистов в ходе поездки, организованной Посольством Турции в РФ и Ассоциацией российско-турецкой дружбы и предпринимательства «Рутид». Принимающая сторона была столь мудра и корректна по отношению к некоторым странностям русских гостей, что это позволило одному из наших пожилых коллег-международников заметить: «У меня создалось впечатление, что нас встречают люди, находящиеся на более высокой ступени культурного развития, чем мы»...

Но все это было в конце пути. А пока под крылом «Турецких авиалиний» видны светлые прямоугольники теплиц, нитки дорог, хозяйственные строения, вот и город появился — песочного цвета дома образуют тесные кварталы, распластанные вдоль побережья, а в иллюминаторе Средиземное море — белесое, уходящее за горизонт. Знакомство с Турцией началось с курортных районов страны, хорошо известных россиянам — ежегодно здесь отдыхают 3 млн. наших туристов.

Средиземное море турки называют «Белым» — из-за молочной дымки, которая стоит по утрам над водой (сказывается разница температур), отражается в воде, и оттого и впрямь кажется, будто морская гладь бездонно-светлая, незаметно сливающаяся на горизонте с рассветным небом.

Алания — один из старых курортов Турции. Город, где хорошо сохранилась старая византийская крепость (православный храм V века на её территории, увы, не действует — с турками в области веры не забалуешь, тут они не допускают никаких «вольностей», это вам не Лужков, уставивший Москву мечетями и синагогами), так вот, город пережил и нашествие сельджуков, и торжество османов. Первые же упоминания о здешних поселениях относятся к античному периоду, а в I веке до н.э. тут побывал Гней Помпей Великий, триумфально разгромивший местную пиратскую базу.

Теперь Аланию называют «городом немцев» — многие турки, уехавшие работать в Германию во времена «экономического чуда» 60-х годов, разбогатев, стали возвращаться на родину, вкладывая средства в гостиничный бизнес. Отдохнуть в новых отелях они приглашали своих знакомых из Западной Европы. Вскоре немцы стали покупать недвижимость на побережье, и ныне в городе их насчитывается около 50 тысяч. Счастливая старость у «самого белого моря» привлекает так же голландцев, датчан и англичан. А вот наши сограждане покупают заграничные квартиры и виллы, как правило, в цветущем возрасте, и потому трехтысячная диаспора россиян, переехавших на постоянное место жительства в Аланию, считается сегодня самой активной. Да и на местных курортах русские стали теснить немцев — в отелях, магазинчиках, кафе — всюду звучит наша речь.

Родные голоса раздаются и в море: туристы не теряют времени даром, общаются, расспрашивают новых знакомых. Вот немолодая женщина с серебристыми густыми волосами, с правильными чертами лица. «Сорок

лет я в России прожила, большую часть жизни. Да и сама я — русская! А Вернер, мой муж, немец. Мы уехали в Германию 19 лет назад. У нас всё хорошо, даже сейчас, в кризис. Муж работал, ему два года до пенсии осталось, и тут производство встало. Но ему всё равно фирма будет платить пособие — на улицу просто так не выбросили!», — Надежда с гордостью говорит о достижениях западной социальной системы. В России она с момента отъезда ни разу не была — «не хочу душу бередить», а с русскими вдоволь общается на турецких курортах — в редком отеле не встретишь наших соотечественников. Из двух миллионов, приезжающих сегодня на отдых в Анталийскую область, половина — это бывший СССР. Россия, Украина, Белоруссия, Прибалтика, республики Средней Азии.

А вот Сергей приехал не отдыхать, а работать. Он в турфирме уже третий сезон, встречает и провожает отдыхающих. Сергей родом с Украины. Рассказывает: «В День Победы, если в отеле много русских и немцев, то 9 мая жди заварухи. И не всегда, кстати, победа оказывается за нашими. Тут так: кого больше, того и верх. Начинается всё тихо, мирно: немцы празднуют победу над фашизмом, русские — над немцами. Совместные тосты, братание. Но чем больше повышается градус пития, тем глубже исторические параллели и перпендикуляры. И тут уже начинается выяснение отношений...»

Люба Снежкина, крепкая женщина с властным лицом, немцев не любит — уж очень они законопослушные — от бассейна шагу не сделают, потому что несчастный случай в море у них страховкой не предусмотрен. «Вот и сидят они днями возле этой лужи с хлоркой. А наши — молодцы, ничего не боятся, их везде встретишь». У Любы астма, морской отдых ей необходим. Отпуск вместе с мужем они делят на две части: весеннюю и осеннюю. В мае отправляются на две недели за границу — «куда подешевле, у нас лишних денег нету», а в сентябре — «дикарями» на Чёрное море.

В Турцию Люба приехала в седьмой раз. Охотно посвящает в свои финансовые расклады: 14 дней отдыха в пятизвёздочном отеле «Алайе» по программе «всё включено» им с мужем обошлись в 42 тыс. рублей. «Это дёшево! — восклицает импульсивная Люба. — Самое дорогое в путёвке — авиаперелёт, если вычесть эти деньги, то день проживания на одного человека с питанием, отличным сервисом, морем, обходится в тысячу рублей! Где в России это возможно?!.. — вопрошает она. — Мы один раз засели в аэропорту «Домодедово», рейс в Египет сильно задержали, купили чай в картонном стаканчике — 90 рублей! Три листика салата — 250 рублей! Грабёж самый настоящий!.. Хорошо, что я сала с собой взяла, так мы не голодали».

В прошлом году Люба открыла для себя Абхазию. Тоже, как она считает, милое дело: «Билеты на сентябрь мы с Володей купили заранее, в плацкарт (мы не графья какие-то, чтобы в купе ездить), они нам обошлись в 7 тыс. рублей в обе стороны. Прибыли в Пицунду, сняли комнату — на двоих 600 рублей в сутки. Жили там 13 дней, т. е. это ещё 8 тыс. расход. Хозяйка наша, Людмила, родом с Украины, когда-то вышла замуж за грека. Теперь бедствует — русская пенсия 2 тысячи, а местная — вообще копейки. Поэтому для них отдыхающие — манна небесная. Добрая женщина!.. Разрешила нам готовить в квартире (для чего на балконе устроена кухня, а квартиру-«двушку» хозяйка переделала в «трёшку» — сама живёт в бывшей кухне, рядом — сын, третью комнату с балконом отдыхающим сдают). Но мы не стали утруждаться готовкой, питались в кафе. Володя очень полюбил местную чачу — стаканчик — 20 рублей, брал на обед. Ну, пусть у нас ещё на питание 2 тыс. ушло. Итого — 17 тыс. рублей на двоих за 14 дней. Очень экономный отдых на море!».

Одна из черт турецкого характера — независимость. Турки не любят поучений, «низкопоклонство перед Западом» или кем бы то ни было им совершенно чуждо. Будучи, как и многие восточные народы, нацией гостеприимной, они достаточно самолюбивы и самостоятельны. Зато русским свойственно «посыпать голову пеплом», впадать в самоедство, вопрошать «что делать?» и «кто виноват?». Вот и Люба, перечислив выгоды заморского отдыха, пустилась в самобичевание: «Наше Чёрное море — насколько оно лучше Средиземного! И по климату — не так жарко, и по составу воды — в нашем море больше полезных минералов. До курортов поездом можно доехать, самолёт не нужен — тоже экономия, а потом, многие люди перелеты плохо переносят, это же страшно вредно. Экономике выгода огромная — деньги из страны не вывозят, они внутри крутятся. Людям удобнее — не нужны загранпаспорта и валюта. Но у нас же в отелях такие цены заломят, что со страху побежишь за тридевять земель. А уж сервис, питание и вовсе не сравнимы с нашими. Ленивый у нас народ, безынициативный! Сами себе не можем места для отдыха обустроить».

В прошлом Люба бухгалтер, поэтому все её рассказы основываются на цифири и расчетах — профессиональная привычка. Теперь Снежкина — директор бани в одном из райцентров центральной России, а верный муж Володя, с которым она шагает по жизни сорок один год («ох и намучился он со мной, характер у меня страшно тяжелый!») слесарь в этом же муниципальном учреждении.

Ну а турецкая баня называется «хамам» — от арабского слова «жарко». Банная традиция перешла к туркам от римлян, и поэтому лежаки, пол и стены в настоящей хамам должны быть выполнены из мрамора. По преданию, ещё пророк Мухаммед объявил поход в баню обязательным, утверждая, что «чистота — половина веры». В эпоху завоеваний под хамамы нередко перестраивались храмы других религий — турки очень рациональны, и, в общем-то, лишены сантиментов и излишнего мистицизма.

Какова настоящая турецкая баня приезжему судить трудно — обычно он посещает хамам при отеле, и это место столь же далеко от местных обычаев, как и представление о России, что там по улицам ходят медведи. (Вот и на «турецком вечере», проходившем в отеле, выяснилось, что важный султан в тюрбане с нарисованными усами — русский, а «жены», сидящие у его ног, вообще интернационал — две грузинки, немка и девушка Лена из Санкт-Петербурга; она — хореограф и приезжает сюда по рабочей визе ставить танцы для аниматоров.)

Наши люди не избалованы нежностями и хорошим отношением к себе, и потому книга отзывов в турецкой бане сплошь заполнена восторгами на русском языке: «Мы узнали, что рай на Земле есть. Рай! Рай! Рай! Ира и Стёпа. Екатеринбург», — это одна из записей.

Банные радости во многих отелях Алании туристам дарят улыбчивые девушки-массажистки из Бали, а подавальщик чая, отвлекшись от своих обязанностей, на плохом русском даже сумел рассказать про своё бытие. Исмаил, которого в бане на русский манер зовут Игорем, тоненький парнишка лет двадцати — беленький, чистенький, в белоснежных брючках, футболке, с сахарной улыбкой, с характерной внешностью киргиза. Его лицо и руки не тронуты загаром — весь день он проводит во влажном полумраке турецкой бани, где отдыхающих скребут варежками для пилинга, нежат в невесомой пене. Исмаил, как и многие, работает в Турции нелегально, приехал сюда по туристической визе, срок его возвращения на родину давно истёк. Каждый день ему грозит полицейская облава (на этот случай у него есть браслет, который администрация отеля выдаёт туристам). Депортация из страны чревата большим штрафом или запрещением въезда в Турцию на 5 лет. Но Исмаил не спешит возвращаться в родной Ош — работы там нет, а Киргизию время от времени сотрясают народные волнения.

Сразу после школы он покинул дом — уехал в Екатеринбург, устроился охранником на автостоянку, получал 18 тыс. Денег на жизнь хватало, но тут грянул кризис, и зарплата упала почти втрое. Один из одноклассников Исмаила давно обосновался в Турции, он и переманил

школьного друга сюда. С языком проблем не было — в киргизском и турецком много похожих слов. Юный помощник банщика доволен своей жизнью — он получает шестьсот долларов в месяц, жильё и питание бесплатны. Родителей Исмаил не видел три года — он скрывается от службы в армии. Ближайшее своё будущее планирует так — поднакопить денег и перебраться к старшему брату в Германию...

Эти процессы — движение человеческих масс, переезды с места на место в поисках лучшей доли — были всегда, но всё же стержень народов и государств составляли те, кто трудился на своей земле. Эти люди, отпавшие от своей страны, родины, правы ли они? Правильно ли живут? И что есть «правильно»? Неужели человек не должен думать, а лишь скользить в общем фарватере судьбы, жить, потому что народился на свет, и всю жизнь искать «где глубже»? И государства, религии — это всего лишь «условные надстройки» в эпоху торжества личных желании. Племя — государство — религия — знания — культура, — вот последовательность доминант, которые управляли человеком. А что теперь?

Но возвратимся в праздничный город, о котором турецкий писатель Атай Фалих Рыфкы когда-то сказал: «Нельзя умереть, не увидев Алании». Гид Екатерина, работающая в одной из крупных туристических компаний, несколько лет прожила в Стамбуле. Там ей не нравилось: «Скопище людей, мегаполис, грязный, «тяжелый», где много промышленных предприятий и очень напряженный ритм существования. Другое дело — Алания. Здесь интересно жить». Может, потому, что тут у Екатерины — любимая работа? Пусть в сезон — с апреля по октябрь — она «вкалывает» круглые сутки, буквально валится с ног, но зато каждый день — новые встречи, впечатления, неожиданные ситуации... В Стамбуле она была лишь домохозяйкой, мужниной женой.

Екатерина вышла замуж по любви, приняла мусульманство. «Бог един», — такие слова можно услышать в Турции от многих наших красавиц. Но, похоже, сами местные жители думают по-другому, хотя степень веры у всех разная — от восприятия мусульманства как набора обрядов до жесткой религиозности. И потому на улицах турецких городов увидишь и «освобождённых женщин Востока», одетых вполне по-европейски, и пугающие фигуры в зловеще-чёрных одеяниях, закутанные с головы до ног так, что постороннему взгляду открывается только треугольник лица — глаза и нос. Таких «монашек», правда, не очень много, во всяком случае, в Стамбуле и в Анкаре. Счастливы ли эти женщины? Бог весть.

Образ «настоящей» Турции у многих русских сложился после просмотра фильма «Королёк — птичка певчая», снятого по роману турецкого классика Решада Нури Гюнтекина и повествующего об отношениях к женщине, как к подчинённому существу. Екатерина, конечно, тоже видела эту ленту, и пусть в ней речь шла о событиях начала XX века, сомнения перед вступлением в брак с человеком другой веры, национальности и культуры её всё равно мучили. Но победила любовь и молодость — она приняла предложение руки и сердца турецкого инженера-строителя.

Екатерине было 19 лет, свадьбу сыграли в Стамбуле, языка она тогда не знала, и сам праздник поразил её необыкновенно. Застолье оказалось скромным: на столах — бутылки лимонада, сока, воды, на «закуску» — печенье и фисташки. «Гуляние» оказалось весьма странным на русский вкус — никакого алкоголя, салата «оливье» и вопросов «ты меня уважаешь?» Дарили деньги и золотые вещи — монеты, украшения и крупные купюры прикрепляли к белому платью невесты...

Свадьбы, конечно, бывают и с большим размахом, но суть остаётся той же: романтизм между влюблёнными возможен, но в самом обряде вовсе не обязателен. Например, Надежда, бывшая жительница Молдавии, вспоминает, что венчание проходило у них на дому, когда имам пришел прочитать молитвы — исполнилось сорок дней со времени смерти матери её будущего мужа. Язык она знала плохо и толком не разобрала, что у неё спрашивают. На всякий случай согласно кивнула. Оказалось, что вот так, буднично, она отреклась от православия и стала женой мусульманина. Прошло много лет, но Надежда до сих пор в растерянности — сознательно перехода в ислам у неё не произошло. Душа в смятении — правильно ли поступила?.. А вот её дочь от первого брака вышла замуж за местного жителя в религиозную семью, и мусульманка из неё получилась потвёрже многих здешних.

Но не все «русские невесты» столь сговорчивы в вопросах веры. Анжелика — энергичная, хорошо одетая женщина, сразу и не поймёшь, чем её облик отличается от здешних деловых дам. Наконец взгляд останавливается на большом кресте, украшающем грудь новой знакомой. Выходя замуж за турка, Анжелика категорически отказалась менять веру. Прожила в законном браке девять лет, теперь в разводе: «Наша женщина прошла такую школу жизни, что нигде не пропадёт. Я родом из Зугдиди, из Грузии. Мы там такого навидались после распада Союза, что здешним и не снилось. Полурусская-полугрузинка, живу в Турции. Кто я по национальности?! Теперь и сама не пойму».

После краткого обсуждения мы с Анжеликой сходимся во мнении, что она, наверное, всё-таки русская. Развод её не подкосил — нашла работу, купила в центре Алании квартиру за 60 тыс. евро, активно занимается общественными делами — с помощью русскоговорящей диаспоры хочет восстановить церковь Святого Георгия на территории византийской крепости. Глядя сегодня на разрушенный древний храм, в это верится с трудом — на побережье на протяжении сотен километров нет ни одной действующей православной церкви. Но Анжелика уверена, что добьётся своего.

«Это будет здорово!» — восклицает ещё одна наша соотечественница, Катя, которая тоже нашла своё личное счастье в Турции. Тоненькая, хрупкая, похожая на девушку-подростка, она руководит Обществом русской культуры и образования. Здесь собрались неравнодушные мамы, мечтающие, чтобы их дети из смешанных семей не отстранились от родного языка и России. У Кати подрастает сын Дэнис (по-русски — Денис), и она хочет, чтобы он закончил две школы — турецкую и русскую (удалённо). Муж охотно помогает Кате в общественных делах, а она счастлива, что судьба послала ей культурную, интеллигентную семью, и потому отказываться от православия ей не пришлось. Это важно для Кати: её родной брат — священник, служит в одном из храмов на Псковщине. А вот маму-пенсионерку из Республики Коми дочь всё-таки уговорила переехать в Аланию. Не всё на новом месте было гладко — чужой уклад жизни, языковой барьер, другой климат. «Мама рвалась домой, не могла здесь привыкнуть. Уехала. Потом вернулась. Говорит: не могу видеть эти угрюмые усталые лица, нищету, а потом она просто измучилась от постоянного холода... На лето, да, наверное, будет домой уезжать — тут у нас жарко».

...Это обилие чужих впечатлений, заслоняющее твой собственный взгляд на жизнь... Эти задорные, вихрастые пальмы на фоне синего, слишком синего моря... А дома — цветет сирень, и нежная зелень молодой, чистой листвы. Неужели люди, разделённые границами, никогда не тосковали дому?! Конечно, тосковали. У нас там майские грозы, которые изо всех сил стараются испугать, но вместо этого весело, радостно... И грустно — жизнь одна.

Бытует мнение, что славянские девушки становятся женами турок потому, что не отличаются строгостью нравов. Это не так — семья для мусульманина главная добродетель, пусть даже в Турции и официально разрешена проституция.

В начале 90-х из России на Анатолийский полуостров хлынула волна

«любительниц приключений», и потому к русским девушкам здесь было весьма пренебрежительное отношение. Но с того времени многое изменилось. Заработок в роли жиголо для молодого турка при богатой немке в годах — это одно («каждый добывает деньги, как может» — так это характеризуется местной моралью), а брак — совсем другое. Русские жены — верные жены, считают турки, и вывозят из России красивых, хорошо образованных девушек. Это не капризные и избалованные жительницы Евросоюза — славянки менее требовательны и лучше подготовлены к жизни, на которую с детства смотрят как на полосу препятствий. Вот почему развод для турчанки — жизненная катастрофа, а для русской — вполне поправимая беда.

А что же находят наши соотечественницы в мужчинах другой культуры и веры? Самостоятельность и ответственность — уже подростками турки знают, что семья — главный смысл их бытия, и они обязаны её прокормить. Да и увлеченность алкоголем среди турецких мужчин значительно ниже, чем у русских. В стране царит культ детей — их любят, лелеют, и в выходные можно увидеть, как отцы семейств гордо шагают с детскими колясками или возятся с малышами на лужайках. И, наконец, срабатывают законы природы — в Турции есть избыток мужского населения, а в России — женского. Не останавливает наших красавиц даже тот факт, что в случае развода дети в мусульманской стране остаются с отцом. Это, пожалуй, самый больной вопрос для приезжих жён. Но брак по любви — это брак «навсегда», поэтому славянские девушки, «отвоёванные» турками у родной страны, не задумываются о таком развитии событий. Да и семьи здесь — объективно — намного крепче, чем в России.

Демографически Турция — молодая и здоровая страна, около 30 процентов ее населения — юноши и девушки в возрасте 12–24 лет. Россия, напротив, страна стареющая, теряющая после распада СССР по миллиону человек в год. А вот рост населения в Турции впечатляет: от 12,5 млн в 1923 году, когда была провозглашена республика, до 71,5 млн. по переписи 2008 года. Государство, в котором есть избыточное мужское население, обречено на экономическую, политическую и демографическую экспансию. Китай в этом смысле яркий пример, и разница с Турцией здесь только в масштабах.

Екатерина живёт в Турции 16 лет, она полюбила свою новую родину, хотя сохранила (на всякий случай!) российский паспорт. И фамилию менять не стала — оставила девичью. Внешне Екатерина — абсолютная турчанка, с чёрными блестящими глазами, смуглым лицом, тёмными волосами. Муж у неё — «трудоголик», потомственный инженер-строитель.

Екатерина прекрасно владеет турецким (свекровь — преподаватель языка), и зимой, когда нет туристического сезона, её иногда привлекают в качестве переводчика. Рассказывает: «В январе 2010-го полиция Алании проводила облавы против нелегалок — «жриц любви». И знаете, я испытала огромное чувство гордости! Из пятидесяти «ночных бабочек» — ни одной гражданки России. Больше всего грузинок, армянок, киргизок, казашек, молдаванок. Многие — с венерическими заболеваниями. Две или три украинки. То есть все эти рассказы о том, какие русские распущенные — миф, мы — лучше, чем о нас говорят. Просто у русских заниженная самооценка, они готовы в любую гадость о своей стране поверить... Жизнь у этих несчастных женщин — не позавидуешь. В постоянной долговой яме, в день по 30–40 клиентов, половина заработка уходит сутенёру. Меня поразила девушка-молдаванка — на вид «серая мышка», маленькая, худенькая. Ей 21 год, но криминальный талант в полном рассвете. Наловчилась возить «живой товар» из Одессы в Турцию. С каждой привезённой «головы» имела 300 долларов. Вот такие тут встречаются биографии».

Екатерина может часами рассказывать про свою работу, про то, каков имидж туристов из разных стран в Турции. Немцы — педантичны, требовательны к персоналу и любят брать себе горы еды, которую съесть невозможно в принципе. Там, где заселяются русские, быстро кончается спиртное — много пьют. Запомнился отдыхающий, директор муниципального кладбища, который в сильном алкогольном возбуждении угрожал местным: «Я вам тут понакопаю могил!» Туры из Израиля несут другую беду — из отелей крадут подушки, одеяла, посуду, полотенца, — всё, что плохо лежит; вплоть до того, что однажды в номере был вырезан кусок ковра, видимо, «на память»... Так что идеальных народов, особенно на отдыхе, нет. Но Турция всё равно поощряет «радикальный гедонизм» — ещё роскошней становятся отели на побережье, ещё изысканней оформление ломящихся от обилия блюд «шведских столов», ещё утончённее сервис. По расчетам правительства, в 2023 году страну должны посетить 50 млн туристов (против нынешних 26 млн), которые дадут доход в 50 млрд долларов.

Ночью на Аланийском побережье можно услышать ласковый шепот «Белого моря» и приглушенную музыку, долетающую из прибрежных отелей. Золотые дорожки электрического света отражаются в тёмной глади грустного моря, их много-много — по числу фонарей, зажженных в этот час на берегу. Какой красивой и трагически-грустной кажется жизни в эти минуты...

Зато утром легко шагается по живому тоннелю, образованному цветущими олеандрами — густые фиолетовые соцветия радуют глаз, яркие, свежие, они пахнут терпко, а впереди уже сверкает солнце и слышится громовой шум моря — это тяжелые волны бьются о берег. Пенный гребень набегает на песок с громким скворчанием, будто на гигантской сковородке закипает масло, а из лазурной дали уже приближается с угрожающим гулом новый вал, сопровождаемый тяжелыми, будто дальняя канонада, тревожными раскатами.

Цветущий тоннель, сверкающее солнце; и вдруг на секунду мелькнёт миг твоего восторженного бессмертия («я никогда не умру! — человек создан для счастья, для блаженства, для слияния со стихией красоты, вечной, бессмертной»), но настанет время, и чувства эти истают, и строки эти смоет волна времени, всё, всё пройдёт... Неужели всё — пройдёт?!.. Значит, нужно ловить вот эти мгновения счастья, но неужели их можно купить только за деньги?! Неужели, чтобы насладиться этими мгновениями, нужно их обязательно у кого-то отнять — у другого народа, сословия, расы? Неужели культура — всего лишь маленький «отельчик», островок, духовная передышка от тяжелых трудов и дней, и жизнь, на самом деле, глубоко бессмысленна?

И правильно ли это — поощрять в людях гедонизм, пусть даже из благих намерений («для развития страны»)?.. Куда это заведёт?.. Чем закончится?..

А вот сами турки гедонистами не кажутся. Они весьма умеренны и воздержанны в еде, скромны в застолье. На турецком празднике нет ни объединяющей беседы, ни общих тостов. За столом общаются группками — те, кто сидит рядом. Это и есть отдых — обсуждение грядущих дел. На русский взгляд, такое времяпровождение покажется скучным и даже бессмысленным, но в нём угадывается своя прелесть — застолье, это, похоже, единственное место, где между турецкими мужчинами нет соперничества.

Владелец отеля «Алайе» Хасан Уйсал — немолодой и весьма скромный человек, хотя и миллионер. Свой туристический бизнес он начинал в 1974 году с трехкомнатной квартиры, а теперь ему принадлежат две курортные гостиницы. «Алайе» — его гордость, проект этого отеля на тысячу мест он, будучи инженером, сам разрабатывал, тщательно следил за строительством. Цена гостиницы вместе с участком земли, который ему достался по наследству, составляет 35 млн. евро. «Этим отелям я отдал свою жизнь», — говорит Хасан-бей. Его родной брат и совладелец бизнеса каждый день в шесть часов утра приходит в «Алайю» — он следит и ухаживает за садом, и цветущие олеандры, так радующие глаз — его гордость.

Как же не похожи эти бизнесмены на наших «олигархов», у которых собственность — это не результат большого каждодневного труда, а проявление худших человеческих качеств — они оказались менее совестливы, чем их сограждане, когда настала эпоха «большого хапка» — разграбления того, что было создано коллективным трудом миллионов. Капитализм в Турции, при всех его родовых «пятнах», всё-таки явление гораздо более здоровое и естественное, чем в России. Это видно, в первую очередь, «по плодам его»: темпы роста турецкой экономики, индустриальной по своему характеру, впечатляющи. Страна несравнимо более отсталая, чем СССР, вдруг легко, сразу после нашей «перестройки», обгоняет нас в сельском хозяйстве и лёгкой промышленности, в строительстве и туризме. Доля индустрии в турецком экспорте составляет 96,4 процента (данные 2008 года), и это при том, что здесь весьма дорога электроэнергия и продукты нефтепереработки.

Ну уж прокормить-то Россия точно себя может, а мы покупаем продовольствие, в том числе и в Турции. А это уже вопрос национальной безопасности: что там, в привозном помидоре, выращенном в частной теплице?! Урожай в Анатолии снимают четыре раза в год, и в 2008-м Россельхознадзор уже пытался остановить поток химической продукции из Турции: в десятках партий овощей были обнаружены пестициды, нитраты и нитриты в количествах, превышающих нормы российского законодательства (кстати, весьма либерального). Больше того, в частных разговорах, которые состоялись в Турции, звучало и такое мнение: для внутренних нужд и для экспорта продукция идёт совершенно разного качества. Россия — страна большая, безалаберная, всё съест...

Но не турок же нам винить в таком коварном отношении?!.. Себя — не можем наладить жизнь на своих богатых землях, не можем выбрать власть, которая бы не грабила собственный народ, а служила ему, не можем нашить вдоволь футболок и джинсов — везём их из Турции и Китая. Но неужели наладить пошив тряпья сложнее, чем построить атомную электростанцию или запустить ракету?!.. Или мы и впрямь разучились работать?! Такие вот грустные параллели...

Турки — большие патриоты. В любом городе страны взгляд обязательно поймает гордо реющий национальный флаг, ярко-красный, со звездой и полумесяцем. Много портретов Ататюрка — основателя Турецкой республики. Его Мавзолей в Анкаре поражает размерами и величественностью. Огромный «Зал почета» с глыбой мрамора в виде

саркофага, на аллее львов — 24 скульптуры, символизирующие племена тюрок-огузов, к которым восходит история турецкого народа, в музее — личные вещи, библиотека и награды вождя. Но главное — толпы народа: молодежь, дети, иностранные делегации... Мавзолей, в облике которого отчётливо прослеживаются античные традиции, напоминание даже не о конкретном человеке, а символ, идеал, согласно которому развивается страна.

Китай, сильно отклонившийся от курса Великого Мао, не пошел на дексакрализацию вождя. Турция, мягко «подправляя» принципы Ататюрка, всё равно оставила его личность как «точку сборки», символ нации — в любом госучреждении его портреты, и это при том, что у власти партия, противостоящая кемалистам. Надо ли напоминать, что развенчание советской истории разрушило СССР?!.. Были ли товарищи Ленин и Сталин хуже Великого Мао или Ататюрка — в данном случае дело второе. Важен результат — «потеря лица», пусть даже и «злодейского», привело к распаду страны.

Не может быть самоуважения у нации, если весь её прошлый путь считается огромной «исторической ошибкой», а все лидеры — маньяками и идиотами. Уж сколько копий было сломано вокруг Ивана Грозного — деспот и самодур, пусть даже и существенно прирастивший территории Московии, но ведь сына родного убил!.. Изверг!.. Однако же русская история с самыми кровавыми её страницами — это «жития святых», душеполезное чтение по сравнению с теми ужасами, которыми наполнены хроники Османской империи — с отравлением и устранением конкурентов султана, с борьбой за власть между детьми от разных жен, с вмешательством родовых кланов и проч. В 1574 году султан Мурад III, восходя на трон, приказал казнить своих младших братьев. Придворный историк так описывает его душевные терзания: «Чтобы не нарушать закон Османской империи... он, со слезами на глазах, послал немых, поручив им задушить братьев, и собственными руками передал их старшему девять платков». А его преемник, Мехмед III, казнил 19 братьев. И турки, между прочим, особо не переживают по этому поводу, а вторят вслед за Ататюрком: «Я счастлив, когда я говорю: «я турок!» Это высказывание и ныне можно прочесть на стенах, памятниках, рекламных щитах. Представим, что у нас везде бы вдруг появилось: «Я счастлив, что я — русский!» Это, наверное, только во сне возможно...

Идеология Турции, заложенная Ататюрком, может быть плоха или хороша на посторонний взгляд, но вот СССР, образованного 30 декабря 1922 года давно нет, а Республика Турция, провозглашенная 23 октября 1923 года, живёт и здравствует по сей день. И первым принципом нового

государства Ататюрк провозгласил национализм, элементами которого являются пакт о национальном согласии, национальное воспитание и культура, турецкое самосознание, духовные ценности.

Известно, что тиран-Сталин репрессировал целые народы, а тиран-Ататюрк, по выражению Черчиля, «отпраздновал свой триумф превращением Смирны в пепел и истреблением целых христианских населений». Но для нас сейчас важен не факт «культа личности», а отсроченный результат: ныне Турция — всё чаще играет «свою партию» в международных делах, умело налаживает контакты с соседями (нужно сбывать товары растущей промышленности, захватывать рынки), а мы? Был или не был геноцид армян, пусть спорит мировая общественность, но турки его никогда не признают. Был или не был расстрел польских офицеров в Катыни, всё ещё выясняют российские историки, а уж наши власти поспешили покаяться. Зачем?! В мире уважают сильного, слабому даже не сочувствуют. Эрдоган заявил: «Мы не совершали этого преступления, нам не за что извиняться. Кто виноват, тот может принести извинения. Однако у Турецкой Республики, у турецкой нации таких проблем нет». И дома, в родной стране, его поняли — авторитет у премьер-министра не «рейтинговый», надутый с помощью электронных СМИ, а подкреплённый реальным делом — успешными либеральными реформами.

Ещё в 1933 году Ататюрк говорил: «Советский Союз когда-нибудь распадётся. Там есть наши братья и придёт день, когда мы должны будем их поддержать». Время это настало. Виталий — симпатичный черноглазый парень, улыбчивый, с хорошими манерами. Мы познакомились с ним в Стамбуле — во время приезда официальных делегаций из России он подрабатывает переводчиком. Виталий — гагауз, родом из Приднестровья. Закончил турецкий лицей в Кишинёве, теперь по квоте учится в Стамбульском государственном университете на весьма престижном факультете — бизнес-администрирование.

Гагаузы — небольшой народ, их в мире около двухсот пятидесяти тысяч, но турки им выделяют ежегодно до тридцати бесплатных мест в своих вузах. То же самое касается и других тюркоязычных народов — везде, где живут «земляки», открываются турецкие лицеи, налаживаются «сердечные связи». Налицо «оттоманское возрождение» — правящая Партия справедливости и развития не скрывает симпатий к исламской традиции, активно наращивает взаимодействие с бывшими колониями Османской империи, включая Ирак и Сирию.

Виталий избегает говорить о политике — жизнь в чужой стране, среди мусульман (гагаузы — народ православный), сделала его дипло-

матом. Уровень образования в университете он оценивает как высокий, да и окружающая жизнь учит на каждом шагу: турки — прирождённые бизнесмены, они умеют делать деньги из воздуха. Прекрасное знание нескольких языков, предприимчивость позволили бы, наверное, Виталию начать в Стамбуле хорошую карьеру, но он намерен вернуться на родину: «Буду поднимать сельское хозяйство в Молдавии. А для торговли границ не существует, так что сюда я наверняка ещё приеду».

Игорь — ещё один выпускник молдавско-турецкого лицея. Работает в Анкаре в главном управлении печати и информации при правительстве Турции. Переводчик-синхронист, надеется скоро получить здешнее гражданство. На родине бывает часто, но своё будущее видит здесь: «Уже привык, оброс связями, добился определённого положения».

А вот молдаванин Володя так далеко не заглядывает, хотя 14 лет из 29 прожил в Стамбуле. Работает торговцем, продаёт приезжим халаты и полотенца в магазине текстиля «Романс». Скучает по дому: «В Бельцах меня ждут жена и ребенок, зато правительство совсем не хочет меня видеть. Езжай, говорит, отсюда, зарабатывай деньги на стороне». В отличие от дипломатичного Виталия, Володя с удовольствием рассуждает о политике и политиках. Всё знает, обо всём имеет своё мнение — хоть сейчас в премьеры! Смеётся: «Бодливой корове бог рог не даёт».

Считается, что турки, как и многие восточные народы, любят и умеют торговаться. Наблюдая за этим процессом (а иногда и участвуя в нём), замечаю: восточная торговля есть состязание характеров, энергий. Продавцы, не выходя из лавок, оттачивают своё мастерство спора, диалога, убеждения. Это их ристалище, их битва. Турки уважают сильных (но не жадных) противников и даже восхищаются ими, что же касается покупателей слабых волей, равнодушных или чванливых, то гуманизма здесь ждать не приходится — «наказание» (в виде завышенных цен или некачественных товаров) последует незамедлительно.

В торговых кварталах Стамбула улицы завешаны объявлениями на русском языке: «Опт и розница», «Скидки», «Лучшие товары» и т. п. Временами от обилия таких вывесок и голосов родной речи возникает иллюзия: это Россия. Точно так же, как на рынке в Москве, где звучит иноязычная речь и мелькают кавказские лица, вдруг мелькнёт в сознании: это — Турция.

Экскурсовод Ибрагим считает русских ленивыми. Он семь лет прожил в Астрахани, развивал там свой бизнес — магазины по сбыту текстиля. Товар шел через Новороссийск. «Корабль прибывает в порт, мне надо его разгрузить за ночь. Хорошие деньги давал — желающих найти

невозможно. Лучше будут пить, под заборами лежать, но работать не пойдут. Как это так?!.. Русские совершенно непредсказуемы».

История Ибрагима весьма интересна. Он родился и вырос в Варне. В начале 90-х, когда из Болгарии начался массовый исход турок, уехал в Стамбул. Мастер на все руки — официант, парикмахер, повар, водитель, он изучал русский язык ещё в школе, и потому на новой родине не растерялся — распад СССР стал золотым временем для предприимчивых турок и китайцев. Хаос на границах и таможнях позволял ввозить беспошлинную продукцию, делать сумасшедшие прибыли. Например, такие: на стамбульской фабрике дублёнку брал за триста долларов, а в астраханском магазине её продавал за девятьсот.

Ибрагима раздражал российский снобизм: «Придут женщины в магазин штор, смотрят товар. «Фу, турецкое, нам этого не надо, давайте западное что-нибудь». Я своим девочкам-продавщицам говорю: — На этот тюль — дешевый, с благородным рисунком, вешайте этикетку «Италия» и цену в три раза поднимайте. А на другую ткань ставьте указатель — «Франция»... И знаете, брали за милую душу. Товар отлично шел».

В 2003 году ситуация на таможнях стала меняться: «Деньги, как я понимаю, пошли теперь в карманы чиновников, и я оставил этот бизнес». Ибрагим вложил свои капиталы в недвижимость — купил несколько квартир в Стамбуле и теперь их сдаёт в аренду. Богатым себя не считает: «Я развёлся восемь лет назад, у меня две дочери. Родители тоже живут со мной. Мечтаю дать образование своим девочкам, а это в Турции непросто: бюджетных мест мало, а плата за образование в «местном Гарварде», Босфорском государственном университете, доходит до 25 тыс. долларов в год. Но желающих поступить даже на коммерческие места в три раза больше, чем могут принять вузы. Конкуренция высокая, приходится нанимать репетиторов — школьное образование здесь слабое. Старшая дочь мечтает поступить в военно-воздушную академию. Если это произойдёт, я за неё спокоен — военные в Турции привилегированный класс. Младшая хочет стать архитектором. На одних репетиторов у меня уходит в год 6 тыс. долларов».

Ибрагим часто бывает в Болгарии — там осталось много родственников: «Страна — полуубитая, жизнь теплится только в Софии, Пловдиве, Варне и Бургасе. Молодёжь вся разбежалась, промышленность лежит на боку. Евросоюз делает маленькие и бедные страны ещё меньше и бедней. Поэтому большой и сильной Турции там боятся, держат нас на пороге». Сердце Ибрагима поделено между Болгарией, Турцией и Россией. Он сохранил болгарский паспорт и теперь пользуется всеми привилегиями гражданина Евросоюза. «В России тоже можно жить — там народ

образованный, если бы ещё пили меньше...» А Болгария вспоминается Ибрагиму как страна, несравнимо более культурная, чем Турция — еще в 80-е годы там у всех было полное среднее образование и вообще — «социализм».

В пёстром потоке людей, идущих навстречу по одной из центральных улиц Стамбула, то и дело возникают бесформенные, зловеще-чёрные фигуры в длинных одеяниях, с покрытыми головами, так что видны только глаза и нос. «Это женщины из южных провинций, — объясняет Ибрагим. — Я мусульманин, верующий, сам отец, но такие строгости считаю перебором. Слышали, наверное, историю, как 16-летнюю девочку отец заживо закопал у себя в огороде?!.. За то, что она позволила себе лишние разговоры с ребятами-сверстниками. Дикость! А всё от необразованности, от безысходности. Девочек в юго-восточных провинциях в 14–15 лет выдают замуж, вовсе не интересуясь их мнением по поводу суженого. Уйти от мужа жена не имеет права — это позор для всего клана».

Вопросы чести — не просто разговоры. Новостные ленты распространили весть о трагедии в провинции Мардин — там во время обряда сватовства расстреляли 45 человек. «В деревне, если тебя родственники отторгнут, ты просто погибнешь от голода — у тебя не будет работы, поддержки клана. Чтобы не стать изгоями, люди решают «вопросы чести» с помощью оружия», — рассказывает Ибрагим.

Ну а Стамбул — вольный город, здесь можно увидеть и панков, и рокеров, и правоверных мусульман, которые во время намаза раскатывают коврик под деревом и молятся, не обращая внимания на прохожих. У Голубой мечети с игрушечными мечами бегают 7–8-летние мальчишки, разряженные в пух и прах в роскошные «султанские» костюмчики с меховой опушкой. В их жизни произошло знаменательное событие — обрезание, и теперь мальчиков повезли в путешествие по святым местам. А первым делом их отправляют к дедушкам и бабушкам, что бы те материально поддержали новых мусульман.

И всё же, сколько бы здесь турки не жили, город никогда не будет волне турецким. В Стамбуле есть нечто вечное, присущее великим городам мира. Одни считают, что жить здесь невозможно — бешеный ритм мегаполиса уничтожает личность, другие убеждают, что только здесь и возможна жизнь — в «плавильном котле», где «варятся» миллионы человеческих судеб, где встречаются Европа и Азия, где пересекается множество торговых, политических, национальных интересов.

Мы сидим на 9-м этаже гостиницы «Таксим Хилл», внизу — город и пролив, над которым стоит бело-туманная дымка. Отсюда, с европейской стороны, хорошо виден азиатский берег — портовые краны, постройки, на высокой мачте — турецкий красный флаг. По Босфору в обе стороны движутся большие корабли и маленькие катера, «малыши» будто застыли на месте — еле идут.

Над проливом — утренний туман. Террасами спускаются к воде мокрые крыши из красной черепицы, кудрявится зелень деревьев, чайки кружат в небе. Сбылась моя мечта — увидеть Босфор вот так, с высоты птичьего полёта.

«Никогда я не был на Босфоре» — это теперь не про меня. Сначала я увидела Босфор из иллюминатора самолёта, и странно было смотреть на разросшийся, бесконечный Стамбул, на маленькие, похожие на букашек, кораблики, ползущие по голубой глади. Здесь когда-то вершились судьбы мира!.. Легендарные, овеянные историческими сказаниями места, которые так хотелось посмотреть в юности. А сейчас уже многое воспринимается совсем по-иному.

Мы шли на прогулочном катере по Босфору. Позади остался висячий мост. Волны покачивали кораблик, небо было хмурым, набегал дождь. Проплывали набережные с узорчатыми мечетями, с прибрежными ресторанами, виллами, постройками. Навстречу, гремя музыкой, прошел катер со свадьбой на верхней палубе — мужчины плясали, размахивая руками, в центре — невеста в белом платье. Море было грузным, тёмно-синим, с холодным оттенком. У штурвала катера стоял матрос, загорелый, с короткими жесткими каштановыми волосами, с голубыми глазами.

На палубе было свежо и зябко.

Так получилось, что именно на праздник Троицы я попала в Собор Святой Софии — символ «золотого века» Византии. Признаться, я ничего не ждала от «музея», никаких впечатлений, кроме сугубо экскурсионных. Я посматривала со стороны на Собор, представляющийся «нагромождением кирпича и камня» — этот древний храм с пристроенными по сторонам минаретами, уже заранее было больно видеть униженным, покорённым.

Европейцы ли турки? Этот вопрос важен не только для Евросоюза (много лет и пока безуспешно Турция пытается вступить в эту организацию), но и для самих жителей Анатолийского полуострова, да и для нас, русских, тоже теряющихся в тупиках самосознания.

Недалеко от Святой Софии находится Голубая мечеть — шедевр исламской архитектуры XVII века, один из символов Стамбула. Мечеть великолепна — лёгкая, гармоничная, соразмерная постройка, отделанная

мрамором и изразцами, узорчатая, как волшебная шкатулка, овеянная живым религиозным чувством (на мягких красных коврах молились мужчины и мальчики). Настоящее чудо османских мастеров, которые, кстати, ориентировались и на византийскую традицию.

Казалось: чем может удивить византийский храм после Голубой мечети? У мусульманских мастеров было больше знаний, умений, технических приспособлений, возводя мечеть, они, конечно же, соперничали со Святой Софией и, по-видимому, превзошли константинопольский собор. Со смутой в душе, неверием в сердце я переступила порог храма.

И — о, чудо! Вдруг оказалось, что Святая София даже в нынешнем её, «музейном» положении, производит совершенно непередаваемое, оглушающее впечатление. Это великий храм, где против собственной воли, хочется пасть ниц перед мозаикой Богородицы, держащей пред собой на коленях младенца Христа. Как бы ни был сегодня эклектичен храм (т. е. «музей») — тут и огромные семиметровые деревянные диски с арабской вязью — именами пророков, и ангелы, у которых вместо лиц — геометрические фигуры, и «колонна желаний» для туристов, всё равно, вслед за Прокопием Кесарийским хочется воскликнуть: «...Всякий сразу понимает, что не человеческим могуществом или искусством, но Божьим соизволением завершено такое дело». В этом храме, вслед за русскими послами, прибывшими в Византию «посмотреть их веру», ты теряешь «систему координат»: неясно, на земле ты находишься или на небе — Бог здесь пребывает с людьми. Первые христианские подвижники вдруг оказываются рядом с тобой, они воплощены в этой величественной мощи, здесь — их мучения, прозрения и подвиг.

Советская власть, убирая мистицизм, убивало и идею бессмертия. Османы, насаждая мусульманство среди покорённых народов, вроде бы и «победители», которых не судят, но Святая София всё равно поражает людей своей неземной красотой. Этот Собор — воплощенная вера, и если и Бог един, то он вовсе не мусульманин по своему вероисповеданию...

В ночь перед возвращением я иду по самой знаменитой улице Стамбула — Истикляль (проспект Независимости). Вокруг бурлит народ: куда-то устремлено шагают (и не кончаются, будто горный поток) молодые люди, дребезжит и медленно катится по рельсам ретро-трамвайчик, зазывают купить свой товар продавцы бубликов, устриц и жареных каштанов. Над головой — целая россыпь стеклянных лампочек, светящихся бусинами, и кажется, что небосвод перетянут уходящим в бесконечность электрическим ожерельем.

Глядя на это огромное количество людей, продающих мороженое, сладости, кебаб, привозящих продукты, собирающих мусор, день и ночь складывающих в аккуратные стопки вещи в магазинах, вдруг думаешь: какое это всё-таки счастье — осмыслить свою жизнь и жизнь других в письменном слове, запечатлеть миги раздумий, оглянуться на прошлое... Шагаю дальше. Завтра я буду далеко-далеко отсюда.

май–июнь 2010

Литературные мечтания

Размышления о прозе Виктора Лихоносова

Первое знакомство

Когда восторженно-запойно была прочитана русская классика, когда упорно-планомерно были переварены «античка» и «зарубежка», когда доверчиво и честно был проштудирован «соцреализм», тогда мы и встретились. Давно это было... Времени случалось столько, что можно было ходить по библиотекам, копаться в книгах и открывать. Чистое, сильное, нежное слово...

Повесть называлась «На долгую память». Написана в 1968-м. Автору тогда было 32 года. В ней он поблагодарил свою мать — красиво и откровенно. И еще горько, потому что как ни скажи, а все равно виноват. И что мне до того, выдумано это или нет, если я — верю? В ту пору я сама училась в институте, и были у меня еще две сестры и брат, родители тянулись из последних сил — работа, хозяйство, огород. Отец не пил и не курил. А денег все равно не было...

Мама писала мне письма. Красивый, разборчивый, округлый почерк. Но тогда я роняла слезы над повестью, а над письмами — нет. А мама совсем просто писала: «Посылаю тебе посылочку, «шальце» тонкое, чем было кормить поросенка? А журналы потом вышлю... Погода у нас плохая: уже больше недели дождь и днем и ночью, мелкий и холодный. Земля набухла... Сегодня вроде прояснилось, так я стирала фуфайки, а то такие грязные! Буряк с огорода мы не убрали, дождь не дает... мы уже топим в хате — холодно стало».

А мне все казалось, что счастье — дальше. Я стеснялась быть откровенной и нежной. Мне казалось, что искусство — другое: кучерявое, недостоверное и выдуманное. Невнятные стихи Вознесенского — искусство, неловко срифмованные вирши Евтушенко — тоже. А то, как бы я сказала и сама, если бы умела, — что это? Эхо жизни.

Повесть «На долгую память» я больше не перечитывала и постаралась забыть. Но «господи, что за тайна сам русский человек»!

Наши путешествия

> Найти метафору и написать балаган с переодеванием чертей куда легче, чем сказать два-три простых слова, от которых бы видно было окрест.
>
> *Из повести**

Повесть «Люблю тебя светло» (1969) я долго не решалась прочесть, переживая за автора: вдруг в этой повести одно только название, а остальное так, «немного солнца в холодной воде»? Что тогда и кому верить? Но зря я переживала, потому что не бывает случайных названий, слов и людей. Это правильно — выбирать книги по названиям.

Сначала я рискнула посмотреть критику. «Обостренное внимание к позитивному началу, идущему из вчерашнего дня в завтрашний, характерно для произведений В. Лихоносова» (Олег Михайлов). Критик называет Лихоносова другом-писателем. А по мне, так может написать только вредитель. Это как вместо описания любви дать физиологическую картинку и при этом еще и приговаривать: «Истинная правда!»

Так лучше уж я сама. Как по наивности или от доверия я искала по старым справочникам Союза писателей главного героя — Ярослава Юрьевича Белоголового и злилась, что не нахожу. Но не мог же сказать кто-то мифически бесплотный так ясно: «...и по мере сил способствовать осуществлению простейших бесспорных положений добра. Их немного. Беречь их, как сокровище». Любить светло — не в этом ли окончательный смысл; и неважно, чем ты занимаешься — литературой или улучшением жизни.

И еще один мотив есть — дороги. Россия — страна большая, но первые маршруты для русских писателей, тех, которые служат с молитвой, определенны. Почему парень в затертом пиджачке и дешевых ботинках поехал в Константиново? Что там? «Что пригнало меня сюда под дождем, чем это кончится и откуда такая непонятная мне власть чего-то тайного?» Да и он ли один? Вон Солженицын, стряхнув лагерную пыль, приехал к Есенину, смотрел, удивлялся. Много было нас, тех, что «ловили и ловили немой зов русской земли, в которую ушли и великие, и поганые».

Я стыдилась своих стихов и с бо'льшим удовольствием читала те, которые казались не сложенными, а найденными. Вот Константиново. Стертая акварель и мучительные воспоминания — кажется, здесь я уже

* Здесь и далее все цитаты из произведений Виктора Лихоносова.

была и знаю каждое дерево на улице, и рисунок коры, и привычное равнодушие местных к туристам. В киоске смехотворно дешево продаются книги Юрия Прокушева и воспоминания о Есенине. Не моей ли матери шушун висит на мемориальной стене? Помню, как в сильные морозы, когда на дверях в хате выступал иней, мать укрывала меня им поверх одеяла. Конечно, не бедности той жалко, а времени. Иногда чудится, что жизнь кончилась до компьютеров.

Пока течет Ока... Простору еще много. О своей поездке в Константиново я не написала тогда ни строчки. Фотограф, к счастью, из меня не вышел. Не о том думала. «Как не разбиться в жизни, а не разбившись, ежечасно остерегаясь ее ударов, как не засохнуть?» Тем более что «лежит в недрах заветное слово — радостное или печальное». Большое или малое (в смысле количества исписанных листов) — так ли это важно? Уже за то спасибо, что Россия, как столетнюю бабушку, влечет меня за собой. Получается, что я больше вспоминаю, чем пишу. Но особенно жалеется там, на родине, где в густоте вечера смутно белеет цветущий картофель, где крадется по небу туча-пират с осколком месяца в руках, где чуть встряхивает листами серебристый тополь, — неужто Бог «не отпустил вволю таланта и потому никакой песни я не сложу»? Не то обидно, что я промолчу, а то, что мне кажется, будто больше и некому сказать мое.

Вышло, что мы подружились в дороге — на одну лучину шли. Я читала всех подряд: Хемингуэя, Диккенса, Маркеса и Валерию Нарбикову. Пела песни и слушала оперу. Увлекалась Хармсом. Широта — свойство национального характера. И мимо заученной, лживой истории тянулась ниточка — земля, язык, мама, время...

Ну ладно. Если яснее, то так — раньше меня можно было покорить талантом, «внешним блеском», а теперь, когда внешне беспричинно больно, не только талантом, но и родством.

Ездить можно куда угодно — глаза смотрят, сердце молчит. Вот экзотика — пыльные пальмы, сладкоречивые, белозубые арабы, шкура крокодилов на сумках. Но чужое — оно и останется чужим. Что хорошего Паустовский написал про заграницу? Другое дело — Мещёра. Потрясена я буду там, где выросло родное и великое.

«Надо было куда-то уехать, чтобы обнять друга». Почему мне все так ясно с первой строки: время сыплется, «не так вроде бы жил, мало видел, ничего не успел». Поздно что-то копить и глупо учиться — время раздавать и раздаривать. И вот я снова еду — мимо печальных, безлюдных полустанков, столбов электропередач, лесов и лесочков, унылых придорожных построек, бетонных бесконечных заборов с корявыми политическими и «металлическими» надписями; мимо бабушки и ее внучки с двумя косичками, мимо спокойствия и стылости... Там, где я скоро буду, даже валенки теплее греют, даже лет мне меньше. «Если хочешь почувствовать, как прошла твоя жизнь, навести свою родину, узнай со скорбью, как мало там помнят тебя».

Но пока важнее другое — чтобы я помнила всех.

Наш большой роман

Поэты — красивые, бесстрашные, сильные, чуткие. Мы ходим под Богом, а они, прозорливые и ранимые, летают. Все равно сильные, кажется, неуязвимые до своего срока, будто в кольчуге родились. От поэта — серебристый свет (то — слово!), и самых грешных из них великодушно прощают за облаками, потому что это очень тяжело — беречь и нести то, что было в самом начале.

Автор «Осени в Тамани», «Тоски-кручины», «Элегии», скорее всего, начинал со стихов. Лирика — музыка души, ее не обязательно укладывать в рифмы-ноты. Можно писать свободней, еще свободней, держа единое настроение на протяжении, допустим, 75 страниц. Это очень трудно, но что же делать, если в четырех строфах не получается! Не все могут похвастаться универсальностью Пушкина. С другой стороны, я не скажу, что поэтов у нас избыток.

Сюжетов, собственно, нет — так получалось, очень часто дорога и попутные размышления, но не над тем, что видится снаружи, а над тем, что происходит в душе; красивые, точные пейзажи, часто одной строкой, часто многими. «С утра побрызгивало, иногда подсыхало, а ночью раскалывался над крышами гром, тяжело шумело и плескалось под окнами». Слишком просто? А зачем по-другому, если все так и было?

Поэты со временем начинают писать прозу (если доживают). Выплескивают главную боль. «Герой нашего времени» — «Доктор Живаго».

«— Что делать?

— Умирайте, если нечего делать, или живите в деле».

Роман «Наш маленький Париж» стал Делом. Удивительная книга! Автора все время хочется упрекнуть в несовершенстве — он остается молодым. Он честно забрал с собой в эту книгу все, что у него было раньше: любовь к своему народу, тихие открытия одиночества и жизнь, которая кому-то казалась лишенной потрясений. Но ему бывало и страшно, и страх скрывается за грустью: «На улице я смотрел на прохожих и думал: они не знают, в каком месте живут, они ни разу не представили себе,

что ходят по тропинкам вырубленного дубового леса» — причина, чтобы написать роман, более чем уважительная.

С сюжетом легко: просто идти вслед за временем. Многие «стежки-дорожки», конечно, позарастали. Он мучительно не умел писать длинно и не стал себя ломать — 85 маленьких главок плюс такие же пролог и предисловие. Шесть лет работы, кропотливой, над стилем — он хотел писать не лирику, а эпос и честно перестраивал слог. Роман — большой по объему, широкий по времени, со смутным смыслом — умный дойдет, а другому что в лоб, что по лбу. В эту книгу я входила, как в море, — зябко, непривычно, не повернуть ли назад — и потом плыла бесконечно, наслаждаясь простором.

Диалоги — поэтичны, даже когда «все, ваше величество, видел, а коня без хвоста — нет». Проза жизни, быт, разговоры — все, конечно, выдумано от первого до последнего слова, но веришь, что было именно так.

Могли его герои быть ничтожными людьми? Не могли. То есть это, может, и привлекательно: влезть в шкуру ничтожества и шуровать внутри кочережкой, разгребая потаенные грехи, но зачем? Поэту — нельзя. Даже близко нельзя подходить — судьба Лермонтова тому подтверждение. Зачем Демона звал? А ведь тот по сравнению с современным сатаной — красавец!

Он создавал героя, каким никогда не был сам (я так думаю), но каким втайне мечтал быть. Петр Толстопят — красавец, рубака, похититель женских сердец, георгиевский кавалер, белый офицер — «за веру, царя и Отечество». Не то жаль, что время перемололо, окровавило и ушло, а то, что Толстопят, вернувшись на родину, ничего не оставил, кроме «ненаписанных воспоминаний». Сыновья его не родились. Откуда же взяться воинам и поэтам?!

И все-таки он не выдержал характера до конца, сбился сам на себя в последней части, замаскировавшись кое-как именем Валентина. Прошлую, не прожитую жизнь трудно прочувствовать; он пытался в четырех предшествующих частях быть честным художником. Рисовал, набрасывая мазки-факты, пытаясь выбирать яркие, неизвестные и в то же время естественные. Однотипность приема немного утомляла — годы давили на плечи.

Он вернулся к живому времени, где чудак-историк «проснулся в полдень, долго валялся, отгоняя новыми синими трусами мух»; конечно, это не вычитаешь ни в одной газете, сколько ни глотай пыль в архивах.

Странно, повествование наконец-то скатилось на привычные рельсы, и узнаваемой стала жизнь, а в ушах звучала полифония: голоса Бабыча, Луки Костогрыза, Калерии, Бурсака, Василия Попсуйшапки, Манечки Толстопят... Они говорили, перебивая друг друга, а сколькие молчали! Память хочется пожалеть, как раненую птицу.

Что сочинила критика об этом романе? Не знаю. Господи, а что мне до критики? Никто не знает, сколько нам намерено жизни, а позади ровно столько, чтобы можно было положиться на себя. Большой, очень большой роман! Он писал его так свободно и откровенно, как никогда, опережая и удивляя время (роман закончен в 1983 году). Еще белые официально были классовыми врагами, а «Красная армия всех сильней». Теперь, когда читаешь, акценты смещаются временем, и находишь в романе то, о чем автор, может быть, и не задумывался, а лишь чувствовал: «Великие чудеса, коими награждает нас жизнь, мы носим в себе и поделиться ни с кем не можем».

Что дальше? «Читать-то особенно некому. Это как фотография на память: более всего говорит она чувству родственников». Родственников осталось мало. В библиотеке Литинститута я взяла двухтомник Лихоносова 1984 года издания. Я была первым его читателем...

«Когда же все мы встретимся?»

Теперь мне много приходится ездить, и, думаю, когда-нибудь я случайно-целенаправленно попаду в Краснодар. В гостинице будет маленький одноместный номер с лепным потолком, белыми оконными рамами и низкой, колченогой мебелью, утомленной многочисленными проживающими. По крышам «маленького Парижа» щедро разбежится веселое солнце, и свежая, густая зелень бульваров властно поманит к себе. И мы, конечно, запросто можем встретиться где-нибудь на углу улиц Мира и Красной или на Воронцовской аллее. После легкого знакомства-недоразумения я спрошу...

А впрочем, что особенного я могу спросить? И так ли уж важна наша встреча на углу улиц Красной и Мира, если уже написаны книги? Людям невозможно быть хуже своих слов и ниже своих дел. А талант, отмеченный жестокостью, кажется таким ярким, нужным и созидательным. Но, накладывая на холст черную краску, художник берет ее с палитры, а черное слово писатель выплескивает из себя; слово покрыто коростой внутренней лени и несовершенства, а его выдают за откровение. Но все — ложь, если темнее нимбов святых на иконах Рублева. Казалось бы, чего проще — быть отражением солнечного света, то тусклого, то ясного, накрываться тучей, как больной одеялом, уходить «красным колесом» на покой — и почти никому это не под силу. Не осуждая немощь,

имею ли я право любить то, что невозможно не любить, — красоту и откровенность, «русскому характеру не к лицу недомолвки»?

«Вот, дорогой мой историк (критик, сплетник, литературовед. — Л.С.), о чем я подумал на прощание».

сентябрь 1997

О Викторе Бокове, грустном поэте

Поэт Виктор Боков — очаровывает с порога. И не светскими расшаркиваниями, а стихами. Горячими — только что с машинки. Для пожилого человека уж больно авангардными. Про шоубизнес, бальзакоживопись и неокантианство. Я — в шоке. Ожидаешь балалайки с ложками, а получаешь компьютерную симфонию.

Робко спрашиваю:

— Что это? Подражание Вознесенскому?

— Да вы что! — Боков возмущен моей бестактностью, — ему это никогда не приснится! Никогда, ни в страшном, ни в сладком сне! А вот послушаете, что я написал Борису Николаевичу, Гаранту:

Когда вы орден прикрепили к лацкану,
Сказав: — Живи, поэт России!
Я не кричал в ответ — Да здравствует!
Я скромно выронил: — Спасибо!

— Я получал орден в Кремле и тихо сказал Ельцину «спасибо». И всё...

— А какой орден?

— А я забыл. Давайте посмотрим.

И мы разглядываем в коробочке орден «За заслуги перед Отечеством» со слегка похудевшим державным орлом. Есть еще другие ордена — советского времени — Трудового Красного Знамени и Дружбы Народов. Из тех, которые на даче. Но больше наград Боков гордится книгами с автографами Платонова, Пастернака, письмами Шолохова. Мы долго эти реликвии рассматриваем.

— Ничего, что тут мои портки висят? — между делом кивает поэт на веревку, где и впрямь красуется весьма прозаическая деталь мужского туалета. Я шалею: — Ничего...

...А балайка-таки звучит. Боков кажется таким простецким, оптимистично-развлекательным, вроде бы он парень в веселом ситце и на базаре кренделями торгует. Не счесть калачей, бубликов и румяной сдобы. Эх, подходи честной народ, раззевай рот!

Рот у меня начинает слегка закрываться — первое удивление проходит. А Виктор Фёдорович вздыхает:

— Эх, милая, кабы ты все знала обо мне, ты бы села роман писать!

— А кто-нибудь пробовал?

— Пробовал. Один профессор. Но честный человек оказался — бросил. Извини, говорит, охватить тебя не могу...

Вероятно, меня спасает отсутствие ученых званий и молодое нахальство — между мной и Виктором Фёдоровичем дистанция огромного размера — больше чем в полвека. Роман не роман, а что-то из нашей переделкинской встречи вышло. Большая жизнь в крошечных новеллах.

Откуда вы?

Я оттуда, где ветер волён,
Где вода в половодье шальная,
Где кивает головками лен,
Голубые соцветья роняя.

Я оттуда, где лес как стена,
Где по займищам бродят зайчихи,
Где душа от гармошек пьяна,
От медовой июльской гречихи.
. . .
Я и спеть, и сплясать, и скроить,
И прогнать хоть какую усталость.
Мне святое упрямство в крови
От крестьянского плуга досталось.

Виктор Фёдорович спрашивает:

— Ты с Воронежа?

— Я из Калача. Есть Калач-на-Дону, волгоградский, сталинградский, прославленный, а наш пока неизвестный.

— Ай ча-ча, ай ча-ча, наша Лида с Калача! Ну а что там есть поблизости, какие названия?

— Лиски, Бутурлиновка...

— Так милая моя, я сам воронежский, мы земляки с тобой!

— Какой же вы воронежский, если вы из-под Сергиева Посада...

— Это так, но я по всем статьям воронежский. Я духовно и песенно родился там в 1937 году. Поехал в Воронеж в командировку, собирал песни, пробыл месяц, вернулся в Москву, меня исключили из Литинститута за непосещаемость. А я слушал в Кисляе баб воронежских, они меня любили, целовали, когда я уезжал, плакали. Плакали!.. Я им покупал пряники, водку на стол ставил — бабы, давайте спляшем, давайте споем и пошли, пошли [поет барыню, очень заводную]. Эх-эх, эх!.. Чудо, как они пели, как плясали, я же ночи напролет с ними просиживал! Приехал из Воронежа, по тридцать песен один исполнял, концерты давал профессорам. Массалитинов в ту пору ходил в протертых штанах, песни писал бездарные, абсолютно. А я с бабами связался, я нашел в них великий, величайший талант, так они пели эти песни! Да не один профессор с ними не сравнится! Приехал в Москву Андрей Платонов, он же ваш, воронежский, я ему пел, он плакал. Так что Воронеж мне счастье дал. Мне преподали бабы воронежские за один вечер больше, чем весь Литинститут...

Писательские университеты

— Ну а институт-то закончили?

— Я два института закончил! Я поступил на пятый курс ИФЛИ, был на одном курсе с Твардовским.

— А Литинститут?

— Господи! Что там кончать! Учился я вместе с Константином Симоновым, Сергеем Смирновым, Сергеем Васильевым, Михаилом Матусовским, Василием Журавлевым, Алексеем Грязновым. В Союз писателей меня приняли в октябре 1941 года, опросным путем. За меня поручились Борис Пастернак, Валентин Катаев, Андрей Платонов, Всеволод Иванов...

— А потом, судя по стихам, вы пропали на некоторое время.

— Ха, пропал! — негодует Боков, — милая моя, да я сидел! Сидел с 42-го по 47-й в Сибири, в Кемеровской области. Там теперь в музее есть стенд, доска — «Здесь сидел Виктор Боков».

— Расскажите!

— А что рассказывать? Арестовали, посадили, я сидел.

— За что?

— Оклеветали. Что я ругал советскую власть, хотел, чтоб Гитлер пришел к нам... Чтобы быть русским писателем и не быть каторжником... Компания «сидельцев» известная — Федор Достоевский, Александр Солженицын, Варлаам Шаламов, Борис Ручьев, Ярослав Смеляков... Вот такие «университеты».

Бычье сердце

— Сначала сидели в камере — по сорок человек — это ужас, ужас. Потом стали на работу выводить в поселок. Освоился. И вот забивали мы на бойне быка — огромного, племенного. Ему в сердце проволока

попала. Ребята отдали мне бычье сердце. А как в зону пронести? Зимой дело было. Спрятал я это сердце под кожух, зажал под мышкой, иду. На входе контроль. Охрана спрашивает: что несешь?

— Ничего, — говорю. — Хотел кабана украсть, не разрешили, — все с шутками, прибаутками. А у самого сердце — бух-бух-бух, как у раненого быка — застукают — и всё — жди ШИЗО, побои, голодуху. И сердце бычье, вроде бы тоже, кажется мне, бьется, помогает. Прошел через вахту. Пять метров, десять по зоне иду. И тут бычье сердце оплошало — выскользнуло из-под мышки, летит вниз, на дорожку. Я его раз — и ногой отфуболил. В сторону. Горячее еще сердце было — в снег ушло, без следа. А собственное ухает, в груди мечется — по периметру зоны вышки, на вышках охрана, вся территория как на ладошке, кругом смерть и несвобода. Пошел в барак, унял свое сердце, но как же с бычьим быть?! Жалко. Полуголодные ведь сидели. Вернулся на улицу. Тук-тук — сердце стучит, лают сторожевые собаки. Тук-тук, подошел к месту, где бычье сердце в снегу дыру провертело. Тихо, буднично лежит. Тук-тук, нагнулся, одним рывком его под одежду, на старое место. И пока шел к бараку, в груди пулеметные очереди стучали, те, которые в меня охранники должны были выпустить. А бычье сердце с братвой арестантской сварили и съели — ну, пища богов!..

Кавалер Золотой Звезды

— Выпустили меня в поселок. Стал я зоотехником большого хозяйства, свинарки, доярки, скотники у меня в подчинении, и все любили. Я не могу этого даже передать — как они меня любили! А я вкалывал по двадцать часов в сутки, без отдыха-роздыха, спал урывками, и вместе со своими людьми вытянул хозяйство в передовые. Все знамена переходящие мы собрали, все грамоты и благодарности. И меня даже представили к званию Героя Социалистического Труда. Но не доходя до верха документы стали — как это, зэка и Герой Соцтруда?! Обидно.

Самое поэтическое средство из всех непоэтических

— Бориса Леонидовича Пастернака я очень уважал, ценил, а он меня очень любил. Однажды прихожу к нему, вижу, расстроен чем-то. Пастернак как раз работал над Шекспиром.

— Что-то случилось?

— Да вот, — говорит, — звонили из «Известий», ругают меня, что я плохо перевел. А посмотри — вот подлинник, двусмысленности здесь быть не должно. Ну, я слушал их, слушал и послал на ...

Я был в восторге от его поступка, руку ему жал. Умницу Пастернака, культурнейшего человека, какие-то хамы безграмотные будут учить!

— А вам приходилось выражаться подобным образом?

— А как же! Это средство, может быть, последнее для спасения русской интеллигенции. Во времена моей Сибириады я, как зоотехник, вез на машине свинные туши. К поезду товарному, на фронт их должны были отправить. Вдруг машина ломается. В чистом поле. А это же верная смерть — остаться наедине с тушами в нашем краю — ночью все растянут, и тебя будет ждать либо пуля, либо вторая решетка. Вдруг навстречу — редкая удача — идет грузовик. Поднимаю руку, останавливаю. Шофер везет уголь. Я открываю кабину и с отборнейшим матом приказываю ему немедленно сгрузить уголь и погрузить туши, свезти их на станцию. Говорю: «Если ты не исполнишь, то будешь расстрелян сегодня же, в одиннадцать часов ночи!» Всё! Как миленький повез! Таких случаев у меня много было. В Сергиевом Посаде, помню, была страшная собака, гроза всего города, и вот она навстречу мне, на узкой тропинке, вываливает. Ростом выше теленка. Я как рявкну на нее матом — она посмотрела на меня так жалобно и робко и — ушла. Даже не оглянулась ни разу!

Память

Память — соты пустые без меда,
Хроникер безнадежно хромой.
Помню выстрелы пятого года,
Забываю про тридцать седьмой.

Помню маленький серенький, скучный
Дождь осенний, грибы и туман.
Забываю про тесный наручник,
Про тебя, темнокожий тиран.

Помню зимние песни синицы
И вечерний пожар в леденце.
Забываю про наши темницы,
Где людей — как семян в огурце.

Помню взлет пирамиды Хеопса
И музейный палаш на бедре.
Забываю как бабы с колодца
Носят слезы в железном ведре.

— И как вы теперь, на солидном склоне лет, относитесь к отцу и деспоту народов?

— Сложно. В 49-м, после освобождения, я дрожал и горел несколько месяцев, я собирался убить. А сейчас... Что, другие после него лучше были? Этот хоть великую войну выиграл, державу после себя оставил, а не мировую побирушку. Серьезный был человек Иосиф Виссарионович.

Бабьи слезы

— И вот я вышел после отсидки, зажал раны и двинулся по земле. Хорошо ли, плохо ли, но я и в жизни, и в поэзии, избрал путь оптимиста, а не путь нытика. Помню, зимой, в Сибири, едут две женщины на санях, и плачут, слезы льют. Запрыгнул я к ним, начал говорить, и такую жизнь счастливую себе придумал — у них слезы высохли. Я — скиталец, зэка, раздетый, нищий, бесправный. Они мне говорят: «Мы вам по-хорошему завидуем. Есть же на свете люди счастливые!» — вздыхают. А я им еще и подмаргиваю. Слово должно поднимать людей к жизни, а не толкать в могилу.

* * *

Изо всех текучих рек России
Воду пил я и поил коня.
На крыльцо хлеб-соль мне выносили
И встречали песнями меня.

И сажали в угол под иконы,
И несли с капустою пирог,
И глядел сурово мой знакомый,
Древний, окривевший с горя бог.

Пристани, разводья, полустанки,
Лапти, лыки, валенки и хром.
Молнии, прибои и раскаты -
Все срослось навек во мне самом.

Вся моя душа — пехтень и короб,
Песен в ней — что осенью опят,
Все они, как бабы у задворок,
Радуются, плачут и вопят.

Я стою, как мастер корабельный,
Паруса чиню всю ночь в порту.
И звенит восторг мой беспредельный,
И слова колотятся во рту.

Сила

— Дед мой, Сергей Артемьевич, был знаменитый на всю округу силач. Двадцать пудов соли в одном куле поднимал. Или лошадь за задние ноги стреноживал. А в кулачных боях ему равных не было. Приехал знаменитый боец из Москвы, ходит, похваляется. Ну, сошлись. Дед ему говорит: «Бей первым». Тот размахнулся, как саданет в висок. Дед покачнулся, но устоял. Теперь его очередь. И вот дед как трахнул гостя по башке — всё... На рогожку. Замертво с одного удара. Дед ведь со сруба мог взять бревно, положить на плечо и вертеть им, как коромыслом.

Конечно, я выжил только благодаря силе своей. И стихам. Что, в принципе, одно и то же. Рахитик звонкой строкой мир не удивит. В молодости я поднимал с земли сто килограммов в двух руках, и вверх, на машину. Или семидесятикилограммовую доярку — как сноп над головой держал! Я поднимал два мешка по пять пудов зерна и нес — правда, там были девушки, и это придавало сил!

Один раз в жизни, разъединственный, видел я Павла Васильева. Стою во дворе Литинститута, вдруг подходит ко мне красивый, буйнокудрявый парень. Руку протянул:

— Студент?

— Студент.

— Частушки знаешь?

Да я ему целые короба их вывалил! Потому что не было человека в стране (и нет, а может, уже и не будет), который бы лучше меня частушку знал! Внимательно слушает, остро. На прощание спел мне одну, неизвестную, хулиганистую. Руку пожал:

— Ну, бывай.

И пошел, прямо, размашисто. На пути у него заборчик небольшой был, из штакетника. Он его не замечает, не сворачивает. Напролом. Дощечки — хрясть — под каблуками. Ушел, не оглянулся. Таким я его запомнил.

На девятом десятке

— А в каком возрасте лучше пишется?

— Боюсь хвалиться, но мне никогда так не писалось, как в последние годы. Пишу — рождаюсь, возрождаюсь. И самое большое чудо — это не стихи, а строка, которая слетает с неба и садится на подоконник. Я ничего не выдумываю, не вымучиваю, стихи сами на меня идут, слова ползут, строфы летят. Что за чудо наше ремесло! Слово — основа, а я с ним без дрожи общаюсь, на равных, ну, это все равно, что с Господом Богом на дружеской ноге.

Вот я утром встал, рано, по-птичьи; вдохнул, а стихи уже меня дожидаются. И за утро написал шесть стихотворений. Не какая-нибудь там графомания, а поэзия! Все, что написал, сегодня же перепечатал, дату поставил и в очередной поэтический том подколол. У меня — 68 томов, сейчас пишу 69-й.

— Вы просто чудо какое-то поэтическое! Легенда XX века. Причем живая, что немаловажно.

— Не говори. Сам себе удивляюсь. А хочешь, покажу тебе мой лучший портрет? Он у меня висит на видном месте.

— Ну, какой разговор!

И Боков меня ведет к стене, где развеселый, обаятельный козленок наяривает на балалайке! Немая сцена. Ай да Боков!

Вопрос вопросов

— Виктор Фёдорович! Говорить с поэтом и не спросить его о любви, об отношении к женщине, даже как-то неприлично...

— Неужели я мало сказал? — недоумевает Боков. — Ну так слушай: погубила меня в молодости жалость. Пожалел я женщину...

— В том смысле, что женились на ней?

— Нет, в том смысле, что женившись, послушал ее и раз, и два. Из-за этого вся моя жизнь пошла наперекосяк — и отсидки, и страдания, и потерянные годы.

— То есть, все зло от женщин?

— Все зло от зла.

— Ну а как же вы, такой орел, могли в молодости промахнуться, так женившись?

— Это вопрос, да...

Счастье

— У меня сундуки писем. Один читатель пишет: «Несмотря на то, что ваши стихи неправильные, они мне очень нравятся». Песни мои живут. Люди ко мне идут. Я всем нужен. И стихи меня не оставляют.

— А без чего поэт жить не может?

— Без совести. Без таланта.

— Вы счастливый человек?

— Я не знаю. Наверно, да...

— А смерти не боитесь?

— Я о ней не думаю. Не напрашиваюсь. Но если придет — что делать!

— Как это вам удается: не думать?

Боков смеется:

— Сам не знаю...

Да, веселый поэт Виктор Боков... Встреча наша долго еще длилась, наполненная смехом, радостью, шутками, прибаутками, звуками гармони, голосами птиц — окно настежь, а почему бы майской птице и не попеть вволю?! Боков кому хочешь праздник устроит, и не чета кремлевским посиделкам — вот и Черномырдин, будучи председателем правительства, приезжал поэта поздравить, два часа просидел, как две минуты, отдохнул как за два месяца беззаботной жизни... Праздничный Боков, веселый, а грустный. Дума веселой не бывает, и поэт свое жизнерадостное, оптимистичное искусство, расписное, как дымковская игрушка, ну, не из воздуха же рождает?! Много, много радости и счастья рассыпано по земле, ходи, подбирай, пой, не подличай, не завидуй, муза твоя будет травная, веснушчатая, босая, шаловливая, верная, берегущая и сберегающая. Все так и все не так. Жизнь, самая счастливая, все равно трагедия, а в «боковской весне» какие заморозки играли! Грустный поэт Боков, думающий, но запрыгнул он в русские литературные сани, и как тем рыдающим бабам в Сибири, решил рассказать читателю жизнь иную, придуманную, сочиненную, в которой много веселья, частушечного задора, дроби, дроби пляса да превозмогающей удали. Лучшая его песня — «Оренбургский пуховый платок» — прощающая. Лучший его портрет — в саду, у осенних костров из опавших листьев, — тоскующ. Лучшие его стихи — радостные, побеждающие — из ночных бессонных раздумий, да еще оттого, что у самого края жизни постоять пришлось не раз, не раз и в бездну заглянуть. После темниц — солнце краше, небо выше, воздух чище, жизнь бесценней. Света, много света, в стихах Вик-

тора Фёдоровича, того, что не «лампочками Ильича» рождается, а мятущейся душой...

— Как вам видится будущее России? — спрашиваю я поэта.

— Никак. — И он на единственную секундочку сникает.

...А может, не Боков грустный, а я печальная? Нет, не ищу я горя и беды, не зову тоску-кручину, не выбираю черных слов, сторонюсь уныния. Но — печальная, улыбаясь. В тех сибирских санях, может, и я тоже ехала? Слезы мои высохли. Не потому, что в судьбу, сочиненную в десятках поэтических книг Виктором Боковым, поверила. Просто, мне показалось, что я поняла его лучше многих... Ну, а если ошиблась, читатель внимательный, думающий, читатель деревенский и городской, уральский и подмосковный, рабочий и крестьянский, ученый и литературоведческий, местный и заграничный, юный и убеленный сединами, он, читатель любящий, обязательно меня поправит...

Это высшее бескорыстье –
Счастье жизни ловить стихом
Или где-нибудь тихо под листьями
Течь холодным лесным ручейком.

Кто пройдет – припадет и напьется,
Кто услышит стихи – оживет,
В том дремучая сила найдется
Бросить плечи сквозь чащу вперед.

Я – поэт. А поодаль сквозь ветви
Бьет о ствол топором лесоруб.
От него разлетаются щепки,
Как слова с моих пламенных губ.

Накукуй мне, кукушка, подольше,
Да побольше, побольше годков,
Чтобы шел я и черпал в ладоши
Голубой разговор родников.

Чтобы весь я светился под листьями
В милом детском семействе берез,
Чтобы людям свое бескорыстие
Через все испытания нес.

июнь 1999

Сила таланта

«Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!»

Есть родные люди, а есть — родственные души.

За глаза я звала его «дед-художник». Мы познакомились в 1994 году. Ему шёл 82-й год.

Я была тогда молодая, тонкая, с тревожными большими глазами. Жила в Москве, и внешне моя жизнь выглядела почти благополучной — семья, дочь, работа по специальности. Внутренне же я была как сжатая пружина — я не стала собой, не состоялась, не вышла на дорогу своей жизни, а главное, я не понимала — каков мой настоящий путь. Брела, как в тумане. Но я настроилась «терпеть», тащить эту лямку беспричинного, непонятного для окружающих, несчастья.

В столице мне было неуютно — я трудно приживалась на асфальтовой земле. Зато в родительском доме я будто бы находила защиту, и весь свой длинный учительский отпуск проводила здесь. Я любила наш сельский дом без удобств, любила «беседку» во дворе — времянку-шанхайку, любила по вечерам после трудового дня записывать в тетрадку «надуманное» — разрозненные, летучие мысли, «состояния». Чувства мои были остры и сердечны, а слово «творчество» казалось бесконечно далеким, недосягаемым — оно даже не приходило мне в голову.

Я сумками носила из районной библиотеки книги, и это было иное, чем сейчас, чтение — оно впитывало и запах сена, которое складывали днём в сарае, и ночной, звонко-неожиданный стук падающих яблок в палисаднике, и вечерние закатные дали, созерцаемые с лавочки у ворот — в этих видах было много неуловимой, сердечной грусти. Молодость моя была чистой, красивой и мучительной — ещё не появилось даже и предчувствия перемен, ещё не брезжила заря иной, неоткрытой жизни.

Как-то в библиотеке я взяла альбом «Художники Третьяковской галереи». В тот день мне нужно было позвонить в Москву, и я зашла на переговорный пункт, где, как всегда, собралась небольшая очередь — в 5-6 человек. Я заказала разговор, и — не выдержала, достала из сумки альбом, и сразу же «отключилась» от действительности, вглядываясь в красочные иллюстрации.

— Нравится?

Подняла голову: дед в серых портах, в заношенной рубашке, в тапках на босу ногу — пятки голые, хитро, с прищуром, глядит на меня. На коленях у него — парусиновая кепка. Кажется, еще при Хрущеве такие носили. В общем, затрапезный дед в очках (дужки — с резинками, с верёвочками), без каких-либо черт интеллигентности или номенклатурности. Кажется, даже с палкой в руках, наподобие тех, которыми утром у нас выгоняют коров в стадо.

Как можно проще, популярней, я объяснила деду, почему такие картины не могут не нравиться, и зачем они нужны людям.

Выслушав мои снисходительные речения, дед качнул головой и одобрительно хмыкнул:

— А ты приходи ко мне, я тебе много интересного покажу, — и на обратной стороне квитка, что выдавали нам телефонистки, он написал крупным, чуть угловатым почерком: «ул. Герцена, 41. Ткачёв Михаил Евдокимович».

Тут раздался голос в динамиках, и нас развели по разным кабинкам — дед звонил в Ленинград. Пока я докрикивалась до Москвы, пока выправляли связь, пока я толклась у кассы, чтобы доплатить за новые минуты, дед уже ушёл. Но мы, конечно же, встретились...

Много раз потом я поднималась вверх по этой белёсой — от глины — улице, известной всем местным пьяницам — в угловом доме находился медвытрезвитель... Всегда это было лето, чаще — жара, зной, дрожание прозрачного воздуха. Серая, густая, тяжелая пыль по обочинам дороги. Словно застывшая обыденность провинциальной жизни — тяжеловесная, скучная. Только редкая машина проедет по сонной улице, или кошка пробежит. Но вот я миную проулок, вот эта скромненькая неприметная калитка, сбитая из некрашеных, серых от времени, штакетин, вот дорожка вверх — вся в розовых цветущих мальвах, тропка огибает груду огромных камней, слежавшихся, тронутых мохом, вот старое абрикосовое дерево — сучковатое, раскидистое, несколько оранжевых тыкв на маленьком огородике, а впереди уже весело сияет голубенькими ставнями старый домишко (наверное, самый маленький в нашем городке), а под деревом, в теньке, старый мольберт, и здесь на самодельном стуле у самодельного стола старый дед-художник что-то строгает ножичком... И всё в один миг волшебно менялось — я будто переносилась в совершенно другой мир. Это было пространство свободы, творчества и душевного отдохновения.

Наши отношения установились сразу, с первого моего посещения «мастерской» — так Михаил Евдокимович называл свой двор. Огромная разница в возрасте, в опыте жизни, а главное, в количестве сделанного не разделила нас. Мы познакомились, когда за душой у меня не было ничего, кроме двух «импрессионистских» заметок, напечатанных в центральной газете. Дед же, напротив, написал столько, что с лихвой хватило бы на нескольких хороших художников. Что-то он во мне увидел, почуял, угадал, или я была такая самоуверенная — от постоянной неуверенности в себе?!.. Как бы то ни было, но наши разговоры почти с самого начала носили равный характер — двух художников.

Моя мама поощряла эти походы и всегда расспрашивала о них подробно. Она была натурой сильной, художественно одарённой и видела мир иначе, чем окружающие.

Сама же я, занятая своими внутренними метаниями, не сразу оценила драгоценность наших встреч. Только сейчас, вглядываясь в прошлое, я пониманию: без знакомства с дедом-художником вся моя жизнь могла сложиться по-другому. Он был первым выдающимся человеком из мира искусств, который встретился на моём пути, и, конечно же, вольно или невольно повлиял на моё становление. Я увидела богатство его духовной жизни, скромность его повседневного быта, его картины, которые рождались здесь же, во дворе, или у нашей небольшой, затиненной речки. Я почувствовала, что творческая работа может приносить не только мучение, но и счастье — зримое, материальное, чудесным образом запечатлённое на его холстах. Я поняла, что счастье это возможно и для меня, если я буду идти к своей, пока ещё смутной цели, преодолевая постоянные сомнения и бытовые «баррикады», возникающие на этом пути.

Наконец, дед в чём-то повлиял и на моё письмо — мне легко стал даваться жанр, «этюды», короткие зарисовки с натуры. Это было похоже на то, как работал Михаил Евдокимович — запечатлеть настроение солнечного утра, или яркость летних красок, или осеннюю щедрость земли — тут ему не было равных; он писал эти картины быстро — «а-ля прима», за один приём, чем всегда удивлял коллег-художников. И, как правило, в этих работах уже нельзя было что-то поправить, изменить, точно так же, как невозможно «улучшить» прожитый день. Это качество — восторг перед мгновениями красоты и стремление их запечатлеть — нас роднило. Мне тоже хотелось выхватить из потока повседневности яркий диалог, или передать изумлённие щедростью вишнёвого дерева, осыпанного зрелыми плодами, или поделиться настроем ликующей, напитанной созерцанием высокого неба, души... Так рождалось — через хаос красок, смешанных на палитре — новое понимание счастья — не-

передаваемая, ни с чем ни сравнимая радость, которую дарило воплощенное вдохновение.

Конечно, и «дедовское» искусство, и мои первые «картины» с натуры, всё это было бесконечно далеко от того, что считалось в середине 90-х годов модным и передовым в живописи и в литературе. Мне, разумеется, хотелось «шагать в ногу со временем», и я честно пыталась постичь логику «нового искусства». Но вот я приезжала домой, видела постаревшие лица родителей, гладила по спине заматеревшего кота — хвост трубой, гибкая спина, крепкие лапы с перламутровыми когтями; задумчиво смотрела на тополь, который неторопливо потряхивал серебристой гривой листвы, и чувствовала себя совершенно счастливой, до краёв наполненная беспричинной любовью, обнимающей всю округу. Всё «модное» таяло без следа — оно не выдерживало сравнения с подлинным...

В домике у деда (низкая притолка, земляной пол, крохотная прихожая — она же кухня, и зальчик-горница с маленькими окошками, тут художник хранил свои работы) несколько лет висел его старый — 80-х годов — автопортрет. Без рамы — холст прибит к стене гвоздями. С картины смотрел высокий, статный мужчина, с густой седой шевелюрой, с горьким, чуть надменным взглядом. Художник, похоже, не особо ценил эту работу, если оставлял её на зиму в домике (хибарку почти ежегодно обворовывали местные бомжи и пьяницы; уносили они, впрочем, не произведения искусства, а посуду, утварь, подушки, одеяла — всё, чем могли воспользоваться сами и что представляло интерес для их приятелей.) Потом картина исчезла — кажется, Михаил Евдокимович подарил её кому-то из местных.

На шестом или седьмом году нашего общения у меня мелькнула мысль: придёт время, и мне обязательно придётся писать «портрет» деда, так что не худо было бы загодя сделать заметы для памяти, письменные зарисовки... Но я отогнала эту идею — мне не хотелось омрачать наше общение ничем «профессионально-корыстным». Да и что, в сущности, нового могла сказать о нём я, если сам он сделал так много?! Дед даже толком не мог сосчитать свои работы — по одним прикидкам получалось девять тысяч, по другим — девять с половиной... Гигантское, фантастическое число! Картины его скупались часто за бесценок — и здесь, в Калаче («этюды в обмен на продовольствие»), и в Ленинграде, где его коммерческие дела вела дочь Наташа. Он относился к этому благодушно, хотя иногда — незлобиво, скорее, философски — ворчал, жаловался мне. Но дед знал цену своим работам, и теперь, когда ничего нового он уже не напишет, картины его продаются недёшево — в одной

из интернет-галерей «Весенний пейзаж» 60-х годов (хорошая работа, но у Михаила Евдокимовича есть и намного лучше!) выставлен на торги за 20 тысяч долларов...

Жил он скромно — не от жадности (напротив, дед был на редкость щедрым человеком), а от того, что главным для него была работа, творчество. Я никогда не видела на нём роскошной одежды, и это не вызывало у него особой тоски; переживал он за другое — ему не хватило холстов, привезённых из Ленинграда. И тогда в дело шли картонки, крышки от посылочных ящиков (один из этюдов, подаренных мне, как раз на такой основе). Он сам сбивал рамы для картин — чуть ли не из расщеплённых пополам черенков для лопат (получалось здорово!), сам варил клей для грунтовки из рыбьих костей и чешуи... Его бытие на улице Герцена — гимн труду и житейской стойкости: представить только — 80-летний, а позднее и 90-летний старик сам себе готовил еду, стирал, сажал и убирал огородик, а главное, творчески работал — и как!..

Каждое новое лето, шагая к его домику после годового перерыва, я внутренне напрягалась — вдруг живопись деда стала немощной и старчески-беспомощной, и мне придётся его хвалить и подбадривать из вежливости?! И каждый раз он опровергал мои сомнения — среди двух-трёх десятков этюдов и картин, наработанных к августу (обычный месяц наших встреч) всегда находилось несколько безусловных шедевров. Да, это были повторы или вариации привычных калачеевских тем — «Родной домик», «Мой двор», «Летний натюрморт», «Старое дерево», «У реки» — но всё это было свежо, живо, неповторимо, будто бы написано впервые и ни на кого не похоже! Картины его дарили радость и особенное наслаждение полнотой жизни. Его пейзажи и натюрморты были одушевлены, сделаны как бы на одном вздохе, и потому от лучших его работ трудно было отвести взгляд. С годами — так мне казалось — он даже как будто стал лучше писать — и это на пороге своего 90-летия!..

Внешняя скромность его жизни вызывала насмешки местных обывателей: они крутили пальцем у виска — из города, да ещё какого — Санкт-Петербурга! — каждое лето тащиться в нашу дыру, мучиться без «удобств», с утра до вечера «ишачить» — в таком стиле существования угадывалось, в лучшем случае, чудачество. Но мне казалось, что я понимаю деда — здесь, в родительском домике, на родном клочке земли он жил так, как хотел, и был по-настоящему счастлив. Летние дни были большими, длинными, напитанные солнцем, наполненные заботами о первоосновах бытия — воде, хлебе, огороде, труде... Его пленэр находился рядом, за хлипкими ступеньками, и он писал свой двор многократно — с разных точек, и всегда его композиция поражала естественно-

стью и неожиданностью. И всё здесь было к месту: и старое ведро без дна у могучего кряжистого дерева, и блики солнца на зрелой песчаной земле, и усыпанная ранетками яблоня, и синь высокого неба — в прогалинах, между листьями. Три стихии — воздух, вода и земля — были его сильной стороной, на картинах они получались живыми, движущимися, и это его искусство восхищало меня необыкновенно. Простая вроде бы задача — живая жизнь, живая природа — но как трудно это перенести на бумагу, на холст, и как легко становится на душе, если это удаётся писателю, художнику, если «натура» твоя приобретает объем, начинает «дышать», двигаться и жить по своим законам.

Через несколько лет после нашего знакомства, когда я уже закончила Литинститут и выпустила первые книги, я попросила свою петербургскую сокурсницу встретиться с Михаилом Евдокимовичем и сделать с ним интервью для журнала «Сельская новь». Наташа Алексютина побывала у деда, написала очерк «Солнечный мастер» — он вышел потом в нескольких изданиях. Работа получилась яркая, жизнерадостная, но мне она говорила, что ей деда жалко: «У него был такой несчастный вид...».

Мне не верилось: в Калаче дед был совсем другим!.. Он и его жизнь в уютном домике у меня рождали не чувство жалости, а, скорее, здоровой зависти. Но, может быть, Наташа и права — «зимний дед» в Петербурге и «летний дед» в Калаче — это два разных человека. Для него, как и для меня, родные места были пространством свободы, «мастерской», где мы создавали свои самые лучшие работы. Здесь ему никто не мешал, а помогало многое — родная земля, родное солнце, родной дом, в который он возвращался в начале мая и уезжал в октябре, с первыми холодами.

Он, конечно, звал меня проведать его в Ленинграде (на новое название он так и не перешёл), но дороги мои обходили этот город. «Посмотришь, какая у меня квартира, мастерская...» Я кивала, погруженная в свои мысли; обычно мы сидели на улице, под деревом у самодельного стола, на который я выкладывала из сумки свои гостинцы — помидоры, яблоки, груши, арбуз, дыню, огурцы — разноцветные, напитанные солнцем, дары лета. Они шли в дело — сначала Михаил Евдокимович писал натюрморт, потом всё потихоньку съедались... Арбузы всегда будили в художнике воспоминания детства:

— Бывало, отец везет кавуны на телеге, а я сразу определю, какой красный. Много раз проверяли — ни разу не ошибся. И с людьми так же. Пустого человека сразу вижу. А откуда у меня этот талант — не знаю...

В особо жаркие дни мы перемещались в домик, дед показывал мне фотографии, вырезки из газет с публикациями о себе, каталоги зарубежных выставок, где экспонировались его картины. Мне было легко с ним, свободно. Надеюсь, что и ему тоже.

Говорили мы о разном. Иногда дед с сожалением ворошил «мысль семейную». Зимой, когда он в городе, жизнь его такая: жена встает в час дня, садится к зеркалу и приводит себя в порядок — массаж, макияж, маникюр. Потом идёт по магазинам — за покупками или «на экскурсию». Вечером до одури читает детективы, разгадывает сканворды или смотрит телевизор — до полной его отключки.

У деда — совсем другое расписание: он встает в шесть утра и тюпает до одиннадцати вечера. Днем никогда не отдыхает — если не идет работа, то натягивает холсты, читает, слушает радио, думает. («Художник должен много думать!», — часто говорил он мне.)

Это его вторая жена. Она моложе деда, зовут её Маргаритой. Потрет, написанный в 1954-м году, запечатлел крепкую, властную женщину в бордовом сарафане. Сильные плечи открыты, голова чуть наклонена над шитьём, лицо сосредоточено, без улыбки.

Дед не жаловался, а, скорее, констатировал: понимания между ними не было. Что ж, обычное дело. Многие творческие люди равнодушны к мирскому, к богатству и даже к славе; взамен они требуют сущих пустяков — признания и душевной гармонии. Но такая скромность притязаний редко находит понимание: обыватели искренне недоумевают — как это, иметь такой дар и не грести деньги лопатой!.. А дед, в свою очередь, не мог постичь: разве можно жить только материальными, бухгалтерскими расчетами?! Ему-то Бог отмерил щедро — так много, что мастерскую его в Ленинграде обворовывали четыре раза! Особенно тяжкий удар настиг его в 90-м — украли больше двух тысяч работ, лучшее, наработанное после войны, от многих картин не осталось даже фотографий...

Первая жена и ребёнок Михаила Евдокимовича погибли в войну, в блокаду. Я никогда не расспрашивала его на эту тему — из деликатности. Казалось, сколько лет прошло, и то давнишнее горе могло и поразвеяться, но он, похоже, так и не смирился с потерей. Несколько лет подряд во дворе у него стояла незаконченная картина «Последнее свидание». В полутьме комнаты на серой подушке виднелось бледное лицо молодой женщины, на постель к ней присел моряк, в руке у него бескозырка. Бедная обстановка, сгущающаяся атмосфера беды, несчастья, близкой смерти. Картина шла медленно, тяжело. Кажется, художник её всё-таки закончил...

Он иногда рассказывал мне эпизоды из военной жизни, но я слушала вполуха — знала, что дед пишет воспоминания, даже вроде бы какого-то литобработчика ему дочь нашла. («Один искусствовед приехал записывать мой рассказ, потом принес рукопись на вычитку. — А Пастернака, еврея, вычеркни, — сказал я ему, — я тебе про него ничего не говорил. И отец, и сын — бездарные люди».) Дед любил вспоминать, как 1936 году он на армейских учениях, будучи кавалеристом, с блеском взял все препятствия, но при этом сильно ругался матом. Командир полка дал ему 5 суток ареста, а присутствующий на учениях Тухачевский отменил наказание и наградил пятьюдесятью рублями. Это поощрение и спустя десятилетия грело ему душу... А я за годы нашего общения ни разу не услышала от него нецензурного слова, более того, вопреки распространённому мнению о художниках и «богеме», он вообще не пил и не курил, терпеть не мог алкашей. Это тоже нас роднило — грубость, развязность, болезненная подчинённость низменным страстям — эти качества казались мне невозможными в людях, стремящихся запечатлеть прекрасное, и я радовалась, что дед укреплял меня в этом мнении.

Его, казака по рождению (отец — казак донской, мать — казачка кубанская), морского пехотинца (две войны прошел — Финскую и Отечественную, тяжело ранен под Кенигсбергом), влекли батальные темы — они вошли в его жизнь с раннего детства. Ещё мальчишкой он видел Буденного — в родном домике, тогда ещё крытом соломой, в 1918 году располагался штаб красных. Дед посвятил этому сюжету в 70–80-е годы несколько больших полотен: многофигурных, с дальними панорамами. Помню «фреску» в домике — карандашный рисунок на белёной стене в горнице, роспись акриловыми красками — всё тот же сюжет с будёновцами, с тачанками.

В войну он служил разведчиком, командиром взвода бригады морской пехоты. В одном из первых боёв добыл себе немецкий автомат, с ним и воевал. Рассказывал:

— Десантировали нас однажды с самолета, а у меня парашют не раскрылся. Сто пятьдесят метров падал и прощался с жизнью. Дело было зимой, выручила воронка от бомбы, снегом заполненная. В неё я бухнулся, сознание потерял. От страха — жить-то охота! Очнулся, обглядел себя — всё целое. Пошел своих искать... А вообще на войне весело было! Сколько мы смеялись! Молодые потому что. А страшно — в первой атаке. Ты видишь врага, он тебя. Все поджилки трясутся. А потом привыкаешь, конечно...

Из тягостных воспоминаний: однажды он стал свидетелем прямого попадания мины в командирский блиндаж. Их комиссару оторвало обе

ноги — кровь, ужас, боль... Он тоже мог погибнуть и внутренне был к этому готов. И всё равно в каждую свободную минуту делал наброски в блокноте, мечтал: «Если выживу, буду рисовать».

Это чудо, что он — защитник Невской Дубровки, выжил. Самое кровопролитное место боев на Ленинградском фронте, число погибших здесь достигло трёхсот тысяч человек. Уже после войны историки подсчитали — кубический метр земли с «Невского пятачка» содержит около 10 килограммов металла — пули, гильзы, осколки... А рядом — блокадный Ленинград, где каждый день под бомбёжками, в муках голода умирали женщины, дети. Враг наступал, топтал и жёг русскую землю. Казалось, нет силы, которая могла бы остановить эту страшную армаду.

Михаил Евдокимович говорил мне:

— На войне я убил 37 фашистов. Когда демобилизовался, попросил записать это число в военном билете.

Он должен был стать воином, а уж потом — художником! Человек, переживший такой огонь, побывавший почти что в аду, он мог ожесточиться, сломаться, потерять себя. Погибнуть — не физически, так духовно. Он выдюжил в этом поединке, и его искусство — солнечное, жизнелюбивое — было победой света над тьмой.

В жизни его сошлись три местности, три территории: наш Калач с окрестностями — его родина, неиссякаемый источник вдохновения, кубанский город Армавир, где прошла его юность, и где он получил своё первое образование живописца, и Ленинград — с Академией художеств, с Русским музеем и Эрмитажем, где его дарование приобрело настоящую огранку. Его творческий путь — из глубокой провинции в культурную столицу — можно было бы назвать «подарком судьбы», если бы ни гражданская война и лишения, на которые пришлось его детство, если бы ни голод 30-х годов, совпавший с началом его самостоятельной жизни, если бы ни две войны и ленинградская блокада, в которой он потерял семью, если бы ни распад СССР и торжество чужебесия — на телеэкранах, сценах, в выставочных залах и галереях.

Дед не был коммунистом в смысле принадлежности к известной партии, но он был образованным русским человеком, достаточно начитанным, он работал всю свою жизнь, ценил прекрасное, и он, конечно, сильно переживал за происходящее в России. Казалось бы, всё у тебя лично относительно устроено — ну что тебе за дело до политики?! Тем более, что пишешь ты преимущественно пейзажи и натюрморты из деревенской жизни. Но не потому ли такими достоверными и живыми по-

лучались эти картины, что дед жил честной и думающей жизнью?! Будь он социальным трусом, эгоистом, конъюнктурщиком, не помогло бы ему наработанное мастерство и природный талант, и его работы выглядели бы лживыми, «зализанными», мёртвыми, в лучшем случае, рядовыми, обычными. Но мысль, рука и кисть связаны — не только натура отражалась на холстах деда, но и его душа.

Он был страшно политизованным человеком — изрядное время наших встреч уходило на обсуждение текущей обстановки в стране. Ельцина, Горбачева, Гайдара, Чубайса, еврейских олигархов иначе, чем «твари» и «подонки», дед не называл. Разговоры наши были далеки от политкорректности — в нас кричала боль за происходящее. Помню, к деду иногда захаживал местный коммунист с неизменной «Советской Россией» в руках, с ним они тоже вели дискуссии о спасении Отечества. Дед был пессимистом:

— Через 50 лет России не будет, и русские, как народ, растворятся среди других наций.

Неужели он прав?!.. Потому что в моём поколении таких «орлов», как он, мне уже не довелось встретить. Во всяком случае, среди писателей и художников.

Пока позволяло зрение, дед много читал, я ему тоже подкидывала что-нибудь интересное. Помню, в одну из наших встреч подарила несколько стихотворных сборников «Басни и сказы про ельцинские проказы» — политические сатиры, сочинённые Валентином Сорокиным. В следующее моё посещение Михаил Евдокимович выражал бурные восторги:

— Ты меня порадовала! Я шесть раз, — он поднимал указательный палец вверх, — шесть раз эту книжечку прочитал!.. Думаю, надо людям раздать, пусть знают. А себе я басни переписал в тетрадку.

Он с громадным уважением относился к Михаилу Шолохову. В советские времена выпросил себе командировку в Союзе художников и отправился в Вёшенскую, чтобы запечатлеть писателя. Но никакой договорённости о позировании, разумеется, не было. И тогда он подрядился привезти Шолохову лук от колхоза, чтобы исподволь рассмотреть «модель». Конечно, в станице такие новости не скроешь — вскоре художник был разоблачён... Но казак казака всегда поймёт, и целую неделю Михаил Евдокимович жил у своего знаменитого тёзки. Шолохов сказал, что не будет ему специально позировать: «Я буду работать, а ты пиши». Так появилось несколько портретов писателя, этюды на темы гражданской войны, которыми дед очень дорожил. Часть из этих работ можно увидеть в музее в Вёшенской.

В нём было заложено природное стремление к справедливости, к гармонии — в жизни и в искусстве. И, конечно, Ленинград, общение с первоклассными художниками, работа копиистом в Русском музее воспитали в нём вкус, достоинство благородства, которое неуловимо отличало его от многих провинциальных, да и столичных живописцев. С другой стороны, в нём не было городской тщедушности, депрессивности (по-моему, дед никогда не знал, что такое творческое бессилие), маломощности — сказывалась здоровая калачеевская основа, отмеченная природным талантом.

Он рисовал с детства, и первый решительный шаг к творчеству сделал в 17 лет на базаре в Армавире — в этот город их семья перебралась в 20-е годы. Увидел своего сверстника, который бойко торговал картинками, намалёванными на фанерках. Набрался смелости и спросил Колю, где тот берёт краски. Оказывается, неподалёку была мастерская, где рисовали вывески. Использованные банки из-под краски выбрасывали, но на дне ещё можно было кое-что наскрести. Он сразу насобирал мешок банок, на четырех кусках фанеры изобразил море, берег, парус. Дед вспоминал: «Я был бравый, тонкий, веселый. В черкеске, с кинжалом, на голове кубанка. Хожу, кричу: — Вот оно, вот оно, ночью работано, днем продается, чуть-чуть не даром отдается. Вот берут, так берут — сколько было, столько есть!.. Народ хохочет, подбадривает».

Картинки его с первого дня имели «рыночный успех», а после уже и заказчики появились. Как ни странно, но в базарной истории у нас с дедом тоже были точки пересечения. Ещё не помышляя о рассказах, но уже робко подумывая о журналистике, я понимала: будучи жутко стеснительной, скромной, не преодолев барьер общения, я никогда не смогу поменять работу. И тогда я отправилась торговать огурцами и ранней капустой на базар. Хотя овощи были с нашего огорода, «трудовые», а не спекулятивные, я испытывала сильнейшее чувство неудобства — в любой момент меня могли здесь увидеть знакомые, одноклассники... (Оглядываясь на прошлое, я думаю: какая же нравственная пропасть лежала между так называемым «простым народом» и теми, кто форсировал «залоговые аукционы» и прочие «приватизации», кто торговал не огурцами, а островами и шельфами — национальным достоянием страны!..) Чтобы ускорить продажи, я перешла на шутки-прибаутки и товар быстро разобрали. Две базарных «сессии» на калачеевском рынке не только изменили мой взгляд на торговое дело (в нём нет ничего мудрёного), но и добавили мне недостающей уверенности в общении с незнакомыми людьми.

А Коля подсказал своему молодому «коллеге», что в Армавире есть художественная школа и что туда можно поступить учиться. «Когда я

вошел в это здание, поднялся на второй этаж, где находился большой зал с колоннами и висели картины настоящих художников, я замер, очарованный... Забыл, зачем пришёл». В те восторженные минуты в нём окрепла мечта — стать живописцем, писать классику. Четырехлетнюю профтехническую школу в Армавире он закончил с отличием за два года и получил направление в подготовительные классы Всероссийской Академии художеств.

Дед особенно любил вспоминать, какое нетерпение его жгло — поскорее очутиться в Ленинграде, в Академии, так что он подделал число на билете, чтобы не ждать еще три дня до отправления поезда. (Талант безусловный: мог бы деньги «рисовать» и жить безбедно, а этот юноша рвался учиться!) Но в горячке он перепутал составы и через сутки вышел на перроне в Тбилиси... Без гроша в кармане, голодный, в багажном ящике добрался он таки до Ленинграда, и прямо с вокзала помчался в Академию. С горящим взором, в черкеске (за поясом — кинжал!), без стука широко распахнул дверь приёмной комиссии. «За столом сидели два пожилых человека, и они еле вымолвили: — Что вам нужно?..» — «Поступать приехал!..» Недоразумение счастливо разрешилось (академики перепугались, приняв лихого абитуриента за разбойника), документы для поступления оказались в порядке, но вот только жить — целый месяц — Ткачёву было негде. Возвращаться домой?!.. Ну уж нет, не такой характер! Ровно месяц он скитался по городу: ночевал под эстрадой Соловьевского садика, на Балтийском вокзале, на бревнах, что лежали на Лермонтовском проспекте и даже в одном из склепов Александро-Невской Лавры. «И тепло мне было, и с неба не капало. Страшно? Честно говоря, не очень. За день уставал — работал, рисовал виды Невы, баржи разгружал, добывая на пропитание, поэтому падал и засыпал как убитый».

Не помню, чтобы мы с дедом обсуждали религиозные вопросы — мистицизм его не увлекал. Я видела много его работ, и ни на одной из них не было изображений храма или креста как центральных фигур композиции. По-моему, он всё-таки был атеистом, хотя Бог его берёг. Но его безрелигиозность не была воинственной или пренебрежительной по отношению к верующим, в его атеизме чувствовалось нечто глубокое и много передуманное. Вера в нём жила, но она была иной, не обрядовой, и верил он не в Бога, а в труд, искусство и красоту. За свою долгую жизнь он перепробовал множество жанров — рисунок, промышленная графика (плакаты), скульптура малых форм (на столе в домике у него была отличная ваза для кистей с античными мотивами из глазурированной глины). Каково же было моё удивление, когда дед как-то обмолвился

— он писал иконы! По-моему, речь шла о «застойных» временах, о неофициальных заказах. Помнится, он даже взялся объяснять мне каноны, по которым следует писать иконы («там ничего особо сложного нет, но надо помнить об обратной перспективе и чистоте цвета»), но это открытие — оказывается, неверующий может написать «правильную» икону! — меня так поразило, что я тотчас «уплыла» в свои мысли. И всё же: позволяя себе иногда чуть прихвастнуть в своих уменьях, дед никогда не уходил в цинизм; будучи иронистом, жизнелюбом, он не терпел пошлости, духовной расхлябанности. Дед был на редкость цельным, целомудренным человеком, хотя — подозреваю — вовсе не монахом в годы своей бурной молодости (он всё собирался, но так и не успел рассказать мне, как жил в цыганском таборе, влюбившись в красавицу Марину).

Природа на картинах Михаила Евдокимовича — живая, и всё же дар его не назовёшь «языческим»; просто в художнике бушевала сила жизни, сила таланта, которую невозможно было спрятать, скрыть. Он не был язычником по мировоззрению, скорее, он являл собой прекрасный образец «человека советского» — в нём соединились крепкая крестьянская натура, нравственные основы казачьего бытия и привой классической культуры, доступность к лучшим образцам которой давала новая власть людям из бедного сословия.

Жизнелюбие его проявлялось и в том, что деду нравилось писать обнажённую натуру, и в этом жанре у него были серьёзные достижения. До войны он на речке слепил из глины обнаженную девушку, погрузившую ноги в воду. Народ на противоположном берегу подумал, что это — утопленница, вызвали милицию. Такова была сила достоверности его искусства! В годы нашего общения редкое лето у него обходилось без картин, запечатлевших обнаженные женские прелести. Натурщицы жили рядом, чуть ли не на соседней улице, но дед умел рассмотреть в них красавиц, и более того, как-то убеждал их позировать!.. Работы эти были свежи, как всегда неожиданны по композиции, естественны, и опять же, в них не было ничего грязного, вульгарного, шокирующего. Восхищение молодостью, радость жизни, скорее даже — сама жизнь! Он всегда шел от натуры, легко, чуть пружиня, будто проходя по деревянным мосткам через речку (еще один сюжет его этюдов), и потому ухитрялся не впадать в натурализм — словно внутри, в нём самом, горела волшебная «лампочка», которая совсем по-иному освещала мир.

Правда, что-то мне подсказывает, что на заре его творческого становления именно «телесное» сделало «подножку» духовному. Поступив на рабфак Института живописи, скульптуры и архитектуры Ленинградской

Академии молодой художник не смог закончить курс — его отчислили по решению товарищеского суда. Дед так объяснял это своё жизненное крушение: «Один из парней, поступавших вместе со мной, не прошел по конкурсу. Его оставили служить в пожарной команде, он мог пользоваться академической библиотекой. И тогда парень открыл свой «бизнес» — вырывал из книг цветные репродукции и продавал студентам. При обыске две картинки нашли и у меня».

Мы не обсуждали с дедом, что было изображено на репродукциях. (Возможно, «Даная» или «Венера» каких-либо европейских мастеров.) Но, кажется, он был не вполне виноват в случившемся, потому что ему, художнику-изгою, ютившемуся в подвале Академии, студенты несколько месяцев носили еду. И это при том, что хлеб тогда давали по карточкам!

Шел 1933 год. Летом он поехал в Калач, куда к этому времени вернулась с Кубани их семья, но мать его встретила лепёшками из лебеды — голод был страшный. Тогда он вернулся в Ленинград, устроился на фабрику-кухню оформителем, там же питался, жил. Ночевал на столе, зимой ходил в пиджаке и кепочке — на теплую одежду не было денег. И всё равно учился — в Таврическом художественном училище. Молодой человек, один в большом городе, без родни, без «блата», и какая целеустремлённость!.. Поразительно!

Вскоре его призвали на военную службу. Был в этом существенный плюс — способному бойцу разрешили посещать изостудию Дома Красной армии им. Кирова. Преподавали там педагоги из Академии Художеств. Среди них Михаил Иванович Авилов, автор знаменитых картин «Молодой царевич и бояре-воспитатели», «Опричники в Новгороде», «Прорыв польского фронта Первой конной армией». Дед относился к Авилову с глубочайшим уважением, считал, что он сильно повлиял на его творческое становление.

Здесь, в изостудии Дома Красной армии, судьба его могла ещё раз круто измениться: «Однажды рисую, подсаживается ко мне профессор. Как хорошо, говорит, у вас получается, вы учились где-то? Лицо мне ваше знакомо. — Да вы же, Павел Семенович, меня и выгнали из Академии...» Это был известный художник-педагог Павел Наумов. В Первую мировую он вместе с Есениным служил санитаром в Царском Селе, оставил нам карандашный портрет поэта того времени. («Вот, — думала я, — и у меня обнаружилась прямая связь с Есениным — через деда, который много общался с Наумовым»).

Профессор оценил творческое упорство изгнанника и предложил Ткачёву вернуться в Академию. «Я отказался. Лучше уж в пойду ЛенИзо, где можно и учиться, и зарабатывать». Дед, наверное, лукавил — дело было не только в материальных выгодах (копиистам из ЛенИзо хорошо платили), но и в оскорблённом самолюбии — казачий характер, нравный!

Может быть, вот эта его порывистость, темперамент и определили со временем главную черту его творчества — импрессионизм, безусловно, русский, самобытный (и по материалу и по технике), и в то же время «советский» — по своему свободному, жизнерадостному мироощущению. Он жил во времена, когда человек был хозяином своей судьбы, своей страны и своего творчества. И это чувство счастливой соединённости с миром неуловимо предавалось на его полотнах: плывет ли лодка по реке, или склоняются к водам ивы, пегая корова щиплет траву у забора или цветут жарки в степи, девушка позирует у весенней яблони или дразнят краснощекие яблоки в белой эмалированной чашке — всё в зрителе рождает сопричастность, здоровую зависть. В лодку хочется сесть, а в теньке под ивами полежать; корова, видно, что своя, справная, домашняя, и хозяева у неё крепкие, а степные жарки, что ж, они быстро отходят, оттого грустно; да и яблоню сколько не обнимай — юность прошла, одна радость — спелым яблочком насладиться, зрелостью жизни...

Дед говорил мне:

— Сапоги сшить — тоже искусство. Или табуретку сколотить, если в это душу вкладывать. Но сложнее всего — искусство образное, то, что создает образ.

Иногда меня просто распирало от счастья — я чувствовала, как он прав, и как это здорово — владеть мастерством, уметь создать живой образ, который, что называется, «хочется потрогать» — так велика в нём сила достоверности.

Из всех своих книг я подарила ему только первую — «Предчувствие» — в которой не разочаровалась и теперь. Для меня она тоже была «персональной выставкой» — этюдов, жанровых сценок, настроений. «Я прочитал твою книжечку, — сказал мне дед. — Мне понравилось!» Я кивнула, из самоуверенности принимая его оценку как должное.

Другие свои книги я деду не дарила. Не то, чтобы стеснялась, нет. Просто в этом не было особой нужды — я и так была у него на глазах, со своим духовным миром, развитием. Я уже не выходила из «литературного моря», из ощущения творчества (хотя были периоды «упадка», сомнений и нокаутирующих жизненных ударов — но их я с дедом не обсуждала, мне казалось нечестным перекладывать свою ношу на его

девяностолетние плечи). Но, удивительно, я всё равно получала в нём поддержку, опору. Даже сам двор деда был солнечным местом — я всегда ощущала здесь спокойную, уверенную и неизбывную силу.

Мы сидим на дворе, в теньке. Под вербой столетней, на брёвнышке. Красота — лето в самой макушке! Грустнее всего от полного счастья: что тепло, что деревья зеленые, небо синее, земля изо всех сил родит — вчера вон какой дождь пропорол... А после, когда тепло начнет убывать: ну, не то... А жизнь?! Ужас как летит, и сладкие денечки в сундук не положишь, с собой не возьмешь...

Деда, конечно, угнетало, что его, члена Союза художников с 1952 года, принимали и признавали в Питере как бы «сквозь зубы». И это при том, что картины его были во многих музеях — Русском, Военно-Морском, Обороны Ленинграда, не говоря уж о провинциальных собраниях. Особенно к Ткачёву тянулись зарубежные коллекционеры и галерейщики — англичане, немцы, американцы, японцы, французы, финны. Лучшие его работы потихоньку перекочёвывали за рубеж, а наши музеи тем временем заполнялись копиями «чёрных квадратов» и прочим сомнительным «новаторством».

У деда была только одна персональная выставка в Ленинградском отделении Союзе художников — в 1988-м году, и это грандиозное событие грело ему душу всю оставшуюся жизнь. Он часто возвращался к нему в своих воспоминаниях: «У академика Моисеенко (прославленный живописец выставлялся в соседних залах) было тридцать отзывов, а у меня триста!» Михаилу Евдокимовичу в пору выставки стукнуло 75 — признания он дожидался долго.

Из книги отзывов: «Достоверно — Вы гордость современного советского искусства, да и русское не посрамили, и это не преувеличение, но запомните, Вам этой выставки не простят, ибо всякое ничтожество не простит превосходства». Ещё: «Всё так солнечно, проникновенно и по-русски. Какие «добрые» картины! После выставки этого художника веришь, что искусство (истинное) спасёт мир, даст правильный жизненный ориентир — беречь и любить свою землю, не впадать в ничтожную жизненную суету». И — совсем коротко: «Я увидел красоту. Спасибо».

И таких восторженных откликов — десятки! Удивительно вот что: терпение деда. Обладая большой работоспособностью и не получая десятки лет официального признания (звание «Заслуженного художника РФ» ему присвоили только в 1997 году, на 86-м году жизни!), он не скатился в коммерцию, в «штамповку», в кич и самоповтор (то, что диссидентство и модернизм — не его стезя, думаю, понятно). Художник в нём

победил все соблазны. Какой же внутренней силой, убеждённостью надо было обладать, чтобы так упорно торить свой путь! Многие творцы «из народа», обладающие ярким дарованием, не выдерживают, поддаются конъюнктуре — не всегда из материальных выгод, скорее из хитрости, в надежде добиться большей известности. Михаил Евдокимович на это не пошел! А ведь мог бы!.. Но искусство было ему дороже славы.

Теперь, спустя годы, вглядываясь в его внешне простую жизнь, которая протекала на моих глазах, я невольно вспоминаю ещё один его автопортрет — замечательную акварель 1946 года. На ней запечатлён роковой красавец, покоритель морей. Синие полоски тельняшки, алый платок завязан на затылке на пиратский манер, но главное — не одежда «с вызовом», а выражение лица, глаз. С акварели внимательно смотрит умный, много повидавший человек, уверенно держащий в руках штурвал жизни. И этот внутренний стержень, скрытый за простотой его калачеевского быта, сохранился в Михаиле Евдокимовиче до глубокой старости. Жизнь его словно бы таила в себе несколько других миров, но они не разрушали его цельности, а делали его ещё сильней.

И всё-таки он дождался своего «звёздного часа», и мне тепло на сердце от того, что к этой его радости я оказалась причастной. В 2002 году в издательстве «Вече» выходила книга «Самые знаменитые живописцы России», составляла которую искусствовед Капитолина Кокшенёва. Сборник охватывал огромный период — восемьсот лет развития русской живописи, и в самом конце его, после творческих биографий Андрея Рублева, Василия Тропинина, Ивана Айвазовского, Ивана Шишкина, Архипа Куинджи, Василия Сурикова и других прославленных живописцев был небольшой раздел, посвященный современным художникам. Я попросила составителя разместить там информацию о Михаиле Ткачёве. Жаль, что в те времена у меня не было под рукой достойной иллюстрации, и в дело пошёл один из «дедовских» домиков — по правде говоря, не самый лучший. Но всё равно: справедливость таким образом восторжествовала! Я знаю, что в Питере Михаилу Евдокимовичу многие звонили, поздравляли, книгу эту он увидел даже раньше, чем я, несколько экземпляров привозил летом в Калач, с гордостью показывал издание своим гостям.

В общем, я пролила бальзам на его душу, и в этом событии было много чудесно-невероятного. Прежде всего, для меня — как быстро, оказывается, был пройден этот путь — от альбома «Художники Третьяковской галереи», который я рассматривала на переговорном пункте, до книги «Самые знаменитые живописцы России», где уже есть и частичка моего влияния...

То был счастливый для деда год — год его 90-летия, к юбилею было приурочено ещё одно знаменательное событие — выход альбома «Михаил Ткачёв. Живопись. Графика. Мелкая пластика» под общей редакцией Савелия Ямщикова.

Альбом собирала и готовила к печати дочь деда Наташа. Помню, как мы вместе перелистывали страницы издания, сидя в домике и рассматривая репродукции. Это было удивительное чувство: некоторые работы из последней части книги я видела «живьём» в это же комнате, а теперь они «отчуждены», официально признаны произведениями искусства.

И снова дед меня удивил: альбом ему не понравился. Даже в преклонные годы он не потерял зоркости художника, умел оценить сделанное по достоинству. С формальной стороны работа была выполнена добротно: толковый биографический очерк, живопись и графика в хронологическом порядке, фотографии персональной выставки, отзывы посетителей, каталог... Но, во-первых, печать оставляла желать много лучшего, а во-вторых, сам подбор работ был не шедевральным, даже я понимала, что такой состав не передаёт всех достижений художника.

Дед ворчал: «Наташа продала несколько картин, собрала альбом, насовала в него всякого... Я прибаливал, не мог всё отследить». Он мечтал выпустить ещё одно собрание репродукций — «такое, как я хочу». И рассказывал мне про свои картины, которые висят у него дома: «Умру, делайте что хотите, а пока живой, продавать не дам. Ни за какие деньги».

Что ж, мой рассказ приближается к неизбежному финалу... С годами дед стал плоховато слышать: я приходила к нему в домик, видела, как лёжа на кровати, застеленной байковым одеялом, он прижимает радио к уху, слушает новости. Но это ничего, страшнее было другое — он начал слепнуть! Старость и катаракта отнимали у него то, что составляло его жизнь — возможность творчески работать! В последнюю нашу встречу — кажется, летом 2005-го — он подарил мне грубоватый, незаконченный этюд: «Писал по памяти, на догадку, почти ничего не видя...»

Зимой его домик в очередной раз обворовали. Дед стал совсем старым, беспомощным.

И я к нему тоже пришла не то, чтобы обворованная, но сильно обиженная жизнью — я похоронила сестру, маму; на душе было смутно, меня всё больше захватывала житейская непогода, я стремительно теряла уверенность в себе, все прежние опоры шатались, меня начинала кружить, захватывать стихия саморазрушения. Всё казалось ничтожным, мелким перед этими потерями, ничего не спасало — ни искусство, ни

творчество. «Зачем он сюда приехал?» — с тоской думала я, глядя на деда, понимая, как тяжело ему тут придётся.

А он, словно отвечая на мой мысленный вопрос, говорил:

— Зов родины, родина зовет!

И я, молодая ещё, здоровая, в очередной раз позавидовала ему — глухому, полуслепому старику, поразилось его силе жизни и силе таланта. Сила жизни земли часто не освящена никакой религией, только инстинктом. А сила смирения перед ударами судьбы иногда готова нас подвинуть навстречу смерти, к лёгкому согласию «на всё».

Я спускалась вниз по улице Герцена, в руке у меня был незаконченный, беззащитный этюд, сердце моё щемило. Но я не плакала, ожесточившись перенесёнными потерями. Я шла, и смотрела не под ноги, а на высокий, похожий на каравай, купол неба. И, как не раз уже бывало со мной в трагические минуты, я опять остро ощутила торжественную красоту этой большой и всё-таки неподвластной нам жизни. В тот день в храме природы был праздник, она ликовала, и, возможно, что-то хотела сказать мне в утешение... Но я прислушивалась только к себе и чувствовала, что с дедом мы больше не увидимся.

Он умер на 97-м году жизни, не исполнив своей шутливой мечты — дожить до ста лет.

Но пусть на моей «картине» художник Михаил Ткачёв будет живым, красивым и сильным, каким он и остался в моей памяти. Пройдут годы и годы, и искусство его — солнечное, щедрое, запечатлевшее частицу его большой души, так же будет радовать нас, как и прежде. Настоящее — остаётся. И мы остаёмся в нём...

март 2010

В небе над Иорданией

Официально:

С 3 по 5 июля 2010 года в Аммане проходила научная конференция, посвященная творчеству иорданского писателя Монеса Раззаза, на которую собрались литераторы из Сирии, Ливана, Йемена, Саудовской Аравии, Туниса, Марокко, Египта, Турции и других стран. По приглашению Лиги писателей Иордании и при содействии Российского культурного центра в Аммане и лично представителя Россотрудничества в Иордании Александра Дорофеева, в работе форума приняли участие литераторы из России — критик, секретарь СП России, председатель Гражданского литературного форума Капитолина Кокшенёва и новеллист, член Союза писателей, Лидия Сычева. Поездка была организована по линии сотрудничества между СП России и Лигой писателей Иордании при содействии председателя иностранной комиссии СП Олега Бавыкина.

* * *

Всю эту поездку я не расставалась с блокнотом (но самые главные впечатления остались, конечно же, в сердце), скучала по дому и думала: как же тут, в пустыне, могут жить люди?! Ближневосточный пейзаж видится величественным, когда смотришь на него из окна комфортабельного автомобиля — гигантские желтые складки рельефа, известняковые камни, крупный песок да редкие пыльные колючки у дороги. Но лишь сделаешь несколько шагов в сторону от благ цивилизации, появляется обескураживающее чувство бессилия — куда ни кинь взор, ни одной живой души, ни одного деревца или родника, ни одного строения, только холмистое, звенящее от жары безмолвие, невольно рождающее отчаяние. 90 процентов площади Иордании занимают пустыни и полупустыни.

Лишь в долине реки Иордан зелено, веет свежестью и прохладой. Правда, листья на деревьях мелкие, узкие, кроны кустистые, шарообразные — всё живое здесь стремится защититься от солнца. Вода преобразует эту бедную желто-коричневую землю — в долине за колючей проволокой набирают рост банановые плантации, где-то рядом — фруктовые сады, зреют на деревцах услады Востока — абрикосы, персики, апельсины. По этой земле ходил Христос, и здесь словно остановилось время — будто и не было двух тысяч лет, будто и не было заповедей

любви — Западный берег реки Иордан оккупирован Израилем, граница проходит прямо по воде, и русских туристов, которые по традиции стремятся окунуться в святые воды, предупреждают: нельзя заходить за середину узкой речушки, завоет сирена и случится международный конфликт...

На Западном берегу на высокой мачте реет израильский сине-белый флаг с шестиконечной звездой, видны пограничные постройки. Когда-то Иордан был могучей рекой, ещё в XIX веке здесь были стремнины, пороги и водопады, а теперь ширина русла невелика — 8–10 метров, воды стали мутно-зелёными, дно илистым. Но именно в этих местах мировая история сделала крутой вираж — здесь, на восточном берегу, в сорока метрах от сегодняшнего течения Иордана археологи обнаружили развалины византийской церкви и основание греческой колонны, установленной на месте, где Иоанн Предтеча крестил Христа.

И мы здесь были... Смотрели на тихие будничные воды, в туманной дымке на другом берегу виднелся Иерихон. Расцветало утро, жара ещё не набрала силу, небо было высоким, прозрачно-голубым, дышалось легко, легко... Тихая грусть поднималась из глубины души — так совпало, что мы приехали к месту крещения 7 июля, в праздник рождества пророка Иоанна Предтечи и в день рождения моего брата, трагически погибшего двадцать лет назад. И сегодня, в этот же день, увольнялся из армии в запас его старший сын, Олег. Мы должны были увидеться в Москве, отметить успешное прохождение службы, но я думала о нём здесь, на берегу Иордана. «Как ныне сбирается Вещий Олег отмстить неразумным хазарам...», — племянник мой вырос воинственным, думающим и волевым человеком, непоколебимо-русским. Что-то грозно-величественное вырисовывалось в сцеплении этих дат и событий, какая-то не случайная, но пока не понятая мной закономерность; круг жизни двигался, то опасно накреняясь, то стремительно убыстряясь, и личные наши судьбы, словно цветы в венок, вплетались в общий ход семьи, народа, мира. День над Иорданом был ясным, легко думалось, горизонт был далёк, вера — полна и тревожна.

* * *

Иордания — страна неспешная, как и весь арабский Восток. Слишком жарко, слишком много энергии уходит на поддержание жизни, так не разумней ли поберечь силы, тем более, что предназначенное всё равно сбудется?! Не скука, а знойный покой лежит над плоскими крышами Аммана.

Если смотреть на карту Иордании, то кажется, будто расправив крылья, летит в ближневосточных песках изящная бабочка. Сердце «бабочки» — столичный Амман, где живёт почти половина населения страны. Здесь не разрешают строить дома выше трёх-четырёх этажей, и владения двух с половиной миллионов жителей широко раскинулись по земле иорданской — город кажется бесконечным. Вечером в Аммане легко заблудиться даже опытному человеку — улицы похожи друг на друга, как близнецы, дома, тесно строящие рядышком, все из светлого известнякового камня. Земля в городе дорогая и цена её растёт с каждым днём, потому возле детского сада или жилого дома здесь не встретишь игровую площадку, улицы тесно забиты машинами, тротуары — не разгуляешься... Но зато у иорданцев — так принято — большие, сравнительно с нашими, квартиры и виллы. В любом доме непременно есть гостиная, место, где можно неспешно поговорить, выпить крепкого чая и вкусить восточных сладостей — право, они этого стоят.

Уже после возвращения из Иордании я прочитала очерк об Аммане «Голубые верблюды», написанный Валентином Сорокиным в 1984 году и поразилось: как точно поэт сумел передать атмосферу этого города. «Светел белокаменный Амман. Рано утром его согревает спокойно-пламенное солнце. Поздно вечером не дает ему простыть могучее дыхание близкой пустыни... День в Аммане не наступает, а появляется сразу. Глазастый и серебристый. Серебристость — над плоскими крышами вилл, особняков и дворцов. Серебристость — над долиной, над холмами. Серебристость — над задумчивыми далями, над мудрыми древними горами».

Выступая на конференции иорданского писателя Монеса Раззаза, я говорила о том, что училась в Литинституте у Валентина Сорокина, что он — автор поэмы «Палестинец», и что нет никакого иного пути у русских для изменения ситуации в стране, кроме как вновь стать героями:

Волгари, уральцы, сахалинцы,
Мы идем и не отступим впредь,
Русские, мы ныне – палестинцы:
Родина за нами!
Или – смерть.

После выступления ко мне подошёл иорданский литературовед Хусейн Джумаа. Он был взволнован: «Я переводил стихи Валентина Сорокина на арабский, сопровождал его в поездке по стране!.. Пожалуйста, расскажите ему о нашей встрече — он должен меня помнить. Это очень

хороший человек, настоящий русский!.. Передайте ему привет от Хусейна». Мы оба были расстроганы: разъятое, казалось бы, навсегда время — соединилось...

Тема Палестины, арабо-изральского противостояния — данность Ближнего Востока, и, конечно, её нельзя было миновать в этой поездке. Арабы, у которых так сильна клановая система, весьма разобщены организационно, и всё-таки это огромный, более чем трехсотмиллионный единый мир, с общим языком, традициями и обычаями. Политику Израиля тут не обсуждают: «А что о нём говорить?! Это наш враг, все и так знают». Другие точки зрения не встречались: здесь они невозможны.

Мы беседуем с Еленой, она замужем за палестинцем, много лет живёт в Аммане, здесь выросли её дети, дочери уже разлетелись по свету, сын учится в школе. Её муж — инженер, образование получал в СССР. «Друга я никогда не забуду, если с ним повстречаюсь в Москве», — жизнь Елены прошла здесь, под знойным ближневосточным солнцем. Кожа её, впрочем, так же светла, как прежде, золотистые волосы не потеряли блеска — чистейший славянский тип! И в то же время она, безусловно, палестинка — с какой горечью говорит Елена о судьбе народа-беженца! «Почему мир молчит о той же Газе?!.. Люди там живут фактически в концлагере, в тюрьме. И никому, получается, до этого нет дела». Нет дела до фосфорных бомб, до убитых и раненых детей, до перебоев с водой и продовольствием, до невиданной в мире безработицы. Чем виноваты эти люди?!

В эру спутникового телевидения и интернета Елене легче, чем прежде, узнавать о новостях из России: можно почитать свежую прессу, порадоваться острому перу Анны Серафимовой (любимый её автор из газеты «Завтра»), найти публицистику Юрия Мухина и Станислава Куняева. Прежде, в конце 80-х, с информацией было похуже, но свёкор Елены, известный палестинский журналист Мусаллам Бсейсо, сразу ей сказал: «Добром эта перестройка не кончится. С русскими разыгрывают ту же схему, что и с нами». «Так и вышло, — вздыхает Елена, — папа был прав!..»

Палестинцев в стране 2,7 млн, больше, чем местных, иорданских арабов. Естественно, что трения в такой ситуации неизбежны, хотя «сильные мира сего» в лице США, Евросоюза и Японии пытаются сделать из Хашимитского королевства мягкий буфер, дабы палестинцы, согнанные со своей земли (только официально зарегистрированных беженцев в стране 1,57 млн.) смирились с потерей родины. Может, на уровне властей этот план и работает, но вот в среде местной интеллигенции приязни к «руке дающей» не наблюдается — Америку здесь не любят. Посоль-

ство США в Аммане напоминает неприступную крепость — высокий забор, по углам — бэтээры с нацеленными пулемётами и пушками, на броне — солдаты с автоматами в руках. (То ли дело охрана королевских дворцов: проезжая мимо, мы наблюдали забавную сценку, когда бравый гвардеец прислонил винтовку к стене и отошел в сторону, целиком отдавшись разговору по мобильному телефону.)

Размышляя о судьбе палестинского народа, Елена хвалит роман Кафы Зооби «Вернись домой, Халиль», который недавно вышел в России. «Там всё правда! Можно приводить цифры, историю вопроса, а можно эмоционально рассказать историю трёх поколений палестинской семьи. Мне приятно, что этот роман написала иорданка».

В Аммане мы встретились с Кафой, и разговор наш шел на русском языке: она училась в Москве и Ленинграде, долго жила в России, да и сейчас часто бывает в Санкт-Петербурге. Муж Кафы хорошо известен в театральном мире — Салам Кубайлат, выпускник Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии стал продюсером спектакля «Ленинградка», который в 2009-м году получил премию «Золотая маска». Эту притчу о блокаде, рассказанную языком кукол, Салам привозил и в Амман. А о себе он говорит так: «Я был председателем Союза Студентов Иордании, был секретарем организации Компартии в Петербурге. В Иордании работал в подпольных условиях — до 1989 года коммунистическая партия в стране была запрещена, и каралась тюрьмой. А я был и остаюсь убежденным коммунистом, но принадлежность к партиям для меня никогда не была главной целью».

Что ж, подивимся прозорливости Мусаллама Бсейсо — не обманула его наша перестройка, не очаровала своими «послаблениями», эхо которых докатилось аж до Иордании. Мы теперь так «перестроились», что превратили Северный Кавказ в пороховую бочку — редкий день там проходит без убийства, теракта, насилия. Что, взяли на вооружение опыт «арабо-израильского урегулирования»?!.. Если да, то этот хаос надолго. А если по-хорошему, то Кавказ, особенно Дагестан, вопиют: нам нужна советская власть — от каждого по способностям, каждому — по труду, нам нужны чиновники — не мздоимцы, а истинные коммунисты-государственники, нам нужна дружба народов — не показная, а настоящая...

Про то, какой мир на Ближнем Востоке строит Израиль, рассуждает в прессе раввин Авраам Шмулевич: «Мы возьмем кусочек Египта, территории Ливана, Сирии, часть Ирака и отщипнем от Кувейта — это и есть земля, данная Богом еврейскому народу. Кнутом мы освободим нашу землю, а живущим на ней народам предложим выбор: либо умереть, либо жить по нашим правилам... Когда Израиль возьмет под свой

контроль пространство Ближнего Востока, он произведет зачистку по методу Александра Македонского, несогласных истребят, а покоренные народы включатся в имперскую систему».

Кнутом мы освободим землю — не в этом ли суть протяженного во времени «арабо-израильского урегулирования», с резней в Дейр Ясин, в Кибии, в Сабре и Шатиле, в Дженине?! Частью этого плана стала и оккупация Ирака Соединёнными Штатами.

* * *

О том, что Ирак — теперь ещё одна кровоточащая рана арабского мира, мы говорим с известным писателем, публицистом, постоянным автором «Аль-Джазиры» Фаделем Рубайи. Ныне гражданин Голландии, житель Сирии, он давно покинул свою родину — Ирак. Не в нефти дело, не в мифическом оружии массового поражения, и даже в неоднозначной личности диктатора Саддама Хусейна, претендовавшего на роль лидера арабов, нужно искать причины оккупации. Был за Ираком непрощаемый грешок — ракетные удары по территории Израиля во время войны в Персидском заливе в 1991 году. Потому накануне операции «по демократизации», начатой в 2003-м году, в США и звучали здравые голоса, что «если бы не мощная поддержка идеи войны с Ираком со стороны еврейской общины Америки, ситуация не зашла бы так далеко».

«Наклоняя» Ирак, сильные мира сего, казалось бы, косвенно помогали Тель-Авиву возобновить переговоры с палестинцами на условиях выгодных для Израиля. Не вышло: американцы завязли в этой войне, а арабы не стали сговорчивей. Зато Ирак, древняя земля Междуречья, колыбель мировых цивилизаций являет теперь собой жалкое зрелище: 1 млн 200 тысяч убитых (раненых уже давно никто не считает), 2 млн внешних беженцев, осевших в Сирии, Иордании, Египте, Ливане, 2,5 млн «внутренне перемещенных лиц». «Накба» — «катастрофа», так называют палестинцы трагедию своего народа, изгнанного с родной земли, потерявшего родину и имущество. Новая Накба — иракская, люди бегут из разрушенной страны, и многие не видят никакого другого способа прийти к миру, как только взять в руки оружие.

По мнению Фаделя Рубайи, сейчас Ирак стоит на пороге распада, и к этому страна подводилась в ходе всей американской оккупации. Ближайший прогноз писателя неутешителен: вывод войск приведёт к гражданской войне со всеми неизбежными последствиями. Что же касается позиций России в этом регионе, то они всё ещё сильны, но дипломатическое безмолвие неизбежно ведет к потере влияния.

Раздробление Ирака — часть глобального плана по раздроблению национальных государств: «Ирак — тактическая цель, Саудовская Аравия — стратегическая, а приз за победу — Египет». Каждый день в оккупированной стране гибнут люди: по мнению Рубайи, это не свидетельство системного ухудшения ситуации (просто потому, что хуже некуда), а выражение политического кризиса. В колыбели мировых цивилизаций идет последовательная ликвидация «культурного слоя» — в Ираке развернулась настоящая охота за врачами, инженерами, учителями. Методично истребляется национальная интеллигенция, две трети преподавателей вузов уничтожены, убиты более тысячи врачей, 350 писателей и журналистов. Вот такая «демократизация»...

Разговор наш с Фаделем Рубайи получился нелёгким. Вывод писателя неутешителен: «Решение политического вопроса снимет многие проблемы с безопасностью внутри страны. Но прежнего Ирака не будет уже никогда».

* * *

Нам повезло с погодой — в разгар лета не было палящего, изнурительно зноя. Жарко, за тридцать градусов, но вполне терпимо, если передвигаться по теневой стороне улицы. Но всё-таки, до чего же не похожа Иордания на Россию — здесь всё другое — земля, климат, традиции. И потому тоска по родине уже посещает моё сердце — в гостях хорошо, а дома лучше!..

А каково же тем, кто уехал сюда навсегда?!.. Не все наши соотечественницы, в отличие от Елены, счастливы в заморских краях. Вот хрупкая женщина в мусульманской одежде торгует товарами с русской маркой — гречкой, сушками, тульскими пряниками, предлагает сусло для кваса: «Национальный напиток, отлично утоляет жажду». Впрочем, реклама не нужна — русские бойко разбирают товар, по Амману уже сорок точек «этнографической торговли». А новообращённая мусульманка — с голубыми грустными глазами, светлым лицом. «Что же Вы веру нашу поменяли?» — спрашиваю я. «Разочаровалась в православии, искала чего-то более чистого, прочного. Но ислам как теория не совсем то, что практика жизни...»

Дело, конечно, не только в поисках: Иордания государство хоть и светское, но семейные отношения здесь отчасти регулируются религиозными нормами, так что обычно славянские жены принимают веру своих будущих мужей. Не обязательно, кстати, это ислам — в стране есть влиятельная христианская община, включающая около 10 процентов населения.

И всё же главным потрясением для нашей соотечественницы оказалось даже не ношение хиджаба — к этому она была внутренне готова, а тот культурный шок, который она перенесла в Иордании: «Здесь люди практически не читают!.. Только в одной-двух семьях из ста есть книги — у остальных запросы такого рода даже не возникают. Люди работают как заведенные с утра до вечера — деньги главное, надо думать не об абстрактных материях, а о том, как содержать семью. Народ здесь трудолюбивый, это правда. И всё-таки мне тяжело — не хватает культурной среды».

Да, слой арабской гуманитарной интеллигенции весьма невелик, но зато и уважаем в обществе. Нельзя сказать, чтобы местным журналистам и писателям это их влияние преподнесли на блюдечке — они пером отстаивали свои убеждения, а некоторые реально за них пострадали. На конференции мне показывали людей, которые отсидели большие сроки в тюрьмах, за то, что были коммунистами. Например, один из лучших современных иорданских новеллистов, Хашим Гарайбе, провел в заключении девять лет.

Писатель Монес Раззаз (1951–2002), творчеству которого посвятили форум, был приверженцем социалистических идей, и пришёл к ним вполне осознанно, поездив и посмотрев мир. После окончания школы он некоторое время учился в Оксфорде, изучал философию в Бейруте, закончил Багдадский университет. Аспирантуру в американском университете ему пришлось оставить: по семейным обстоятельствам будущему писателю надо было вернуться домой. В 1994 году Раззаз, уже автор нескольких романов, был избран главой Лиги писателей Иордании. Он был разносторонне одарен: выступал как журналист и обозреватель ведущих арабских газет, был переводчиком, публицистом, политиком, художником (на конференции представили небольшую часть его живописи и графики — мрачно-тревожные, пронизанные экзистенциализмом работы). Писатель рос и развивался, творчество его было одновременно и психологично, и политизировано, он задавался корневыми основами бытия, и не чуждался злободневной полемики. Многие критики отмечали, что Монес, выпуская роман за романом, торопился жить — судьбой ему было отмеряно немного времени. Большое влияние на творчество писателя оказал отец — известнейший политик-социалист на Ближнем Востоке, один из основателей партии «Баас».

В книгах Раззаза отражена история распада общечеловеческих ценностей и национальных институтов, улавливается влияние модернистов, есть «перекличка» с Прустом и Джойсом, чувствуется влияние философии Достоевского. Писатель задавался мучительным вопросом:

действительно ли арабы, в сравнении с другими цивилизациями, опоздали на «ярмарку жизни»? В чём причины этой исторической инерции? Самые известные его работы, например, «Арабы, потерявшиеся среди небоскрёбов», переведены на английский язык. Но главное, творчество Раззаза пережило самого автора: его романы активно обсуждает молодые читатели на форумах в интернете, книги переиздаются... Именно культура обладает мощным ассимиляционным зарядом, она может примирить (или разделить), и уж, во всяком случае, позволяет людям из разных стран лучше понять руг друга. К сожалению, произведения «иорданского Юрия Бондарева» пока не переведены на русский язык, так что на конференции приходилось довольствоваться сведениями из докладов: «Биография как вид прозы», «Драматизм в романах Раззаза», «Страх и слово в прозе писателя»... В любом случае, если до посещения Аммана мои знания об этом авторе были нулевыми, то после форума образ его стал обретать черты определённости.

В один из вечеров семья писателя устроила приём для участников конференции в доме, где жил Монес Раззаз. В просторных комнатах можно было увидеть много книг на арабском и английском языках — тут и энциклопедия «Британика», и тома классиков, и издания коллег по перу, и солидная подборка собственных томов... Пока родственники размещали в одной из комнат угощенье, в том числе большие блюда с аппетитным мэнсаф — сваренным особым образом рисом и кусками мяса, гости разошлись по дому, ведя неспешную беседу и дымя сигаретами. Мы сидели на веранде, и разговаривали с филологом, преподавателем Каирского университета Саиедом Бахрави. Он читает курс арабской литературы, живо интересуется тем, что происходит в России. Мнение его таково: «Влияние русской классики XIX века на развитие арабского романа и рассказа огромно. Воздействие нынешних писателей из России на мир — минимально».

Саиед — изящный, худощавый, застенчивый, даже во время рабочих заседаний конференции он не расставался с чётками. Печаль, меланхолия и задумчивость не покидали его лицо, но в этот вечер в нашей компании он повеселел, и даже рассказал пару политических анекдотов — все беседы в арабской писательской среде рано или поздно сходятся к устройству социальной жизни... А наутро на нём не было лица — он едва не плакал, так велико было его горе. Умер выдающийся египетский философ, филолог Наср Хамид Абу Заид. Долгое время он пребывал в изгнании — исламистские фундаменталисты не могли простить ему новых толкований Корана. Для Саиеда смерть его учителя — большая и невосполнимая утрата.

Вот такой он, арабский мир — в нём, безусловно, есть люди высокой культуры, есть свои философы и интеллектуалы, есть своя, самобытная литература. Это прекрасно известно нашим востоковедам, учёным и переводчикам. Жаль, что голос их почти не слышен в современной России — каток глобализма изрядно проехался по нашим представлениям, и, право, мы от этого не выиграли...

* * *

Конференция, меж тем, шла своим чередом. Уже от творчества Монеса Раззаза перешли к общим вопросам, таким как «Судьба арабского рассказа в первой половине XX века» — безо всякого перевода по неоднократному звучанию слова «Чехов» в докладе сирийского критика Набиля Сулеймана, можно было понять роль нашего классика в становлении ближневосточной новеллы. Следом разбирали эпопею палестинского автора Сальмана Натура «Шестьдесят лет» — о времени, прошедшем после арабо-израильской войны 1948 года. Говорили о «Роли читателя в создании художественного произведения» и о «Голосе автора в некоторых арабских романах». Между прочим, литературу в арабском мире двигали преимущественно левые и коммунисты — это к вопросу о том, что не всякая традиция — благо... Наконец, дошли и до «Темы любви в современной турецкой прозе» — доклад о бестселлере, в котором автор-женщина описывала «сорок принципов любви» энтузиазма у собравшихся не вызвал.

Сообщение, посвященное юмору в коротких сирийских рассказах, рассмешило зал — критик Адель Фрейжат пересказал несколько сюжетов. Одного молодого человека постоянно мучает страх, и он никак не может понять его причин. Оказывается, дело в «Докторе Живаго» — чтение этого романа нагоняет величайшее уныние. «Я тебя больше не буду читать, пусть другие это делают!» — говорит герой автору, глядя на портрет писателя. Другой сюжет политический, совсем из наших реалий: кандидат провалился на выборах, он плачет — за него не отдали ни одного голоса. Взывает к справедливости: «Куда же делся бюллетень, который я сам бросил в урну?!..»

Но главное событие конференции приберегалось к финалу — чествование классика арабской литературы романиста Ханны Мина (род. в 1924 году). В первый день форума знаменитый сирийский писатель ненадолго появился в Аммане, и я его мельком увидела — невысокий пожилой человек, седой, безо всяких черт величия. Приехал и, не объясняясь, вскоре исчез. И на заседании, где предполагалось его чествование, не появился.

Ещё два года назад он огласил своё завещание, и, похоже, не отступает от заявленных принципов, избегая всяческой шумихи. Литературовед Атеф Бутрос, защищавший кандидатскую по творчеству Ханны Мина в Москве, прочитал завещание писателя, и дальнейшие его комментарии были излишними. Разумеется, моё изложение весьма вольное, и всё-таки я попробую передать смысл документа: «Я счастлив, что глаза мои увидели белый свет. В жизни мне приходилось рассчитывать только на самого себя. Я был беден, страдал, долго воевал с несчастьями и победил их. Спасибо Богу за то, что я узнал благодать!.. Я отдал свою жизнь родной стране, творчество и вдохновение — бедным, униженным и оскорблённым.

Прошу, когда я умру, не говорите об этом в прессе и не жалейте меня. Не плачьте, не печальтесь и не носите траур. Я прошу прощения у тех, кому придется нести моё бренное тело на кладбище — пусть это будут рабочие из похоронной конторы. Не надо панихид и речей: всё, что будут говорить обо мне после смерти, я уже слышал при жизни. Всё моё состояние отдайте родственникам, пусть они разделят его так, как хотят».

До сих пор можно встретить в нашем интернете отзывы тех, кто в детстве прочитал роман Ханны Мина «Парус и буря», хотя книга не переиздавалась у нас с 1985 года. А теперь и вовсе дело застопорилось — упал интерес к чтению, на русский переводят в основном «коммерцию», ширпотреб.

А как же культура?! Как же всемирная русская отзывчивость да и просто любознательность: чем живёт мир за пределами американских «Макдональдсов» — фабрик-кухонь быстрого, но нездорового питания. Где вы, сирийские сладости? Где ты, благоухающий и сытный мэнсаф? Где нежнейших хумус, дарующий силы в пути? А где духовная пища с Ближнего Востока? (Ужель мы только еврейскими авторами утешимся? Так по ним и тосковать не надо — они себя в России не обидят.)

Для русского читателя остается тайной: что пишет Хала Бадри, египетская романистка? Об этом, конечно, известно нашей знаменитой арабистке-переводчице Валерии Кирпиченко, соавтору двухтомного капитального труда «История египетской литературы XIX–XX веков», но массовый наш читатель лишен выбора — качеством и разнообразием переводной прозы Россия сегодня похвастать не может. А предложение диктует спрос — «нет человека, нет проблемы». Нет в нашем культурном пространстве иорданской романистки Самихи Хрес, хотя парижские и лондонские издания печатают её работы. Так может, и нам стоит присмотреться к этому автору?!

Переводы, переводы... На конференции мы познакомились с Басемом Зуби — одним из проводников русской культуры в арабском мире. Он переводил рассказы Куприна, Чехова, Шукшина, Тэффи, пытался понять по интернету «современную русскую литературу», но вскоре оставил эту затею — найти что-то дельное в развалах сайтов и доменов тяжело, это всё равно, что искать иголку в стоге сена.

Но, есть, конечно, и в России сегодня таланты, есть они и в арабском мире. И книги хороших писателей с Ближнего Востока я бы прочла с большим удовольствием, чем творения наших «половых реалистов». В эру информации борьба идёт за душу человека, за время его жизни, за доминирование в его сознании. А вот Ханна Мина решил уйти тихо, не превращать свою кончину в пиар. Настоящий писатель, гуманист и христианин.

* * *

Один из вечеров мы провели в Лиге писателей Иордании. Эта общественная организация насчитывает более шестисот литераторов и журналистов и пользуется в стране заслуженным уважением. Особняк Лиги в центре Аммана уютен и обустроен — в саду монументальные пальмы и раскидистые кактусы, в самом здании — конференц-зал и кабинеты для работы, а если обойти виллу, то перед восторженным взором гостя открывается прекрасный бассейн и обширная беседка. В глубине её — стеллажи с книгами, а поближе к воде можно расставить столы для угощения и общения. Во избежание возможных подозрений скажем сразу: в Лиге не пьют! Эту похвальную традицию не нарушил даже приезд на международную конференцию пятидесяти иностранных гостей. Но ничего — и без того было не скучно, «горячительным напитком» послужила арабская поэзия. Гости и хозяева по очереди брали микрофон, состязались в изяществе мысли и красоте слога.

Переводчик вольно переложил для нас стихи Рашеда Иссы, экспромт удался, и мы не смогли удержаться от аплодисментов. Речь, разумеется, шла о любви, и поэт скромно склонил голову. Он не владеет русским, но много читал Ахматову и Цветаеву в переводах, преподаёт литературу в вузе и очень интересуется нашей культурой... Так же, как и Мариам Сайфи, которая принимала в своём поэтическом салоне Валерия Ганичева, Олега Бавыкина и Юрия Полякова — прошло много лет, но она хорошо помнит русских гостей. Пока мы объяснялись с Мариам, два арабских поэта заспорили о неологизмах в стихах Маяковского.

Тут к микрофону вышел «иорданский Ганичев» — председатель Лиги Сауд Кубейлат. Его приветствие участникам встречи было весьма кратким, что в корне изменило мои представления о велеречивости, принятой на Востоке. Всё по делу, без лишних слов. Местного председателя избирают сроком на два года, в случае, если его работу признают успешной, то полномочия могут продлить ещё раз — и, до свидания, будь ты хоть семи пядей во лбу. Мудрый подход: зачем творческому человеку долго отвлекаться на общественную работу?! Он может погубить своё признание, дар. Это у нас люди руководят писательскими организациями по 16 лет — им, видимо, терять нечего.

В Королевстве Иордания стабильность пребывания у власти гарантирована только правящей династии, а вот деятели общественных организаций должны доказывать свою значимость реальной работой. Кстати, совершенно бесплатной. Считается, что им и так оказана большая честь — представлять Лигу в Министерстве культуры и на международных форумах, быть на острие внимания прессы и общественности.

Надо ли говорить, что иорданская Лига гораздо более жизнеспособная организация, чем наш родной Союз писателей?! Конечно, государство здесь оказывает некоторую помощь творческим организациям — арендную плату за роскошную виллу вносит мэрия, небольшие средства даёт Минкультуры. Но всё-таки основной доход — членские взносы и пожертвования спонсоров. Лига сумела себя, что называется, «поставить»: средний гонорар в местных СМИ эквивалентен пятидесяти долларам, реальную силу имеют профсоюзы, действуют кассы взаимопомощи. И, конечно, иорданские писатели искреннее недоумевают: как же так, семь тысяч членов СП России не могут наладить работу в своей организации? Неужели такая махина не способна добиться уважения к себе?! Или наше слово столь лениво? Честно говоря, здесь, под раскидистыми пальмами, мне тоже такое положение дел виделось странным и обидным. Развратила писателей советская власть, многих лишила воли, а некоторых подсадила на наркотик мнимого влияния — они готовы отдать всё, лишь бы быть с властью, а не с народом. Красота, честность, национальная полезность — вот три столпа, на которых всегда держалась наша литература. Ну а деньги... Они, конечно, не лишние. Хотя начинающему литератору лучше сразу усвоить завет Ханны Мина: «Профессия писателя — не браслет из золота, а самый короткий путь к нищете».

Но дар поэта — дороже золота, потому что в стихах выражена твоя суть, твоя душа, в них ты — лучший, чем есть в действительности, совершенный, такой, каким был послан творцом в этот мир. Иорданские дни были наполнены встречами и впечатлениями, знакомствами и поездками по стране, обостренным вниманием к другой культуре и сердечным откликом вчера ещё неизвестных тебе людей. Но всё-таки самые поэтические вечера я проводила в одиночестве, когда плотная ночь занавешивала окна, отступала усталость, и звучала только одна речь — голос души. Устроившись поудобнее, я читала книгу стихов, привезенную в подарок библиотеке Российского культурного центра:

Я люблю тебя очень и очень,
Так, что всюду — куда не пойди,
Не глаза, а иконные очи
Светят мне бесконечно в пути.

Мне казалось, что книга стихов о любви Валентина Сорокина — лучший подарок тем, кто заскучает о родине, кто захочет вернуться в юность, ощутить себя в начале пути...

А Султан Гуссус, великолепный знаток русского языка, поклонник нашей культуры, переводчик Чехова, подарил мне свою книгу стихов на арабском с поэтичным названием «Видение во время тишины». Эпиграф к ней — знаменитые строки Пушкина:

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.

Султан Гуссус — хороший, но слишком требовательный поэт: он не спешит печататься, хотя стихи его лиричны и романтичны, прочувствованы и осмысленны. В конце сентября 2004 года в иорданской газете «Ад-дустур» была опубликована его поэма «Из Беслана в Газу» — пронзительный реквием по убиенным детям:

Ты рождён для любви, для её звездопада,
Только подлая смерть прикоснулась к губам,
Поднялись пред тобой все служители ада —
И Шарон, и Шамиль, и Шамир, и шайтан*...

А вышло так: 1-го сентября 2004 года началась трагедия в Беслане, а спустя два дня израильская авиация бомбила стадион в Газе, несколько десятков детей были убиты...

* Перевод Михаила Бондарева.

Как странно: здесь, в этих местах, где Иисус явился с благой вестью о вечной жизни, по-прежнему льётся кровь, а главные христианские святыни находятся на территории государства, которое вовсе не проповедует идеологию человеколюбия. «Единственный способ борьбы с ними [с арабами] заключается в нескольких вещах: уничтожении их святынь, убийстве их мужчин, женщин, детей и крупного рогатого скота», — заявил раввин Манис Фридман. Слова провокатора и подстрекателя, поскольку трудно представить, чтобы нормальные люди разделяли это фашистское заявление. Говорить так мог лишь изувер или сумасшедший, поджигатель нового мирового конфликта. И без того неспокойно на Ближнем Востоке, а тут на авансцену истории вновь выдвигается Иран, родина древнейшей цивилизации и первой в истории человечества монотеистической религии — зороастризма. Парадокс, но страна эта, населённая персами, вот-вот станет во главе процесса, который называют арабским сопротивлением, а её лидер Махмуд Ахмадинежад известен как жесткий критик политики Израиля. Хрупок мир, окружающий нас — бурлит Афганистан, неспокоен Пакистан. Просыпайся, Россия, иначе проспишь свою судьбу...

* * *

Многими чудесами награждает нас жизнь, и одно из них — чудо путешествия в пространстве и времени, ковер-самолёт воображения, радость познания, драгоценность впечатления. Петра — столица древнего Набатейского царства, таинственный город в скалах, поражающий своей величественной и трагичной красотой.

Здесь, в Петре, мы встретили русскоговорящего гида, получившего образование в Ленинградском кораблестроительном институте. Вместо кораблей по морю он водит наших туристов по пустыне, белозубо улыбается, шутит. Наш новый знакомый — прямой потомок крестоносцев (я называла его про себя «гасконцем» — высокий, загорелый, с характерными чертами лица, он больше похож на жителя юга Франции, чем на обитателя Ближнего Востока). Родом из Карака, одного из знаменитых городов Иордании, где и сейчас можно побродить по древнему замку крестоносцев. Фамилия гида переводится на русский как «стёрший веру» — их род давно исповедует мусульманство.

Прогулка по Петре запомнилась ещё и благодаря встрече с гостеприимным бедуином, хозяином уличного кафе. Когда изрядно утомлённые палящим зноем путники с наслаждением разместились в тени и стали вкушать рубиновый чай с лепестками свежей мяты, трое наших сопровождающих вежливо заспорили между собой — кто из них заплатит за угощение?! Каждый считал, что это именно его обязанность. Хозяин кафе, пожилой, прокалённый солнцем человек, в традиционной одежде бедуина, внимательно вслушивался в переговоры, и наконец, спросил: кто эти необычные туристы? «Писатели из разных стран», — отвечали ему. Тогда хозяин заложил руки за спину в знак того, что не возьмёт платы: «Вы что? Думаете, я — не бедуин?!..» Глаза его горели решимостью. Этот благородный, великодушный жест со стороны совершенно незнакомого нам человека (кстати, совсем небогатого), наверное, лучшая характеристика здешнего «национального характера».

...И был ещё один вечер — в «русском доме», в клубе выпускников советских и российских вузов «Ибн Сина». Быстро спустилась ближневосточная ночь, далеко светили мелкие звёзды, зелёный виноград крупными гроздьями висел прямо над головой — на каркасе беседки, и было у нас сугубо советское застолье — с тостами за нашу великую общую духовную родину — СССР, с закуской из зелёных, но очень вкусных яблок, росших здесь же, в саду (стол был отличный, со многими блюдами, но запомнились почему-то вот эти «домашние» яблоки), с громкими разговорами, воспоминаниями и шутками. Был здесь щеголевато одетый адвокат, кареглазый красавец Юсуф Хамдан, президент клуба, был колоритный, громогласный Халед Хаддадин (в переводе на русский его фамилия — «Кузнецов»), он — представитель местной буржуазии и идейный деятель компартии, был вице-президент клуба, инженер, в прошлом — руководитель одного из районов Аммана. Он вспоминал о том, что когда приезжал Путин, ему предлагали стоять с плакатиком-приветствием возле Посольства России. «Я что, школьник?!» — законно возмущался он... Были ещё наши люди — народу набралось достаточно, чтобы закончить застолье русскими песнями. И, когда затянув «Подмосковные вечера», мы вдруг запнулись, то песню выправил Султан Гуссус — он помнил слова лучше нас, русских...

Что ж, пора возвращаться домой. Мне никогда не бывает одиноко наедине с собой, но иногда бывает больно-тревожно за щедро растраченную жизнь; щедрую, как наша большая русская земля, где вдруг накатывает беспричинная тоска-кручина... Так было и бессонной ночью перед возвращением домой. Где-то вдали ухала музыка на мусульманской свадьбе, громко-ритмичная, такая, будто в землю забивали сваи, но не в ней было дело, не в ней, во мне. Здесь, в череде встреч и калейдоскопе событий мы всё-таки ухитрялись говорить о главном, о том, что составляет сущность человека. Например, о смерти. Мы говорили, что её не надо бояться, что вообще ничего не надо бояться, кроме того, что

ты можешь потерять возможность летать — вот эти волшебные миги соприкосновения с чудесным, заоблачным миром, которые даются человеку его вдохновением — как, почему, кем?.. Чтобы заснуть, забыться, я мысленно стала рисовать картину — тончайшей кистью, не упуская самых мелких деталей, я заполняла холст изображением уходящей за горизонт каменистой и бесстрастной пустыни.

Утром был аэропорт, белые птицы-самолёты, небо над Иорданией. Так родился этот рассказ, и пусть каждый из читателей найдёт в нём что-то своё, заветное и важное...

июль 2010

Содержание

Русь в ожидании варягов 5
Время жить и время побеждать 11
Страна запрессованной прессы 16
Спор евреев со славянами в селе Большое Болдино 20
Родион Ходорковский и Порфирий Путин,
или Достоевский forever 24
По заветам постмодернизма 28
Почему Россия не Европа 36
Вера и действие 50
Музыка как судьба 65
Тоска по идеалу 72
Сергей Есенин и современность 79
Три женских имени в русской литературе 87
Спокойная жизнь 99
Прекрасное должно вернуться 105
Наш современник доктор Чехов 116
Время Бояна 120
Слова и цифры 129
Путь к Босфору 140
Литературные мечтания 162
Размышления о прозе Виктора Лихоносова 162
О Викторе Бокове, грустном поэте 169
Сила таланта 179
В небе над Иорданией 198